

Флагман штурмовой авиации

**Семен Алексеевич
Донченко**

SHOUT
SHARE **IT**

- Донченко Семен Алексеевич

Донченко Семен Алексеевич

Флагман штурмовой авиации

Донченко Семен Алексеевич
Флагман штурмовой авиации

{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста книги.

Аннотация издательства: Эта книга - документальный рассказ бывшего командира одной из дивизий 1-го гвардейского штурмового Кировоградско-Берлинского Краснознаменного, орденов Суворова и Кутузова авиационного корпуса о героизме и мужестве летчиков этого соединения, 101 из которых удостоен высокого звания Героя Советского Союза, в том числе 7 отмечены этим высоким званием дважды.

С о д е р ж а н и е

Предисловие

Бойцы вспоминают минувшие дни

По приказу Верховного главнокомандования

Крылья крепнут в бою

На Огненной дуге

Звездное небо Украины

Кировоградский гвардейский

Каждый вылет - легенда

От Вислы до Одера и Нейсе

На штурм Берлина

Примечания

Список иллюстраций

Летчики корпуса Рязанова были лучшими штурмовиками, каких я знал за весь период войны.

Маршал Советского Союза И. С. Конев

Предисловие

Решение издать книгу о героических судьбах воинов 1-го гвардейского штурмового Кировоградско-Берлинского авиакорпуса было принято в городе Кировограде: здесь в 1984 году собрались ветераны-авиаторы по случаю празднования 40-й годовщины освобождения города от немецко-фашистской оккупации. Потому-то книга и начинается с воспоминаний ветеранов авиакорпуса об освобождении города Кировограда.

Штурмовой авиакорпус (1-й шак) был сформирован во второй половине 1942 года, т. е. в ходе Великой Отечественной войны. Позади уже был разгром немецко-фашистских войск под Москвой.

Значение этой победы трудно переоценить. Она вскрыла

авантюризм фашистской Германии и показала всему миру, что фашистов можно не только бить, но и победить. Стало ясно и то, что вести наступление по всему фронту одновременно невыгодно.

И тогда Ставкой Верховного Главнокомандования советских войск для усиления мощи наступательных операций были созданы так называемые соединения резерва Ставки ВГК, которые были приданы войскам, действующим на главных и важных направлениях.

Таким резервом Ставки ВГК в авиации стал 1-й штурмовой авиационный корпус. Командиром был назначен уже довольно опытный генерал, впоследствии дважды Герой Советского Союза В. Г. Рязанов. Появилась и возможность вооружить 1-й шак самолетами Ил-2, которые к тому времени зарекомендовали себя с самой лучшей стороны.

1-й гвардейский штурмовой корпус под командованием генерала В. Г. Рязанова прошел героический путь от Подмосковья до Берлина и Праги, награжден орденами Красного Знамени, Суворова и Кутузова 2-й степени.

В знак признания заслуг перед Родиной на могиле его бывшего командира генерала В. Г. Рязанова на Лукьяновском кладбище в Киеве высится величественный памятник. Каждый год в день празднования Победы над фашистской Германией мимо него проходят тысячи советских людей. Я слышал, как кто-то спросил: "А кто такой генерал Рязанов? За что ему такой почет?" Вот на эти вопросы и дает ответ книга "Флагман штурмовой авиации". В ней названы сотни имен воинов, которые, не щадя своей жизни, ковали нашу Победу в Великой Отечественной войне.

Думается, книга эта также поможет молодому поколению нашей страны стать достойными преемниками воинской чести и доблести своих отцов и дедов.

Бойцы вспоминают минувшие дни...

Время... Давно сравняло оно окопы и траншеи, выветрился запах взрывчатки, вольно дышит умытая дождями и росами земля. Молчит она под крылом чистого синего неба. Но стоит только увидеть на ней щербатый осколок, позеленевшую гильзу - и сердце будто услышит ее тревожный голос, рассказ о войне. Ведь каждому из нас, кто пережил войну, не дает покоя ни днем, ни ночью память.

Растревоженная память сердца! Она-то и собирает нас вместе на очередные переключки, где мы проверяем свои ряды, которые, увы, с каждым годом редеют.

...Это была одна из самых примечательных встреч ветеранов 1-го штурмового авиационного соединения, посвященная 40-й

годовщине освобождения города Кировограда и присвоения прославленному корпусу почетного наименования "Кировоградский", преобразованию его в гвардейский.

Объятия, поцелуи, слезы... Да, мы не стыдились их, ведь сколько событий пронзили наши сердца за тысячу четыреста восемнадцать суток войны! И время это измерялось не бегом секундной стрелки, а жизнью и смертью, болью и кровью, любовью и ненавистью, безграничной жадой победы.

- Ты помнишь Калинин, Воронеж?..

- А не забыл, как жарко было под Белгородом, Прохоровкой, Харьковом?

- А Кременчуг, Кировоград, Александрию, Знаменку?

Мне и сейчас снится небо Молдавии, Львова, Сандомира, Ченстоховой, Берлина и Праги... Можно ли позабыть все это!

Белгород... Харьков... Кировоград... Для нас это не только географические понятия, наименования отдельных населенных пунктов на полетных картах, а вехи суровой и тревожной молодости, этапы жестокой и смертельной схватки с фашизмом.

Я смотрю на своих товарищей, и перед мысленным взором возникают картины далекого и вместе с тем близкого прошлого, оживают образы людей в летных шлемофонах и промасленных "технических" куртках, таких молодых тогда!

Вот сидят побратимы-гвардейцы - Юрий Балабин, Анатолий Расницов, Василий Шевчук, Георгий Красота, Иван Антипин, Степан Карнач, Алексей Павлов, Анатолий Рыбаков, Владимир Посохин, Иван Шапошник, Георгий Шомников, Михаил Синицын, Дмитрий Спащанский, Николай Лапутин, Георгий Кришталенко, Иван Глушко, Николай Часовской, Николай Мещеряков, Павел Быстреев, Зиновий Рабинович, Андрей Борисов, Ирина Рязанова...

Летчики-штурмовики и истребители, воздушные стрелки и техники, связисты и работники тыла... На груди у многих Звезды Героев, тесные ряды государственных наград. Они - свидетельство тому, что каждый прошел боевой путь честно, до конца выполнил свой воинский долг перед Родиной.

Кировоградская операция у каждого участника встречи стала яркой памятной вехой в его фронтовой биографии, несмотря на чин и должность.

Командование противника отлично отдавало себе отчет в том, что потеря крупного областного центра - Кировограда - лишит его последней коммуникационной базы, через которую после сдачи Знаменки поддерживалась связь с тылом и которая питала всю южную приднепровскую группировку...

Бои велись днем и ночью, на земле и в воздухе. По густоте сосредоточения войск, по количеству танков, артиллерии и

самолетов и, наконец, по кровопролитности и напряженности они были сходны с битвой под Орлом и Белгородом.

Враг был повержен. Кировоградская операция создала благоприятные условия для перехода в решительное наступление на Правобережной Украине.

Воспоминания друзей... Они бередили душу и снова уносили в уже далекую, опаленную войной молодость. Я смотрел на военные мундиры, гражданские костюмы с радужными орденскими планками, на убеленные сединами головы моих дорогих друзей, и в памяти невольно всплыли строки поэзии Сергея Смирнова:

...Откуда мы?

Мы вышли из войны.

В дыму за нами

стелется дорога,

Мы нынче как-то

Ближе быть должны:

Ведь нас осталось

В мире так немного...

Быстро промелькнули дни нашей встречи. Мы покидали добрый, гостеприимный город, имя которого было начертано на Боевом Знамени корпуса. Музыка, цветы, дружеские рукопожатия, гомон красногалстучной пионерии...

Ничто не напоминало о былом лихолетье. Давно умолкли пушки, очистилось от копоти небо. Выросло и вступило в жизнь новое поколение людей, не знавших бомбежек и зенитных пулеметов на крышах, надолбов и "ежей" на улицах, затемненных окон и хлебных карточек, лишь радующихся праздничным салютам в честь освобожденных городов. И мы, ветераны, которые на плечах своих вынесли всю тяжесть этой войны, хотели бы, чтобы и для нынешнего и для грядущих поколений всегда сиял подвиг народа, равного которому нет в веках.

После поездки я многое передумал, переворошил кипы архивных материалов, перечитал воспоминания тех, кто был свидетелем того далекого, но незабываемого прошлого, и взялся за перо. Очень хочется, чтобы эти строки стали незримым памятником тем, кто так и не увидел счастливую звезду победы, и тем, кто ныне здравствует на земле, обильно политой горячей кровью верных сынов Отечества.

По приказу Верховного Главнокомандования

...Под Москвой, на высоком берегу Истры, воздвигнут памятник самолету Ил-2. Это монументальное сооружение как бы увековечило труд конструкторов, рабочих, героизм летчиков-штурмовиков.

Созданный в канун Великой Отечественной войны в Опытном конструкторском бюро Сергея Владимировича Ильюшина советский штурмовик сразу же зарекомендовал себя как принципиально новый боевой самолет, равного которому не имела ни одна армия мира.

Конструктору удалось многое: он нашел наилучшее сочетание веса машины и ее скорости. Этот "летающий танк", вооруженный скорострельными пулеметами и пушками, несущий под крыльями реактивные снаряды и бомбы, наводил панический ужас на гитлеровцев и был прозван фашистами "черной смертью".

В мае 1943 года газета "Известия" писала:

"На аэродромах, как бы они ни были удалены от передовых позиций, всегда остро ощущается близость фронта. Скорость сводит на нет расстояния. "Илы" же, без преувеличения, находятся порой так же близко к врагу, как пехотинцы, сходящиеся врукопашную. Во время штурмовки они врываются в самую гущу вражеских колонн, вступают в бои с танками, едва не задевая их плоскостями, они в упор расстреливают вражескую пехоту, буквально "сажаясь на плечи" ей, и выдерживают огонь неприятельских орудий и пулеметов на небольшой высоте..."

Уникальная машина работала непосредственно в интересах наземных войск, как в наступлении, так и в обороне. И если в наступательном бою штурмовики словно бы проталкивали наши войска вперед при прорыве обороны противника, то в обороне они подавляли его атакующие танки и артиллерию. Причем цели эти обычно находились в непосредственной близости от наших войск, и нужно было обладать большим мужеством, смелостью и весьма четким управлением действиями штурмовиков, чтобы не поразить своих. Полное вооружение машины включало 2 пушки калибра 23 мм, 2 пулемета - 7,62 мм, пулемет - 12,7 мм, бомбы - от 400 до 600 кг и восемь реактивных снарядов.

Мне довелось воевать на Ил-2 при защите советского Заполярья, в небе Украины, Польши, Чехословакии, фашистской Германии. Разные были задания: в перекрестие прицела "ила" попадали паровозы, вагоны с боеприпасами, цистерны с горючим, мосты, танки... Мы работали по переднему краю и по тылам противника, ходили на свободную "охоту", вступали в воздушные бои, и "горбатые" - так в шутку называли лётчики свою машину - никогда не подводили.

Случалось быть и под шквальным огнем зениток, крупнокалиберных пулеметов. Не всегда броня выручала, но шансы уцелеть были. Так, если пуля прошивала протектированный топливный бак, самолет не горел. Помню рваные раны на крыльях, на рулях управления, - а он тянет к

своему аэродрому... Я попадал в различные переделки и могу сказать: живучесть машины поразительная. Недаром летчики говорили: "Из боя "ил" долетит на честном слове и на одном крыле".

Каждый третий летчик, воевавший на Ил-2, удостоен звания Героя Советского Союза. Из 65 летчиков, дважды получивших это звание, более трети штурмовиков.

* * *

В старые времена говорили: "Сильна рать воеводой". Именно таким человеком и был для нас командир штурмового корпуса В. Г. Рязанов, возглавлявший авиационное соединение со дня его создания и до расформирования.

Рязановы - потомственные волгари. Родина Василия Георгиевича - село Большое Козино, что в одиннадцати верстах от Сормово. Был он старшим в многодетной семье, уже с семи лет познал тяжесть изнурительного крестьянского труда.

Спустя много лет Василий Георгиевич вспоминал, как часто по вечерам он убегал за сельскую околицу к реке и там, упав навзничь в густую траву на крутояре, думал о своей нелегкой судьбе: об отце, исконно русском землепашце, бедствующем на крохотном клочке земли, о лихоимстве перекупщиков зерна, налогах, которые петлей давили семью. И чем больше голодал дома, тем сильнее хотелось побывать ему за Волгой, посмотреть, какие там растут хлеба, как живут люди, может, легче, сытнее, счастливее.

Шли годы. Василий, окончив Большекозинское двухклассное училище, а затем Балахнинское городское, работал в местном потребительском обществе, в почтовом отделении в Сормово. Шестнадцатилетним пареньком в 1917 году возглавил ревсовет почтово-телеграфных работников. Его двоюродный брат Николай Михайлович Рязанов (член РСДРП (б), подпольная кличка "Гармонист") был расстрелян в Архангельске интервентами и их пособниками в 1919 году на болотистой окраине города, именуемого Мхами. Ныне там стоит памятник, а одна из улиц в Большом Козино носит имя Николая Рязанова.

Чтобы помочь семье, которая, как и прежде, трудно сводила концы с концами, Василий переехал в родное село. Учителествовал, работал инструктором отдела народного образования, тогда же, в мае 1920 года, стал членом РКП (б). Вскоре был откомандирован в губсовпартшколу в Нижний Новгород, после окончания которой в этом же году его мобилизовали в армию и назначили лектором-агитатором губвоенкомата.

И опять учеба, уже в Коммунистическом университете имени

Я. М. Свердлов. А одновременно посещал и рабфак при МГУ.

По окончании университета Василий Георгиевич снова в армии. Теперь он инструктор политотдела 17-й Нижегородской стрелковой дивизии, а с января 1925 года - начальник партучебы во 2-й военной школе летчиков в Борисоглебске. Занимаясь партийной работой, Рязанов одновременно учился летному делу, знал хорошо В. П. Чкалова.

За непродолжительный период службы Василий Георгиевич побывал на разных летных должностях, с отличием закончил школу воздушного боя в Серпухове, оперативный факультет Военно-воздушной академии имени профессора Н. Е. Жуковского, участвовал в войне с белофиннами, после чего возвратился в академию, только уже в качестве начальника учебного отдела.

Я прибегаю к биографическим данным Рязанова, чтобы с полным основанием сказать: это был человек высокой партийнойковки, обладающий поразительной трудоспособностью, неумной тягой к знаниям. Начав сравнительно поздно летать, он освоил многие типы машин, одновременно занимался научной работой. Система радиоуправления группами самолетов, успешно применяемая в военных операциях, разрабатывалась им еще тогда, в далекие 30-е годы. И вот война...

Боевые действия на советско-германском фронте развивались на трех стратегических направлениях: северо-западном, западном и юго-западном.

Так, на юго-западном направлении гитлеровское командование поставило перед группой армий "Юг" задачу в кратчайший срок овладеть Киевом, окружить и уничтожить наши войска на Правобережной Украине. На стороне врага было двукратное превосходство в танках, артиллерии, пехоте. Его авиационная группировка - 4-й воздушный флот и ВВС Румынии - насчитывала 1150 самолетов {1}. Почти такое же количество самолетов имели и мы, но большинство из них были устаревшего типа.

Тяжелое положение сложилось на киевском направлении уже в первой половине июля, когда четырнадцать вражеских дивизий, при поддержке авиации прорвав оборону, устремились к столице Советской Украины. Возникла угроза ее захвата. С целью срыва планов противника советские войска при содействии авиации нанесли контрудар во фланг - в направлении Новограда-Волынского и Червоноармейска.

Тяжелые бои продолжались около месяца. Потеряв свои отборные части, противник временно прекратил наступление. В его срыве немаловажная роль принадлежала нашей авиации.

Для поддержки 5-й армии, где заместителем командующего

ВВС был полковник В. Г. Рязанов, привлекалось шесть авиадивизий фронтовой авиации и два корпуса дальнебомбардировочной. Наши летчики вели боевые действия с большим напряжением, ежедневно совершая по 4-5 вылетов. Они подвергали ударам танковые и моторизованные колонны противника по шоссе Житомир - Киев, уничтожали его авиацию на аэродромах, прикрывали с воздуха Киев, переправы и мосты через Днепр, железнодорожные узлы Нежин и Чернигов...

В сентябре 1941 года полковника В. Г. Рязанова назначили начальником группы контроля ВВС Юго-Западного фронта, а в декабре он принял 76-ю смешанную авиадивизию, после которой стал командующим маневренной группой ВВС фронта.

* * *

В самом разгаре была весна 1942 года. Противник снова возобновил крупные наступательные операции. По проселкам двигались танки; на бронетранспортерах, машинах, мотоциклах, прорвав нашу оборону, совершала глубокие охваты и обходы вражеская пехота. Противостоять натиску гитлеровцев было трудно, но отступающие части все же сдерживали врага.

...Командующий маневренной авиационной группой генерал-майор авиации Василий Георгиевич Рязанов как-то ночью прибыл на передовую, остановился в одном из артдивизионов. Вес эти дни его беспокоила мысль: в полной ли безопасности фланги фронта, о чем так оптимистично доложили наземные разведчики? Тревога будто прошла, когда пехота дружно контратаковала неприятеля, который не выдержал и отступил. Но картина резко изменилась, едва в бой вступила артиллерия противника. Кто уцелел из наступающих залег. В такой ситуации только авиация могла изменить обстановку.

Генерал Рязанов немедленно вызвал по телефону группу штурмовиков. На первых порах их удары по видимым целям были эффективны, но потом действия экипажей стали неуверенными, хаотичными. Самолеты сбросили бомбы мимо цели, в общем, сработали впустую... Этой ночью Василий Георгиевич еще раз понял, что без радио, непосредственной связи с экипажами ведущих воевать нельзя.

Расстроенный, возвращался он в свой штаб, который располагался километрах в сорока от фронта. Не успел прибыть на КП, как ему доложили о том, что рядом немецкие, танки.

Какие танки? Тут, за десятки километров от боевых действий?

А вражеские танки действительно шли, втягиваясь в рощу, маневрировали.

Генерал схватил трубку телефона и приказал срочно поднять

все самолеты.

Объяснять сложившуюся ситуацию не требовалось: танки повернули к аэродрому, и на стоянке уже срывалась маскировка с самолетов, они тут же отрывались от земли, шли в набор высоты.

Стоило чуть промедлить - и оказались бы в ловушке. Штабу и всему хозяйству был отдан приказ отходить на восток...

Позже, анализируя происшедшее, Рязанов понял причину своей тревоги: разведчики пропустили танки, которые сосредоточивались на флангах у самого основания барвенковского выступа. Похоже, круг замкнулся. Вот почему фашистские танки появились так внезапно, в сорока километрах от передовой линии...

Небольшой группе штабистов посчастливилось оторваться от преследования и выйти к запасному командному пункту. Здесь генерала Рязанова ждал срочный вызов в столицу...

В Москве его принял командующий ВВС Красной Армии генерал-полковник авиации Александр Александрович Новиков.

Вот что рассказывал об этой встрече Василий Георгиевич,

...Ровно в девять он вошел в кабинет главкома. Пожав ему руку, Новиков предложил сесть и сразу спросил:

- Василий Георгиевич, по моим сведениям, вы хорошо знакомы с машиной Ильюшина?

- Да, летал сам и обучал других.

- Опыт боевых действий показал, что наличие ВВС общевойсковых армий и смешанных соединений значительно затрудняет маневр и массированное применение авиации на важнейших участках фронта. Ее нужно сосредоточить в одних руках. Командованием ВВС Красной Армии сделан вывод, что авиационные резервы ВГК по своему составу должны быть не менее мощными, чем авиационные армии, но по организационной структуре - более мобильными и маневренными, а по прибытии на фронт свободно входить в состав воздушной армии и после выполнения боевых задач выводиться из нее.

Дело предстояло весьма сложное. Глубоко разработанной тактики боя крупных штурмовых соединений пока не было. Хромало и управление самолетами в воздухе. Была слабой связь.

- Командирами дивизий к вам думаем назначить Родякина и Каманина, сообщил в заключение встречи Александр Александрович Новиков.

Николая Петровича Каманина Рязанов знал хорошо: он его в академии на новые самолеты переучивал.

В сентябре 1942 года формирование корпуса подходило к концу. Одним из последних в район Подмосковья перелетел 735-й

штурмовой авиаполк майора Семена Егоровича Володина. Корпус состоял из 266-й и 292-й дивизий, полки которых ранее воевали на разных фронтах и различных типах самолетов. Естественно, многие летчики не имели опыта, и им предстояло приобретать его в ходе учебы. Экзамен - фронтовое небо!

Учились самозабвенно, до седьмого пота: и в классах, и на полигоне. Командир корпуса, заместитель по политчасти полковник Иван Семенович Беляков, начальник штаба полковник Петр Игнатьевич Брайко, командиры дивизий полковники Федор Григорьевич Родякин и Николай Петрович Каманин все время находились в полках.

Героя Советского Союза Каманина хорошо знали все в нашей стране. Он участвовал в челюскинской эпопее, в ходе которой группе летчиков пришлось выдержать серьезные испытания, и продемонстрировал всему миру силу нашей авиации, ее растущие возможности. Окончив академию, Николай Петрович командовал авиабригадой, принимал участие в боях с белофиннами.

Вместе с отцом отправился на фронт и Аркадий. В свои четырнадцать лет паренек самостоятельно поднимал в воздух У-2. Позже юного пилота включили в боевой расчет. На 1-м Украинском фронте Аркадий уже водил связной самолет, не раз был крещен огнем, удостоен двух орденов Красной Звезды.

Второй комдив полковник Родякин даже внешне сразу располагал к себе окружающих: стройный, подтянутый, спокойный и уравновешенный, он всегда создавал в коллективе деловой настрой, в сложной обстановке не раз воодушевлял людей своим примером. Обладал высоким летным мастерством, был инициативен и находчив в самых критических условиях боя, за что и отмечен наградами. В лице командиров дивизий генерал Рязанов нашел истинных единомышленников и помощников.

Сам Василий Георгиевич вникал буквально во все вопросы, нередко, на первый взгляд, кажущиеся незначительными. Большую часть времени отдавал организации боевой подготовки в полках, правильной эксплуатации материальной части. Командир корпуса постоянно напоминал летному составу слова Н. Е. Жуковского: "Самолет - величайшее творение разума и рук человеческих. Он не подвластен никаким авторитетам, кроме лиц, свято соблюдающих законы".

По мере накопления опыта совершенствовалась тактика штурмовиков, улучшалась организационная структура, видоизменялись боевые порядки. Теперь их основой становилась пара самолетов, а состав звена - четырехсамолетным. При этом наиболее обороноспособной и маневренной оказалась группа в составе шести-восьми самолетов. Боевым порядком ее стал

"пеленг". Сбрасывание бомб производилось с индивидуальным прицеливанием каждым летчиком по сигналу ведущего группы,

Особое внимание генерал Рязанов уделял ведущим.

"Знать каждого в лицо" - таково было его требование к командирам полков.

Командир корпуса часто проводил занятия с руководящим составом частей по использованию радиосредств, считая для авиаторов настольной книгой Инструкцию по управлению, оповещению и наведению самолетов по радио, которая была введена в действие приказом народного комиссара обороны от 29 сентября 1942 года. На "илах" устанавливались коротковолновые станции РСИ-4. Приемно-передающие устройства были на машинах командиров эскадрилий и выше. Командиры звеньев, рядовые летчики имели пока одностороннюю связь, у них стояли приемники. Мечта Василия Георгиевича об оборудовании передатчиками всех самолетов осуществилась только во время боев на Курской дуге.

Боевые достоинства "ила" были налицо, однако командира корпуса все время тревожила мысль о том, что без защиты задней полусферы самолет не совершенен. Свидетельство этому - потери от вражеских истребителей, которые атаковали его обычно с хвоста и снизу. Подумывал комкор и о необходимости сопровождения штурмовиков истребителями до цели и обратно.

Серьезно обсудить эти вопросы помог случай. На подмосковный аэродром, где в эти дни базировался 800-й полк майора Анатолия Ивановича Митрофанова, прилетел сам Ильюшин. Из штаба корпуса позвонили, чтобы встречали гостя, но летчики сначала и не поверили. Когда на аэродроме приземлился У-2 и из кабины вышел пилот в обычном летном шлеме и кожаной куртке, на него никто не обратил внимания. Но вот он направился к командному пункту, и все догадались, что это и есть тот самый долгожданный Ильюшин. Его тут же обступили летчики, механики... Завязался разговор. Выяснилось, что летать Сергей Владимирович начал еще в семнадцатом году. Конструктор задавал вопрос за вопросом, был оживленным, и лишь усталые, воспаленные глаза говорили о его напряженной работе. Отмечая бесспорные качества штурмовика, летчики высказали Сергею Владимировичу свои претензии: из-за отсутствия задней кабины для стрелка имелись неоправданные потери и людей, и дорогостоящих машин.

- Нас "мессеры" долбают сзади так, что щепки летят, - прямо заявил командир эскадрильи старший лейтенант Шубин. - Истребитель, благодаря скорости; маневренности, может остаться одноместным, а нам нужен стрелок для защиты хвоста.

Ильюшин слушал молча. Ведь ему высказывали претензии те, кто не раз бывал в острых схватках с врагом. Полк принял боевое крещение еще под Киевом, Потом отражение атак противника в районе Дубно, Ровно, Житомира.

- Согласен, что ваши замечания, имеют основания, - сказал Ильюшин. - К тому же по расчету центровки второй член экипажа мог бы летать. Но осуществить это весьма сложно. Нужно вносить исправления в чертежи, перестраивать заводское производство.

- Тогда не обижайтесь! - горячился Шубин. - Мы вынуждены будем сами внести изменения в конструкцию "горбатого".

Ильюшин развел руками.

- У нас в полку и Кулибин свой есть - оружейник Мищенко. Когда мы раньше летали на бомбардировщиках, он снял два пулемета с подбитых машин. Одну турель распилил и на "ил" поставил.

- У нас на двух самолетах уже стоят такие пулеметы, - проговорил, краснея, обычно скромный и малоразговорчивый командир эскадрильи лейтенант С. Пошивальников.

Ильюшин оживился.

- Покажите!

Шубин и Пошивальников метнулись к своим машинам.

- Александр, в отсек! - толкнул Пошивальников локтем широкоплечего и рослого лейтенанта Александра Гридинского. Казавшийся неповоротливым, тот ловко юркнул в узкий отсек и дал звонкую очередь в небо.

Конструктор внимательно осмотрел пулеметные установки на обоих самолетах.

- Ну что ж, друзья, - после некоторой паузы сказал Сергей Владимирович, - я на вашей стороне. Воюйте со своими пулеметами, а я обещаю, что в ближайшем будущем вы получите, как вы называете, "горбатого" с хвостовой огневой точкой. И постараюсь вооружить вас пулеметами калибром покрупнее.

...Начались затяжные осенние дожди. Намокшие сосны близлежащего леса радовали глаз густой зеленью, что выделялась на фоне пасмурного неба. Вода быстро впитывалась в песчаную почву, и летные поля, к счастью, не раскисали, позволяя самолетам взлетать. В дни передислокации на Калининский фронт погода также была хмурой, с невысокой облачностью. Правда, метеорологи успокаивали, обещали улучшение.

Эскадрильи одна за другой взлетали с небольшим интервалом и брали курс на северо-запад. Шли под невысокой сплошной облачностью. В районе Калинина действительно распогодилось. Сели без спешки и неприятностей.

Комендант аэродрома сразу же начал рассредоточивать

технику, заправлять машины горючим. Технический состав разместили прямо на аэродромах, летный в близлежащих населенных пунктах, кое-кому все же пришлось ехать в город.

Калинин представлял собой сплошные развалины, повсюду валялась битая вражеская техника. Отступающие из города гитлеровцы перед уходом успели взорвать многие здания, транспорт... В общем, изуверский почерк фашизма был виден во всем.

Перед началом новых боевых действий генерал Рязанов собрал командный состав дивизий и полков на совещание. В докладе отметил, что гитлеровцы понесли ряд серьезных поражений в боях с войсками Калининского и Северо-Западного фронтов, но обстановка продолжает оставаться напряженной. Действительно, на западе противник прочно удерживал треугольник: Невель Новосокольники - Великие Луки. На востоке в его руках находилась железная дорога Мостовая - Ржев. Наши войска занимали демянский плацдарм, который штабники окрестили "языком". Южнее, в районе города Белый Калининской области, гитлеровцы приготовились зазимовать со всеми удобствами и стянули туда крупные силы, включая дивизию СС "Мертвая голова", а еще дальше на юг в Смоленске - захватчики чувствовали себя уже совсем в безопасности.

Корпус теперь вошел в состав 3-й воздушной армии генерала М. М. Громова.

Первые дни пребывания штурмовиков на новых, еще не обжитых аэродромах прошли не примечательно. Но с подготовкой следовало спешить: ухудшалась погода, похолодало, изредка шел снег. Полки включились в боевые действия. Предстояло нанести удары по прифронтовым объектам в районе Ржева и Великих Лук. На великолукском и ржевско-вяземском направлениях наземные войска осуществляли наступательные операции, чтобы сковать противника и лишить его возможности перебрасывать резервы под Сталинград.

Крылья крепнут в бою

Знакомясь с архивными документами корпуса, перечитывая письма участников тех событий, я явственно представлял, в каких сложнейших условиях пришлось действовать летчикам на Калининском, а затем и на Северо-Западном фронтах, какое мужество, самообладание, волю надо было иметь, чтобы преодолевать трудности фронтового бытия и умело громить заклятого врага. Но всегда на самых ответственных участках цементирующей силой являлись коммунисты.

Одним из первых с аэродрома Андреаполь начал выполнять боевые задания 800-й штурмовой авиаполк майора А.

Митрофанова. После того как эскадрилья старшего лейтенанта М. Малова установила интенсивность железнодорожных перевозок на участке Ржев - Мостовая, командир корпуса отдал приказ разбомбить эти объекты и вражеский аэродром севернее Смоленска. Выполнить штурмовку аэродрома было поручено Малову.

Штурмовики вышли в точно рассчитанное время на вражеский аэродром и, сделав три захода, уничтожили четырнадцать самолетов, двадцать автомашин, обстреляли колонну бензозаправщиков. Успех был значительный, и генерал Рязанов подписал первые в полку наградные листы на старшего лейтенанта Михаила Сергеевича Малова и его ведомых.

Пятнадцать раз водил группы комэск Малов на штурмовку неприятельских позиций под Великими Луками. В один из вылетов он засек на станции два эшелона. Снизившись, расстрелял из пушек локомотивы, а потом приказал ведомым ударить реактивными снарядами по вагонам. Как и предполагал, в составах оказались боеприпасы. Вспыхнули и цистерны с горючим. Станция превратилась в крошечный ад.

Нелегким для эскадрильи Малова оказался боевой налет на станцию Новосокольники. И все же, преодолев зенитный заслон, Малов накрыл вагоны, из которых выгружались воинские части противника. При первом заходе штурмовики пулеметным огнем прошли по разбежавшимся в панике гитлеровцам, вторым заходом разбили вагоны и пристанционные склады.

Неоднократно коммунист Малов водил группу "илов" в район населенных пунктов Громово и Бутитино на штурмовку танков и мотопехоты, которые рвались к гарнизонам, окруженным в Великих Луках.

Вражеское командование лихорадочно "штопало" те бреши, которые пробивали наши летчики.

Так, на Смоленский аэродром фашисты перегнали значительное количество самолетов, готовя ответный удар. Генерал Рязанов решил упредить врага. Для штурмовки аэродрома была выделена восьмерка "ильюшиных". Ведущим назначен штурман полка майор П. Русаков. В составе группы летел и замполит полка капитан П. Поляков.

Всем было ясно, что задание предстоит трудное - почти на пределе горючего, но "илы" один за другим взлетели с бомбами и взяли курс на Смоленск.

Противник не ожидал такой дерзости - ведь до аэродрома, где базировались в основном тяжелые машины, расстояние было значительным - и жестоко поплатился. Двадцать бомбардировщиков и транспортных самолетов превратились в

обугленные скелеты. Свое слово сказали и истребители. Воспользовавшись, что в воздухе нет "мессершмиттов", они приняли участие в штурмовке аэродрома.

Самолеты легли на обратный курс, и тут вражеские зенитчики подбили машину ведущего. Товарищи заметили, как черная полоса масла потянулась по фюзеляжу "ила". Сопровождение майора Русакова взял на себя капитан Поляков. Минут через пять штурмовики пересекли линию фронта, и Русаков пошел на вынужденную посадку. Приземлился на небольшой площадке. Отметив на карте место посадки израненной машины, замполит поспешил домой.

Вскоре штурман Русаков возвратился к своим.

Ломая ожесточенное сопротивление противника, части 134-й дивизии генерала Е. В. Добровольского пробивались к городу Белый. Первыми ворвались туда танки. Немцы пошли на хитрость: впусив танки в город, они охватили его плотным полукольцом, а в месте прорыва создали сильные клещи и прилагали все усилия, чтобы отсечь прорвавшихся от основных сил.

Обстановка сложилась довольно тяжелая. Особенно для тех, кто оказался на острие клина, вонзившегося во вражескую оборону. Сказывался острый недостаток в боеприпасах, горючем, больше того, сюда из района Смоленска спешно перебрасывалась эсэсовская танковая дивизия "Мертвая голова".

Только своевременная помощь могла изменить ситуацию. Для авиации сделать это было довольно сложно: землю уже покрыли глубокие снега, преобладала низкая облачность. Штурмовики если и поднимались в Воздух, то ходили парами, а то и одиночными самолетами.

...Коммунист командир эскадрильи "охотников" 800-го штурмового полка 292-й авиадивизии лейтенант М. Одинцов вылетел на задание со своим ведомым младшим лейтенантом В. Чернышевым. До линии фронта пришлось идти на бреющем. Пробив снегопад, "илы" вышли "в район лучшей погоды" - летели под нижней кромкой облачности на высоте сто пятьдесят - двести метров.

Под крылом на белом фоне только кое-где виднелись пятна - следы свежих воронок. Недалеко от того места, где на карте перекрещивались дороги, ведущие из Смоленска в Белый и Ярцево, Одинцов заметил скопление танков, артиллерии, машин. Два штурмовика ринулись в атаку, обрушив на головы фашистов бомбы, реактивные снаряды. Завершив бомбометание, начали поливать гитлеровцев свинцом из пушек и пулеметов. Сделав семь заходов, "ильюшины" вышли из боя и взяли курс на свой

аэродром.

Вражеская колонна понесла значительные потери. Последующие действия других экипажей корпуса сорвали план переброски войск противника: дивизия СС "Мертвая голова" так и не смогла подойти к Белому. Войска генерала Добровольского уже расширяли образовавшийся коридор в обороне противника, наступали дальше...

Комиссар 1-й эскадрильи 800-го полка Я. Фесенко, обычно спокойный на земле, в воздухе был неистов и бил фашистов без жалости и пощады. Смело и решительно действовал Фесенко в каждом полете, каким бы рискованным он ни был. В руках комиссара тяжелый Ил-2 как бы терял свой вес и сохранял лишь крылатость и мощь.

Так, в начале, декабря Я. Фесенко повел шестерку "илов" к Белому и на подходе к городу обнаружил выгружавшийся эшелон противника.

- Бьем фашистов! - скомандовал он по радио ведомым; и первый устремился в атаку.

Сперва сбросили фугаски, затем ударили из пушек и пулеметов по гитлеровцам, которые, сломя голову, убегали от вагонов. Подожгли в голове железнодорожного состава цистерну с горючим, а в хвосте - два вагона с боеприпасами. От взрывов местность осветилась яркими вспышками. Вагоны и прилегающие к станции постройки запылали огнем.

Вражеские зенитчики явно "зевнули" и вдогонку начали обстреливать штурмовики. Снизу вверх потянулись пунктирные строчки пулеметных очередей, загremели артиллерийские выстрелы. Когда Фесенко сбросил последние бомбы, его самолет сильно тряхнуло. Он густо задымил и стал терять высоту.

В такой ситуации следовало оставить машину и воспользоваться парашютом, но коммунист Фесенко отчетливо сознавал, что значит для него оказаться на территории, занятой врагом, и направил горящий "ил" в центр выгрузки...

Штурмовики, увидев гибель своего комиссара, с утроенной силой набросились на врага и буквально разметали эшелон.

Еще более интенсивной стала работа штурмовых полков, когда наземные войска, пробиваясь вперед, на запад, и встретив на своем пути сильно укрепившегося противника, не задержались, а обошли город Великие Луки с севера и юга и замкнули кольцо окружения на западе, между Великими Луками и крупным железнодорожным узлом Новосокольники.

Оказавшись в окружении, гарнизон Великих Лук, используя прочные старинные здания и другие каменные постройки, зарыв в землю танки, которые остались без горючего, превратил этот

пункт в довольно мощную крепость. Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно. Вот тогда и потребовалась помощь штурмовой авиации.

Перед корпусом Рязанова была поставлена задача: с воздуха парализовать сопротивление окруженного гарнизона, нанести удары по укрепленным точкам и этим помочь войскам 8-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии "раскусить" этот крепкий "орешек".

Многие экипажи работали только по этой цели. Чуть позже разведка обнаружила, что на помощь окруженному гарнизону со стороны Новосокольников движется большая колонна танков и моточастей противника. Таким образом, для штурмовиков появилась еще одна, не менее важная цель.

Командир корпуса Рязанов, не мешкая, дал команду одним полкам добивать уже выдыхающийся гарнизон в Великих Луках, остальных перенацелил на разгром свежих частей, находящихся на марше.

...Этот вылет шестерки "ильюшиных" возглавил командир эскадрильи 820-го штурмового авиаполка капитан В. Светличный. Собравшись в районе аэродрома Луга строем "клин", "илы" легли на курс к цели.

Погода, как и прежде, не баловала - мела колючая пурга, низкая облачность прижимала машины к земле.

Минут десять шестерка шла вдоль дороги, которая почти совпадала с курсом полета. Лишь изредка по ней проскакивали мотоциклисты, легковые машины.

А вот и то, что нужно: по дороге растянулась большая колонна танков, бронетранспортеров с мотопехотой, замыкали "шествие" танки.

Капитан В. Светличный подал команду перестроиться в правый "пеленг". Заместитель комэска лейтенант Л. Ячменев тотчас занял место в хвосте строя.

По команде ведущего "Атака!" экипажи бросились на врага. Одновременно ударили по голове колонны и по зенитным установкам, которые обнаружили себя еще раньше, до подхода группы к цели. Затем прошли вдоль всей колонны. Несколько танков запылали, из бронетранспортеров начали выскакивать гитлеровцы, врассыпную бросились от дороги.

При выходе из атаки штурмовики заметили другую колонну, чуть поменьше, чем головная. И снова экипажи в работе. На головы врагов полетели бомбы, дымные шлейфы потянули за собой эрсы...

Капитан Светличный решил "проутюжить" обе цели еще раз, теперь в обратном направлении. Но из-за облаков вывалились два "мессершмитта". Без прикрытия "илы" оказались в довольно

трудном положении. Ведущий не успел построить "круг", как на него надели два "мессера". Один из снарядов разорвался справа у смотрового окошка, разбив бронированное стекло. Несколько осколков попали в летчика, и он потерял сознание...

На свой аэродром Светличный не вернулся. В полку его считали погибшим. Это подтвердили и ведомые комэска, видевшие, как горящий самолет врезался в землю. И все-таки Светличный остался жив: очнувшись, он вывалился из пылающей машины и в нескольких десятках метров от земли раскрыл парашют. Раненого летчика подобрала красноармейцы из 9-й гвардейской стрелковой дивизии и сразу же отправили в медпункт, который размещался в деревне Сахны.

Проявил мужество, не растерялся в подобной ситуации и комиссар эскадрильи 667-го авиаполка старший лейтенант Н. Кулаков.

По данным разведки, противник начал скапливать свои войска в двадцати километрах юго-западнее Великих Лук. С рассветом шестерку "илов" поднял командир полка майор Григорий Петрович Шутеев.

Погода для этого времени была обычной: облачность, сыпалась снежная крупка. При подходе к высоте 190,0 экипажи заметили крестатые коробки танков, тяжелую артиллерию, крытые брезентом грузовики. Ведущий сразу же приказал сделать сброс бомб с малой высоты, на втором заходе открыть пушечно-пулеметный огонь. Налет был весьма удачным. Группа легла на обратный курс.

Оставалось совсем немного до переднего края наших войск, несколько километров, и тут на Кулакова налетел "мессершмитт". Он дал две очереди. Одна прошила левый элерон, вторая пришлась по кабине. Кулакова ранило в руку. А снизу забили зенитки. Раздался взрыв, машину сильно трянуло, и она загорелась. Огонь пробился в кабину, и на летчике начала тлеть одежда. Мотор работал с перебоями, но скорость резко падала. Только при помощи триммера удалось чуть поднять самолет. Спасение было в одном - парашют! Но не так-то просто выбраться из кабины: заклинило фонарь. Кулаков несколько раз пытался открыть его, но безуспешно. Тогда, согнувшись, он стал на сидение и, собрав всю силу, уперся спиной в колпак. Вылетев вместе с ним, потянул за скобу парашюта...

В сумеречном состоянии, полуобгорелого, с кровоточащей раной подобрали наши пехотинцы летчика и доставили в медсанбат. Через сутки пилот возвратился на свой аэродром базирования, где его уже записали в графу безвозвратных потерь.

Бои под Великими Луками велись с особым ожесточением.

Штурмовики с воздуха помогали наземным поискам "разгрызать" злополучный "орешек". Экипажи сменяли друг друга, вели с пехотой "уличные" бои за овладение городом. В который раз ходили на штурмовку летчики М. Одинцов, А. Гридинский, И. Алексеенко, В. Чернышев... Не обошлось и без потерь.

Зажатый "мессерами" командир звена младший лейтенант Алексеенко был ранен, но сказал об этом ведомому не сразу. Любой ценой старался спасти машину! Чувствуя, что силы иссякают, Алексеенко, не выпуская шасси, посадил самолет на небольшой полянке у дома лесника. Ведомый отметил место его приземления и сразу же доложил командиру полка о случившемся. Те, кто прибыл в указанный пункт, увидели неподалеку от дома лесника целехонький самолет, в кабине которого сидел... мертвый летчик.

Большим событием в авиаполках стало прибытие двухместных Ил-2. Конструктор С. В. Ильюшин сдержал-таки свое слово. Корпус, хотя и в малом количестве, получил их одним из первых.

Новые машины сразу завладели вниманием всех: их окружили летчики, техники, специалисты из обслуживающих подразделений. Каждый радовался теперь вражеские истребители, зайдя в хвост штурмовику, получают свое сполна!

В эти же дни в полки прибывали и молодые летчики - ребята как на подбор. Энергичные, со свойственной молодости горячностью, они, естественно, рвались в бой. Командир корпуса особое внимание уделял молодежи. Он часто собирал тех, кто становился, как говорят, на крыло, интересовался их нуждами, заботами, И они оправдывали надежды своих наставников, впитывали в себя их опыт, умение ориентироваться в сложной тактической обстановке.

Так, в 66-й штурмовой авиаполк, который осваивал новое вооружение, подвесные выливные приборы с самовоспламеняющейся жидкостью КС, прибыл молодой летчик лейтенант Н. Евсюков. Тонкости штурмового дела он, можно сказать, схватывал на лету. Упорством в достижении цели обладал поразительным.

На рассвете командир эскадрильи этого же полка капитан В. Лавриненко повел на задание девятку "ильюшиных". Пять летчиков из группы вылетели впервые. Атаковавшие их гитлеровские истребители, видимо, поняли с кем имеют дело, и потому все набросились на ведущего. И здесь на выручку ему пришел лейтенант Евсюков. Точным маневром и метким огнем он отразил атаки "мессершмиттов", отвлек противника на себя и буквально вырвал командира из смертельного круга. Это

позволило Лавриненко дотянуть на подбитой машине до ближайшего аэродрома. Приземлился и Евсюков. Техники быстро заделали пробоины на его самолете, и на следующий день оба летчика на одноместной машине вернулись в полк.

Тогда же, возвращаясь после бомбардировки вражеских позиций у Великих Лук, летчик Б. Рубио заметил, что к подбитому "илу" командира звена В. Педько привязался "мессер". Рубио бросился к машине командира, которая еле тянула к своему аэродрому, и пушечным огнем отогнал фашиста.

Таких случаев взаимовыручки в корпусе было много. Вскоре о молодых летчиках сержантах Т. Бегельдинове, С. Чепелюке, Н. Шишкине, И. Махрине и других говорили уже не только в полку, но и в дивизии.

Бои продолжались. А где бои, там и потери. Они больше всего беспокоили генерала В. Г. Рязанова. Разбирая бумаги, он с горечью читал списки фамилий летчиков, которые не возвратились с боевых заданий: Фесенко, Алексеенко, Заика, Винокуров, Зобровский, Гвоздюк, Павленко...

А причин потерь было немало: летчики еще летали на одноместных "силах", прикрытие истребителями было слабое. Защита от "мессеров" придумана лишь одна - боевой порядок "круг", ведь штурмовик обладал богатейшими возможностями маневрирования. Но командиры зачастую посылали самолеты на задания одним и тем же маршрутом, нередко в одно и то же время. Вопросы, вопросы...

Вот что рассказал об этих днях командир 667-го полка майор Дмитрий Кузьмич Рымшин. Ему выпало доложить, что над целью "мессершмитты" подожгли ведущего группы лейтенанта Георгия Красоту. Сбить пламя летчику не удалось, и он упал прямо на заснеженное болото.

"Эх, такого парня потеряли! Опытный ведущий, весельчак, баянист..." Генерал несколько минут сидел, крепко сдавив руками виски.

Вечером полк облетела радостная весть: лейтенант Красота нашелся. А с ним случилось вот что.

...Звено штурмовиков, ведомое лейтенантом Красотой, после разведки вражеского аэродрома в Демянске возвращалось домой. Истребители сопровождения ушли раньше. И здесь старшему группы пришлось схватиться с "мессерами", патрулировавшими на подходах к своему аэродрому. Бой был неравным. В воздушной карусели Красоте удалось срубить одного Me-109, но второй ударил его по хвостовому оперению. Пулеметная очередь перебила управление рулями высоты и поворота. Кусок стабилизатора отвалился.

Самолет перешел в беспорядочное падение. Единственное спасение парашют. Раскрылся он нормально. Приземлился Георгий в глубоком снегу. Осмотрелся. Кругом окопы. Дальше - могилы, на крестах - фашистские каски. Посмотрел на карту. Километров тридцать от Демянска. Только на третьи сутки, пробираясь по лесу и болотам, вышел к деревне. Зашел во двор, прилегающий к излучине речушки. Там встретил женщину, коротко рассказал ей о своих мытарствах и попросил найти какую-либо обувь - в снегу он потерял свой унт. Та нашла сапоги и отдала летчику.

Собрался уже идти, но во дворе появились новые "гости" - два гитлеровца в маскхалатах. Пришлось задержаться.

Только через десять дней лейтенант добрался до части

Когда деревня от немцев была освобождена, Георгий, рассказав обо всем командиру полка, попросил разрешения слетать туда на У-2 и вернуть сапоги чуткой и сердечной женщине...

Наши войска, как известно, на западном и северо-западном направлениях длительное время вели наступательные действия, взламывали оборону противника. Особенно затяжной характер носили бои в районе Великих Лук, Ржева, Рамушева, Сычевки. Так, Великолукскую операцию войска Калининского фронта осуществляли около двух месяцев, а сам город был освобожден от врага соединениями 3-й ударной армии генерала К. Н. Галицкого лишь 17 января 1943 года. Приказом Верховного Главнокомандующего за овладение городом Великие Луки личному составу корпуса была объявлена благодарность. К этой высокой оценке прямое отношение имели летчики С. Пошивальников, М. Степанов, А. Гридинский, К. Гришко, Н. Елисеев, П. Козлов, М. Забненков, Г. Красота, Н. Столяров, Н. Евсюков, С. Мельников, М. Бутузов, Г. Александров, Д. Нестеренко, В. Коккинаки, В. Меньшиков, Д. Трубенков и многие другие.

В ходе боев наши наземные соединения и части значительно ослабели и без серьезного усиления решать важные оперативно-тактические задачи не могли. Но противник также для удержания занимаемых рубежей израсходовал резервы, и немецко-фашистское командование приняло окончательное решение о выводе своих войск из ржевско-вяземского выступа. Началось преследование противника в направлении Смоленска.

Одновременно с наступлением на западном направлении создались условия для ликвидации демянского плацдарма и уничтожения 16-й немецкой армии. Проведение этой операции было возложено на Северо-Западный фронт, в составе которого

действовала 6-я воздушная армия. В нее и вошел 1-й штурмовой авиационный корпус.

Наступление войск Северо-Западного фронта началось не одновременно. Одни соединения перешли к боевым действиям 15 февраля, другие были еще не готовы к ним. Но командование противника уже представляло ту угрозу, которая нависла над его группировкой. Учитывая печальный опыт разгромленной под Сталинградом 6-й армии, оно начало поспешно выводить войска из демянского выступа на восточный берег реки Ловать. А ведь не так давно командир 2-го армейского корпуса генерал фон Брокдорф хвастливо утверждал в приказах: "Никогда не удастся русским проникнуть на наши позиции. Мы продержимся. Русский натиск будет отражен" {2} .

Накануне ликвидации демянского "языка" генерал В. Г. Рязанов собрал на совещание всех командиров полков и эскадрилий.

- Одобряю, - сказал он, - что при выполнении боевых заданий все чаще и больше используется радиосвязь. Теперь пришло время переходить на следующую, более высокую ступень управления в бою - корректировку работы штурмовиков с земли, с передового командного пункта. Пункт наведения будет располагаться у переднего края наших войск. Уже установлены две радиостанции - одна для связи с самолетами в воздухе, другая для связи со штабом и аэродромами. Приближаясь к линии фронта, каждая группа "илов" должна устанавливать связь с КП. Обязательно докладывать, кто летит и с каким заданием. Наблюдения за вашими действиями с земли будут способствовать выполнению заданий, мы сможем выводить вас на более важные цели, а если потребует обстановка, то и менять задачу...

Несмотря на неустойчивую, порой очень скверную погоду, экипажи в составах групп и одиночно летали с максимальным напряжением сил. Как и раньше, штурмовиков "опекали" истребители из авиакорпуса Рихтгофена, у которых были старые счеты с "черной смертью".

Теперь генерал Рязанов находился в непосредственной близости к линии фронта, в деревне Слугино. Здесь его НП был оборудован на дереве, отсюда с микрофоном в руках он вел переговоры с ведущими групп. В эфире звучало: "Работали хорошо, идите домой!" или "Горбатые", "горбатые"! Берегитесь! Сзади "мессеры"!"

Вот что вспоминал о тех днях командир 735-го полка майор С. Володин.

"...Подойдя к линии фронта, услышал в шлемофоне знакомый голос командира корпуса:

- Тридцать градусов левее леса - группа танков. Как понял? Прием...

- Вас понял. Цель вижу хорошо. Атакую!

"Ильюшины", как по желобу, скользнули вниз, ударили пушки ведущего. Над головным танком встали плотные клубы дыма. Другие машины с крестами на бортах начали расплзаться в разные стороны, но их добивали ведомые... Колонна танков противника потеряла свой первоначальный вид, ее движение застопорилось.

Второй наш заход был не менее удачным: "илы" выпустили эрэсы, подожгли еще несколько "тигров". Группа наносила удары до тех пор, пока не кончились боеприпасы. Доложив об этом Рязанову, я услышал:

- Молодцы! Спасибо, Егорович. Возвращайтесь. Остальных добьют митрофановцы.

Вслед за нами генерал вызвал на поле боя очередную группу "ильюшиных".

Передовой КП командира корпуса стал для нас жизненно необходим. Летчики начали ценить радиосвязь еще больше".

Но были случаи, когда связь нарушалась. И тогда последствия могли быть самые горькие.

Это случилось с сержантом Бегельдиновым.

- "Горбатый", не садись туда!.. - кричал ему Рязанов в микрофон, увидев, как подбитый "ил" планирует на близлежащее поле. - Там же мины!

Свидетели этого эпизода рассказывали, что Рязанов зажмурился, очевидно, представив, как взлетят сейчас в воздух куски самолета, подорвавшегося на мине!

Не выпуская шасси, штурмовик Бегельдинова скользил на фюзеляже по снегу. Наконец остановился. Летчик, помахав руками, прыгнул с плоскости.

- Стой! - услышал он голос пехотинца с миноискателем. - Куда вас черт несет? Здесь сплошные мины. Что, кишки решили по деревьям развесить?..

Летчик и воздушный стрелок остановились как вкопанные.

- Немедленно доставить ко мне этого "минера"! - приказал Рязанов и с облегчением вздохнул.

Сержант Бегельдинов предстал перед командиром корпуса уверенный, что тот крепко его отругает. Но генерал, оглядев почерневшего от ветра и мороза, худого, нескладного паренька в стареньком, выдавшем виды комбинезоне, вдруг спросил:

- Сколько тебе лет, сынок?

- Девятнадцать.

- Ладно, иди воюй, только в другой раз думай, где садиться...

Обычно, возвращаясь с передовой, генерал собирал командиров полков. Тщательно разбирал итоги прошедших боев, обращая внимание на работу со средствами связи.

В перерывах совещания беседовал о жизни в полках, расспрашивал о тех, кто отличился. Тогда-то и рассказал ему майор Митрофанов о "Черной маске".

- Думаю парня представить к награде. Речь шла о Григории Петрове, который летал... в маске.

...В одном из боев штурмовик Петрова прошла очередь преследовавшего "мессера". Несмотря на попытки летчика сбить огонь, пламя расплзлось. Оно обожгло лицо, открытую часть рук между перчатками и рукавами мехового комбинезона.

Удар о землю чуть не выбросил Петрова из самолета. С трудом вылез он на крыло, спустился на траву и на несколько метров отполз от горящей машины. Через какие-то мгновения сильный взрыв отшвырнул его еще дальше.

Раненого, обгорелого, Петрова доставили в полевой лазарет, затем отправили в госпиталь, где пробыл более двух месяцев.

И вот он снова в строю.

С наступлением холодов девушки-оружейницы заметили, что Григорий кутает лицо шарфом. Поняли: парня мучает чувствительность обожженной кожи, и придумали сшить ему из мехового жилета маску.

В очередном воздушном бою Петров заметил, что один "сто девятый" уж больно часто попадаете ему на глаза. Пришлось "удовлетворить" любопытство гитлеровца: пушечная очередь штурмовика была точной. На следующий вылет еще один "мессер" воткнулся в землю от прицельного огня "шестерки". Теперь, как только Петров поднимался в воздух, в эфире звучало: "Ахтунг, ахтунг, ди шварце маске!"

Вскоре однополчане поздравили своего боевого товарища с орденом Отечественной войны 2-й степени...

Гитлеровцы пытались всеми силами удержать в своих руках узкий коридор выход из демянского плацдарма, и это им в какой-то мере удалось, хотя битой техники и трупов оставили там немало.

Наши войска готовились к новой операции на старорусском направлении. Проводилась перегруппировка войск, из резерва перебрасывались две свежие авиадесантные дивизии. Из-за отсутствия транспортных самолетов подразделения вступали в бой на лыжах.

Командованием Северо-Западного фронта было принято решение нанести удар по гитлеровцам, оборонявшимся у деревни Глухая Горушка. Намечалось, прорвав оборону, выйти к Старой

Руссе.

Наступление началось с мощной артиллерийской подготовки, которую сопровождал массированный удар авиации с воздуха. Генерал В. Г. Рязанов безотлучно находился на передовом командном пункте, направляя удары штурмовиков.

Морозный воздух сотрясал ураганной силы рев моторов. Интенсивный орудийный обстрел вражеской артиллерии заставил командира корпуса, спасая радиостанцию, перенести КП в другое, более безопасное место. Но и в момент передислокации он ни на минуту не прерывал связи с штурмовиками, находившимися над целью.

Мастерски действовали в тех боях многие экипажи, ведущие и ведомые. Среди них М. Афанасьев, А. Матиков, Б. Мельников, А. Костырко, М. Мурачев, М. Марыгин, Б. Шубин, Е. Шитов, А. Фаткулин, А. Яковицкий, Н. Стрельцов,

...Рассказ об этой пушке стал притчей во языцех. Досадила она авиаторам. Несколько раз обстреляла аэродром истребителей, наковыряла немало воронок, затем "переключилась" на аэродром 673-го штурмового полка. Как правило, немецкие артиллеристы вели огонь ночью, и довольно прицельно.

Воздушные разведчики искали ее днем, но безрезультатно.

А ночью пушка снова принималась за свое. Взлетную полосу уродовали взрывы, по несколько штурмовиков выбывало из строя.

Утром красноармейцы батальона аэродромного обслуживания засыпали воронки на летном поле, специалисты латали на поврежденных машинах пробоины.

Ставя очередное задание экипажам, командир полка капитан Петр Павлович Козлов сказал:

- Задача прежняя: штурмовка артиллерийских и минометных позиций восточнее деревни Семкина Горушка. И еще - любой ценой засечь и уничтожить пушку. Всем на маршруте и при возвращении смотреть в оба.

"Илы" с полной боевой нагрузкой взяли направление к цели. Отбомбившись и проведя штурмовку, повели наблюдение за землей в надежде обнаружить злополучное орудие.

Сержант Н. Стрельцов, идя на бреющем, чуть поотстал от группы. Внизу однообразная заснеженная земля, воронки, словно темные проруби во льду. Наискосок - широкая поляна. Стрельцов присмотрелся и увидел рядом с соснами бегущие человеческие фигурки. Немцы! Вероятно, их потревожил шум низко летящего штурмовика.

- Подозрительное место, - по СПУ сказал он воздушному стрелку И. Курносову. - Может, и пушка здесь упрятана? Сейчас

мы сделаем вот что...

Сержант Стрельцов, развернулся, вывел "ил" к поляне, прижал машину к земле и ударил эрэсами, хотя знал, что бить реактивными снарядами по точечной цели и уничтожить ее - один шанс из ста.

Промахнулся, но место нахождения орудия засек.

Командир полка встретил Стрельцова строгим взглядом.

- Почему оторвался от группы, брел сзади?

- Товарищ капитан, пушку обнаружили, ну, я ее и причастил эрэсами. Не попал, правда...

- Где?

Стрельцов вынул из планшета карту, показал квадрат. Уточнил:

- С длинным стволом такая, под масксеткой. Немцы около нее возьмется...

Когда капитан Козлов позвонил комдиву полковнику Родякину, тот передал благодарность сержанту Стрельцову. Ему как раз сообщили, что экипаж Бегельдинова из 800-го полка, видевший атаку Стрельцова, по горячим следам добил вражеское орудие.

После случая с посадкой на минное поле сержант Бегельдинов уже побывал в различных переделках: в составе группы уничтожил железнодорожный состав с техникой и боеприпасами, поджег нефтехранилище, сбил самолет противника. Произошло это при следующих обстоятельствах: девятка штурмовиков, которую вел майор Русаков, на подходе к деревне Глухая Горушка, превращенной в мощный узел сопротивления, встретила с "мессершмиттами".

Связав боем наших истребителей сопровождения на верхнем ярусе, пятнадцать "мессеров" атаковали штурмовиков, И весьма успешно.

Самолет Русакова вдруг резко отвернул вправо, затем стремительно пошел к земле. Проиграл поединок со "сто девятым" и командир звена сержант В. Педько, запылал штурмовик и ведомого сержанта Н. Шишкина...

Из третьего звена уцелел один Бегельдинов. "Мессершмитт", с которым он вел бой, атаковал его несколько раз, но безрезультатно. Обладая преимуществом в скорости, "мессер" то и дело появлялся у него по курсу. И поплатился за свою наглость: от меткой очереди задымил, свалился на крыло и пошел вниз. Вражеский летчик оказался довольно опытным: он сумел выровнять падающий самолет и посадить его в сугроб.

Пленного доставили сначала в штаб дивизии к полковнику Н. П. Каманину, затем отправили в штаб армии. Оказалось, что это

была "птица" довольно высокого класса: гитлеровский майор разбойничал в небе Франции, Бельгии, Югославии, бесчинствовал над Балканами и ни за что не хотел верить, что его сбил сержант, имеющий всего восемь боевых вылетов.

Вскоре в полк был доставлен после вынужденной посадки летчик Н. Шишкин, а через два дня на самолете У-2 адъютант эскадрильи И. Бибик привез тяжелораненого командира звена Педько. Но спасти его уже не удалось...

Летчикам трудно было понять с воздуха всю сложность обстановки на земле, но они видели, что наземные части натолкнулись на очень сильное сопротивление гитлеровцев. Незирая на погодные условия, ожесточенный зенитный огонь и заслоны истребителей противника, штурмовики старались помочь тем, кто взламывал оборону врага.

Пролетая над линией фронта, авиаторы видели героическое упорство наших войск. Отлично экипированные авиадесантники-сибиряки были брошены на прорыв. Дорогой ценой давался пехоте каждый метр продвижения вперед. Но атаки следовали одна за другой...

Корпус Рязанова тоже нес большие потери. Рядом с аэродромом все больше вырастало могильных холмиков.

Пройдут годы. И неподалеку от села Залучье Старорусского района при проведении мелиоративных работ экскаваторщики обнаружат в болоте самолет. По сохранившимся в кожаном портмоне документам - комсомольскому билету (№ 14938613) - будет установлено имя летчика - Анатолий Андреевич Шевченко-Швед, 1922 года рождения. В комсомол он был принят в ноябре 1942 года в политотделе 266-й штурмовой авиадивизии. Среди найденных документов окажется и справка, выданная Андрею Максимовичу Шевченко-Шведу, видимо, отцу летчика, удостоверявшая, что он - уроженец села Саливонки (ныне Васильковского района) Киевской области.

По второму членскому билету (№ 11380275) будет установлено имя воздушного стрелка - Зубарев Павел Ефимович, комсомолец с 1939 года.

О сложности боевой обстановки, напряжении воздушных боев свидетельствует боевое донесение тех дней в штаб корпуса.

"Оперсводка № 20, штаб 673 шап, аэродром Баталы 7.03.43 г.

В течение дня полк находился в готовности №2 и произвел 34 самолето-вылета с общим налетом 43 часа 20 минут... В результате уничтожено 55 автомашин; 5 орудий, 63 артиллерийские точки, 9 танков, около 400 солдат и офицеров противника...

Не вернулись с боевого задания: командир полка майор

Козлов, воздушный стрелок младший сержант Хамзин, лейтенант Пономарев, сержант Гришин, воздушный стрелок сержант Грахов, сержант Оськин, воздушный стрелок сержант Кривоплясов, сержант Сунгатулин, сержант Подсевалов, воздушный стрелок младший сержант Голубев".

Похоронили майора П. Козлова на небольшом кладбище возле деревни Баталы. Памятником ему стал деформированный при падении винт его штурмовика. Командиром 673-го полка был назначен майор А. Матиков.

Наступившая распутица затрудняла передвижение войск, подвоз боеприпасов, задерживала самолеты на аэродромах. Но боевая работа, несмотря на такие условия, продолжалась.

Вскоре в 292-й авиадивизии сменился командный состав: вместо полковника Каманина, возглавившего 8-й смешанный авиакорпус, прибыл полковник Ф. А. Агальцов.

Филипп Александрович Агальцов надел солдатскую шинель еще в годы гражданской войны. Окончив курсы пулеметчиков, защищал Петроград, воевал с белополяками, косил контрреволюционные банды на полях Украины. Уже тогда это был политически зрелый боец. После гражданской он поступает в военно-политическую академию.

В эти годы страна интенсивно создавала свой воздушный флот. Отчизна нуждалась в авиационных кадрах, и Агальцов сделал свой первый шаг на пути в небо: он выбрал курсы летчиков.

Незаметно пролетели два года. Окончена учеба. Агальцова назначают комиссаром тяжелой бомбардировочной эскадрильи, затем заместителем начальника политотдела авиабригады. Именно на этом посту совершенствовался опыт его политической работы, шлифовался характер комиссара, который стремился познать все трудности летной службы. А для этого необходимо было овладеть летным делом, изучить его особенности. И вот снова учеба - Филипп Александрович добивается направления в Качинскую авиашколу и становится первоклассным летчиком.

События в Испании... Полковой комиссар Агальцов добровольцем едет в сражающуюся республику. Восемнадцать месяцев, проведенных "комиссаром Мартином" в этой стране, по насыщенности событиями были равны годам. За это время пришло то, что можно назвать сплавом опыта, авторитета и доверия.

За участие в борьбе с фашизмом в Испании Ф. А. Агальцов был награжден высокими наградами Родины. Вскоре он стал членом Военного совета ВВС РККА. Но ни на минуту не забывал о том, что он летчик. Приближалось грозное время, и Агальцов не

терял формы - стал тренироваться в полетах на скоростном бомбардировщике. В это время решался вопрос о расстановке военных кадров, и Агальцов решил пойти на самостоятельную должность - командира авиаполка.

В середине марта корпус получил приказ Ставки ВГК перебазироваться на Воронежский фронт. Василий Георгиевич собрал весь командный состав и строго предупредил о скрытности перемещения соединения.

Погода для перелета сложилась благоприятная. Полк за полком летели над еще заснеженной землей. Высматривая с высоты недавно освобожденный Ржев, летчики увидели за изгибами скованной льдом Волги большое черно-серое пятно. Это и был Ржев. Именно был. От него остались лишь руины - коробки домов и полуразрушенные стены обозначали контуры улиц...

После промежуточных посадок в Москве и Моршанске части корпуса повернули к югу. Конечный пункт - поселок Уразово. Здесь должен был расположиться штаб корпуса, отсюда к полевым аэродромам добраться уже не сложно.

Теперь корпусу предстояло готовиться к боевым действиям в составе 2-й воздушной армии, которой командовал генерал-лейтенант авиации С. А. Красовский.

Ни для кого не было секретом, что после зимнего наступления Красная Армия прочно овладела стратегической инициативой. Упал дух немецких войск. Наши дивизии продолжали теснить противника на юго-западном крыле огромного фронта. После Сталинграда в феврале сорок третьего были освобождены Белгород и Харьков. Однако в марте оба города снова оказались в руках фашистов. Лихорадочный контрудар в самое неподходящее время выдал попытки врага восстановить боевой дух немецкой армии, перехватить инициативу. Но для решающей схватки надо было накопить силы.

На огненной дуге

Место предстоящего удара противника определилось еще весной. Его подсказывал сам контур линии фронта: от Ладоги до Черного моря она шла чуть ли не по линейке и лишь между Орлом и Белгородом резко выдавалась вперед. Эдакий кулак у самой груди армий рейха.

Гитлеровское командование видело не только выгодность позиций нашей обороны, но и ее уязвимость. Ведь это готовый мешок, куда вошли советские армии. Стоит лишь перехватить горловину - и свершится то, о чем так мечтал фюрер, и тогда весь мир окончательно поймет, что "оказывать какое бы то ни было сопротивление немецкой армии в конечном счете бесполезно". Фашистское командование, стремясь воспользоваться выгодным

начертанием линии фронта, готовилось нанести два встречных удара из районов южнее Орла и севернее Харькова в общем направлении на Курск и уничтожить наши войска, занимавшие курский выступ.

На плацдармах для наступления противник сосредоточил свыше 900 тысяч солдат и офицеров, около 10 тысяч пушек и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий {3}. Немецкое командование большие надежды возлагало на массовое применение тяжелых танков "тигр", "пантера" и штурмовых орудий "фердинанд" с толстой броневой защитой. Эти мощные машины гитлеровская пропаганда рекламировала как сверхсекретное оружие, которое изменит весь ход войны.

Готовясь к наступлению, противник пытался создать благоприятную для себя воздушную обстановку. На аэродромах в районах Орла, Белгорода и Харькова сосредоточил около 2050 самолетов. Только на усиление 4-го и 6-го воздушных флотов, действовавших в районе Курской дуги, из Франции и Норвегии прибыло 13 авиагрупп, которые в среднем насчитывали по тридцать самолетов. {4}

На вооружении гитлеровцы имели новые штурмовики "Хеншель-129", истребители "Фокке-Вульф-190А", модернизированные бомбардировщики "Хейнкель-111" и другую новейшую технику.

Для советского командования план "Цитадель" не был неожиданностью. Его разгадали точно и своевременно. Оставался вопрос: как ответить? Упредить врага собственным наступлением или противопоставить его наступлению мощную оборону? На укрепленных рубежах хорошенько потрепать, выбить побольше танков, самолетов и уж тогда самим рвануться вперед... Так было и решено. Войска готовились к трудному лету.

Обороне под Курском предшествовал трехмесячный период затишья, который был использован для всесторонней подготовки к предстоящим операциям. В авиационных полках корпуса кипела боевая учеба, в ходе тренировочных полетов совершенствовалась техника пилотирования и групповая слетанность экипажей, повышалось качество бомбометания и воздушной стрельбы.

Одну из сложнейших задач пришлось решать 667-му штурмовому авиаполку. В соответствии с приказом Главкома ВВС ему предстояло освоить полеты ночью. Встал вопрос - с чего начать? И тогда командир полка майор Д. Рымшин и штурман капитан А. Компаниец решили - с себя. Они расставили по летному полю площадки с отработанным маслом, проинструктировали аэродромный наряд о порядке действий при заходе самолета на посадку, сели вдвоем в учебный Ил-2 и

сделали несколько вылетов, меняясь кабинами. После этого дали вывозные {5} командирам эскадрилий - инструкторам. Таким образом, за короткий срок на прифронтовом аэродроме был переучен весь летный состав полка на "работу" в ночное время.

Но и в период подготовки к предстоящим сражениям 2-я воздушная армия не прекращала своих боевых действий, износила удары по резервам противника, по железнодорожным объектам, штабам, узлам связи, прикрывала наземные войска и вела воздушную разведку с целью установления мест размещения самолетов на аэродромах, выявления средств ПВО, складов боеприпасов и горючего, а также определения наиболее скрытных направлений подхода и выхода на вражеские аэродромы и другие объекты штурмовых и бомбардировочных подразделений.

Советское командование стремилось максимально ослабить авиационную группировку противника на центральном участке фронта и создать благоприятные условия для завоевания господства в воздухе. С этой целью готовились две воздушные операции по уничтожению вражеской авиации на аэродромах.

В директиве командующего ВВС от 5 мая 1943 года указывалось, что необходимо подвергнуть нападению все основные аэродромы противника, на которых установлено скопление самолетов. Основную массу авиации противника подавить в первый же день операции. В последующие два дня, не снижая упорства и настойчивости, продолжать поражение авиации противника как на основных аэродромах, так и на вновь обнаруженных воздушной разведкой... Удары по аэродромам наносить крупными группами, выделяя из их состава необходимое количество авиасредств для подавления зенитной обороны противника.

Первым счет боевых вылетов на новом месте открыл штурман 800-го полка старший лейтенант М. Степанов. Накануне удара по аэродрому Харьковского узла был проведен розыгрыш полета как со штурмовиками, так и с истребителями прикрытия. Все экипажи ознакомились со схемами аэродрома, где базировались немецкие самолеты; каждое звено получило определенную цель. Для подавления вражеской зенитной артиллерии выделялась специальная группа.

С первыми проблесками зари взлетели. После пересечения линии фронта девятка "илов" проследовала к объекту со снижением, что обеспечило увеличение скорости и уменьшило время нахождения над оккупированной территорией.

К аэродрому штурмовики подошли скрытно и нанесли внезапный удар. В результате штурмовки было уничтожено два Ю-88 и девять Ме-109. На аэродроме вспыхнул пожар - прямым

попаданием удалось поджечь склад авиабомб, разрушить ангары.

Группу старшего лейтенанта М. Степанова сменила вторая эскадрилья, а за ней - третья. Во второй эскадрилье из летавших не вернулся Т. Бегельдинов, в третьей - С. Чепелюк.

Прошло три дня, и к аэродрому подкатила полуторка, из которой выскочили два человека. Обмундирование на них висело ключьями. Лица и руки были в ссадинах. Это вернулись сержант Чепелюк и его воздушный стрелок Дмитриев.

Спустя недели две в полк возвратился и раненый Бегельдинов. Он рассказал, как был зажат в клещи двумя "фокке-вульфами", как его воздушный стрелок Г. Яковенко после приземления погиб на минном поле.

Переплыв Северский Донец, летчик оказался в расположении одной из стрелковых частей. Его отвезли в санбат, потом погрузили в санитарный вагон и отправили в тыл. Когда эшелон проходил через станцию Новый Оскол, Бегельдинов выскочил из вагона, возле разрушенного склада отыскал палку и, опираясь на нее, доковылял до своего аэродрома...

Потом было совершено еще несколько дерзких налетов на аэродромы противника в районе Чугуева, Рогани, Казачьей Лопани.

...Командиру эскадрильи 673-го штурмового авиаполка старшему лейтенанту Г. Александрову была поставлена задача нанести удар по аэродрому Рогань, где противник, по данным разведки, сосредоточил до ста "юнкерсов".

Едва забрезжил рассвет, двенадцать "ильюшиных" поднялись в воздух. Решено было идти не на Рогань, а немного левее, чтобы, сделав круг, зайти на цель с запада.

Маневр удался. Вражеские зенитчики спохватились слишком поздно. Они открыли огонь по "илам", когда те уже на бреющем добивали "юнкерсов". В тот вылет группа старшего лейтенанта Александрова уничтожила и повредила до тридцати самолетов противника.

Через день девятка "илов" старшего лейтенанта Александрова на аэродроме в районе Основы сожгла еще десять "юнкерсов".

Об этих действиях штурмовиков корпуса вот что впоследствии рассказывал заместитель командующего армией по политической части генерал-майор авиации С. Н. Ромазанов: "Мне довелось побывать на аэродроме Рогань. Он весь был изрыт воронками от бомб, от взрывов самолетов. На окраине аэродрома гитлеровцы наспех устроили свалку разбитых машин. Словом, большой и хорошо оборудованный роганский аэродром представлял собой поле, вспаханное нашими бомбами".

По-снайперски действовали штурмовики, которых возглавлял

командир эскадрильи 820-го полка старший лейтенант М. Забненков. Они вывели из строя около десятка вражеских самолетов.

Вот что узнал я об этом летчике.

Окончив Одесскую военно-авиационную школу, он встретил войну на юго-западной границе страны, был ранен. Приведу несколько строк, написанных Б. Лапиным и З. Хацревиным в газете "Красная звезда" от 7 сентября 1941 года в корреспонденции "Лейтенант Забненков".

"Уже в первую неделю Отечественной войны летчика Забненкова ранили. На третий день он уговорил врача отпустить его из госпиталя и в то же утро очутился в небе. Он вышел из госпиталя с пулей, которая осталась в его груди между ребрами. И с этой пулей он летает до сих пор..."

"Он вышел из госпиталя..." Не вышел, а сбежал, но военные корреспонденты, по понятным соображениям, не могли тогда об этом писать. Послужной список летчика запестрел новыми сведениями о сожженных вражеских танках, эшелонах, разбитых переправах.

В июле сорок первого Забненков вступил в партию, а в августе ему вручили в Кремле орден Красного Знамени. Получил он свою первую награду из рук старого большевика-ленинца заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Алексея Егоровича Бадаева...

В ходе подготовки к последующим операциям большое внимание уделялось срыву железнодорожных перевозок противника и дезорганизации его автомобильного движения на шоссейных и грунтовых дорогах. В приказе народного комиссара обороны от 4 мая 1943 года указывалось: "Удары по железнодорожным составам, нападение на автоколонны считать важнейшими задачами наших ВВС". {6}

Как правило, в полках на уничтожение паровозов, железнодорожных составов, автомобилей выделялись мелкие группы самолетов, которые действовали способом свободной "охоты". Благодаря этому летчикам в короткое время удалось изучить порядок движения вражеских поездов, рельеф местности, противовоздушную оборону на каждом участке дороги.

...По данным разведки, стало известно, что на одну небольшую станцию ночью прибыл эшелон. С рассветом звено штурмовиков под командованием лейтенанта А. Кострыкина из 66-го авиаполка вылетело на его уничтожение.

Чтобы ввести врага в заблуждение, ведущий решил подойти к станции с тыла. Маневр удался. Противник с опозданием открыл зенитно-артиллерийский огонь. Наши самолеты были уже над

целью.

С первого захода лейтенант Кострыкин свалил с насыпи паровоз, а затем минут за пятнадцать было уничтожено восемь платформ с крупнокалиберными орудиями...

Через несколько дней Кострыкин повторил свой тактический прием. Было это так.

На Северском Донце у гитлеровцев работало несколько переправ, одна из которых, несмотря на удары нашей авиации, продолжала функционировать непрерывно.

Получив боевую задачу на уничтожение этой переправы, лейтенант Кострыкин решил перехитрить врага. На большой высоте его штурмовики пересекли линию фронта намного севернее переправы и углубились в расположение противника. Потом неожиданно изменили курс на сто восемьдесят градусов и на бреющем полете появились над переправой. Работа ее была прекращена...

Напряженную боевую работу штурмовиков подтверждает и такой эпизод.

У деревни Шахово воздушная разведка обнаружила около двадцати танков, большое количество автомашин, скрывавшихся в складках местности. На их подавление вылетело двенадцать "илов" из 667-го полка. В одном из экипажей летел и лейтенант Н. Столяров, молодой, но уже опытный пилот, награжденный орденом Отечественной войны 2-й степени.

При подходе штурмовиков к цели немецкие танки и машины вытянулись в колонну. Зенитки противника открыли по самолетам сосредоточенный огонь, но те не свернули с курса. Лейтенант Столяров благополучно проскочил среди разрывов снарядов и с пикирования произвел несколько заходов, уничтожив при этом два танка и две автомашины.

В конце боя внимание Николая привлекла грузовая машина, которая юркнула в рощу. Штурмовик снизился, почти прижался к земле. Пушка сверкнула выстрелом - и машина, очевидно цистерна, загорелась.

Через день шестерка "ильюшиных" штурмовала новую транспортную колонну врага. Атакуя ее, лейтенант Столяров подбил танк, сжег три автомашины и расстрелял группу вражеских солдат.

Напряженные воздушные бои, начавшиеся раньше наземного сражения, как бы возвещали о грядущей великой битве. Словно ратники Дмитрия Донского, изумленно следившие за поединком Пересвета с Челубеем, так тысячи наших солдат - пехотинцев, танкистов, артиллеристов - устремляли в небо свои восхищенные взоры. Там дрались их братья по оружию, товарищи по воинскому

долгу. Дрались героически, забыв об опасности, не думая о смерти! Назову их поименно: А. Бутко, Н. Горобинский, Г. Клёцкин, А. Карпов, В. Кудрявцев, И. Кузнецов, Г. Кришталенко, В. Евсеев, Б. Лопатин, А. Петров, М. Одинцов, Н. Сопельняк, М. Ушаков, Н. Хорохонов, П. Шакурин, Б. Синенко, И. Шиткин.

За успешные удары по Харьковскому аэроузлу и уничтожение самолетов противника командующий Воронежским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин 1-му штурмовому авиакорпусу объявил благодарность.

В короткие перерывы между боями командование корпуса не забывало и об учебе личного состава. Одно из занятий так и называлось: "Бой штурмовиков с истребителями". Готовилось оно по приказу генерала В. Г. Рязанова на базе 800-го полка.

В назначенное время на аэродром Солонец-Поляна съехались представители всех полков. Прибыл на занятие вместе с начальником штаба генералом А. А. Парвовым, заместителем по политчасти полковником И. С. Беляковым и командир корпуса генерал Рязанов.

Суть занятия заключалась в следующем: присутствовавшим надлежало показать оборонительный круг штурмовиков. Для этого привлекалась восьмерка "илов", которую должны были атаковать "яки". Потом - показательный бой четверки штурмовиков на бреющем полете и схватка истребителя со штурмовиком на высоте полторы тысячи метров.

Проведя детальный разбор занятий, Василий Георгиевич Рязанов не преминул поинтересоваться, есть ли претензии к связи.

В процессе беседы кто-то из летчиков предложил установить переход с приема на передачу кнопкой.

Вскоре начальник связи 735-го авиаполка И. Глушко и инженер по спецоборудованию В. Филиппов сделали кнопочное управление на машинах ведущих групп. Управление самолетами резко улучшилось. Этот опыт был использован и в других полках корпуса.

В ночь на 5 июля из штаба Воронежского фронта в части и соединения срочно выехали офицеры связи, полетели закодированные телеграммы со следующим содержанием: "Быть всем начеку. На рассвете немцы переходят в наступление. Ваша задача - упредить врага, нанести ему сокрушительный удар на исходных позициях". {7}

Утром, едва на востоке обозначилась розовая полоска зари, заговорил "бог войны" - артиллерия. А в небе поплыли армады красноезвездных бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей, которые направлялись к Померкам, Сокольникам, Микояновке

(ныне пос. Октябрьский), Томаровке, в районах которых располагались вражеские аэродромы.

В эти часы генерал В. Г. Рязанов находился на КП 7-й гвардейской армии, где с "передка", как он любил говорить, все виднее. Замполита полковника И. С. Белякова направил в 203-ю истребительную дивизию, поступившую в непосредственное подчинение корпусу. Командовал дивизией генерал-майор Константин Гаврилович Баранчук, громкоголосый, решавший все вопросы сразу, со свойственной его характеру решительностью. Боевые возможности самолетов знал в совершенстве, летал - залобуешься. Воевал в республиканской Испании.

Блокируя вражескую авиацию, штурмовики не везде застали гитлеровцев врасплох. Часть "юнкеров" и "мессершмиттов" успели подняться в воздух с глубинных аэродромов. Однако те вражеские машины, которые остались на земле или пытались подняться в воздух с опозданием, попали под ураганный огонь "ильюшиных". Десятки вражеских бомбардировщиков так и не смогли в то утро выполнить задание.

Начало страды под Курском стало боевым крещением для многих молодых летчиков, таких, как В. Андрианов, Н. Бойченко, И. Драченко, Н. Кирток, В. Лыков, И. Михайличенко, В. Жигунов, А. Кобзев, М. Мочалов, Н. Полукаров, В. Сидякин, И. Филатов, В. Фролов, Б. Щапов...

Вот что рассказали мне о двух из них - Андрианове и Михайличенко их боевые товарищи.

...В 667-м штурмовом авиаполку эти два младших лейтенанта сразу пришлись, как говорят, ко двору. Василий Андрианов - русоволосый богатырь с первого взгляда располагал к себе, внушал доверие. После окончания аэроклуба Василий попал в школу младших авиаспециалистов, летал стрелком на ТБ-3, освоил штурмовик.

Иван Михайличенко - общительный крепыш из Ворошиловградщины - прошел трудные ступени от забоя в шахте к штурвалу самолета. Оба молодых пилота сразу же подружились и вместе вылетали на трудные и опасные задания.

...Это был обычный вылет. Под плоскостями штурмовиков проплывала выжженная июльским солнцем, в оспинах воронок, опаленная недавними боями земля. С каждым километром она становилась чернее, через форточки в кабины машин проникал терпкий запах гари. Значит, скоро поле боя!

Возможно, находясь под впечатлением близкой встречи с неведомым и увлекшись наблюдением за землей, младший лейтенант Андрианов отстал от группы. Командир звена А. Карцев приказал молодому летчику подтянуться, но время уже

было упущено. К отставшему "илу" устремились несколько "мессеров". Застрочил крупнокалиберный пулемет, но вдруг затих... Самолет, словно столкнувшись со стеной, стал заваливаться набок. Остекление фонаря помутнело от масляной пленки.

Энергично работая рулями, Андрианов вышел из-под "опеки" вражеских истребителей и начал планировать на высохшее до каменной твердости поле. Когда винт; прекратил вращение, выскочил из кабины и только теперь увидел, до чего же истерзай его "ил". Воздушный стрелок сержант Смирнов был мертв. Василий похоронил товарища. Горький ком подкатил к горлу, сердце резанула боль, и слезы потекли по щекам. "Нет, такое не забывается, и пощады врагу не будет никакой!" - поклялся он по возвращении на свой аэродром.

В этот же день сдавал боевой экзамен и младший лейтенант И. Михайличенко. Он летел в составе полка замыкающим третьей шестерки.

Показался вражеский аэродром, а на нем - почти крыло к крылу - стояли ряды "юнкеров", "хейнкелей", "мессершмиттов".

Атака! Хвостатыми кометами устремились к земле реактивные снаряды, посыпались из кассет противотанковые бомбы. Один заход следовал за другим. С земли вверх потянулись витки дыма, клубы пыли. В такой обстановке не мудрено и опытному растеряться. Увлеченный боем, Иван не заметил, как оторвался от ведомого. А "мессершмитты" обычно охотились за теми, кто "выпадал" из строя.

Самолет Михайличенко резко потрянуло от прямого попадания снаряда - с плоскостей сорвало метра полтора обшивки, пробило лонжероны. И все-таки Иван укротил машину, пошел на сближение с "мессером" и успел дать по нему прицельную очередь.

Снизившись до бредущего, Михайличенко повернул к линии фронта, ориентируясь по вспышкам разрывов. Сел на первый же замеченный аэродром и только через день вернулся в свой полк...

Тем временем развертывалось такое гигантское сражение, каких еще не доводилось видеть даже ветеранам, изрядно понюхавшим пороху.

В результате активных совместных действий артиллерии и авиации, обрушивших мощные удары по занявшему исходное положение для атаки врагу, система огня противника была дезорганизована, управление войсками нарушено.

В районе Обояни немцам пришлось отсрочить начало своего наступления на полтора-два часа. Первый день начавшейся битвы показал, что сломить сопротивление советских войск и "одним

ударом пробить оборону" гитлеровским войскам не под силу.

6 июля с рассветом под прикрытием огня артиллерии и в сопровождении бомбардировщиков противник возобновил наступление. В атаки устремились десятки танков и штурмовых орудий. Сила огневой мощи нарастала. Над раскинувшимися холмами Белгородщины стоял несмолкаемый грохот разрывов снарядов и бомб. Стонала земля. От клубов дыма и копоти, то и дело встающих фонтанов земли почернело небо. Солнце еле пробивалось сквозь эту мглу.

Вражеское командование в результате ожесточенного сражения в полосе Обоянского шоссе потеряло значительное количество танков и штурмовых орудий. Однако противник немедленно эвакуировал их, восстанавливал и снова бросал в бой. Кроме того, танковые дивизии СС "Мертвая голова" и "Адольф Гитлер", мотодивизия "Великая Германия" и другие пополнялись новыми танками и штурмовыми орудиями.

Бои на земле и в воздухе не затихали ни на минуту. Шел третий день битвы под Курском.

Командир корпуса, как и прежде, был на переднем крае. Свой КП разместил на самом горячем месте. Рискованно, но зато все было видно как на ладони.

Наблюдая за полем боя, генерал Рязанов услышал доклад о том, что противник бросил в бой не менее двух полков танков.

Василий Георгиевич сразу понял: тут одиночными экипажами нечего делать, надо организовать массированный налет. И немедленно приказал поднять штурмовиков 800-го авиаполка, чтобы ударить по танкам у деревни Сырцово.

Три десятка "илов" с красными молниями на фюзеляжах, подойдя к цели, сразу же атаковали танки. Те скрылись в плотной туче дыма и огня.

Использовать противотанковые авиационные бомбы штурмовики корпуса научились еще до Курского сражения. Изобретенные инженером И. А. Ларионовым кумулятивные бомбы обладали сильным разрушающим действием.

Наблюдая в бинокль за ходом событий, командир корпуса увидел, как к флагманскому самолету потянулись трассы "эрликонов". По левой плоскости поползло пламя, откуда-то сверху и сзади на подбитую машину свалился "мессершмитт", но был отсечен пушечным огнем. Горящий "ильюшин" тяжело плюхнулся на изрытую воронками поляну, и из кабины выпрыгнул летчик. Кинулся к стрелку - тот был мертв. И тут на посадку пошел второй самолет.

На подбитом самолете с бортовым номером 11 оказался командир эскадрильи С. Пошивальников, на выручку командиру

шел его ведомый А. Гридинский. Приказав летчику В. Потехину вести группу на свой аэродром, Александр забрал командира в кабину стрелка. Прямо перед носом фашистов он сделал короткий разбег и поднялся в воздух...

Прикрывая штурмовиков в районе Черкасского, отличился летчик 516-го истребительного полка младший лейтенант М. Токаренко. Он лично сбил два "мессершмитта" и, израсходовав весь боекомплект, начал производить ложные атаки на фашистские истребители. Штурмовики успешно выполнили задание и возвратились без потерь.

В тот же день на рассвете на штурмовку вражеских колонн, двигавшихся по шоссе Белгород - Обоянь, повел группу из двенадцати "ильюшиных" старший лейтенант М. Забненков. Ориентиры пути ему были хорошо известны полуразрушенная церковь в деревне Великомихайловка, телефонная линия от Корочи до самого Обоянского шоссе да голубая лента Северского Донца. Заместителем Забненкова в этом полете и ведущим второй шестерки был замполит полка майор С. Мельников.

На подходе к цели группа сделала полукруг и вышла к объекту со стороны восходящего солнца.

Бомбы, сброшенные экипажами Петрова, Пургина, Бойко, Опрышко, попали точно в цель, несколько вражеских машин, распolzаясь по сторонам, вспыхнули.

А вдаль уже виднелась колонна танков, самоходных орудий, автомашин, за которыми стелился густой шлейф пыли.

Ведущий развернулся в сторону колонны. Но тут по штурмовикам ударили зенитки, небо перечеркнули оранжевые трассы.

О том, как развернулись события дальше, рассказал товарищам замполит полка майор Мельников.

...Забненков ощутил оглушительный удар. Его самолет накренило. Старший лейтенант попытался вывести "ил" из опасного крена, но тот все больше и больше валился набок. Запахло горелой краской и маслом.

Приказав воздушному стрелку прыгать, Забненков связался по радиации со своим заместителем:

- Я горю! Ранен. Принимай группу!..

Помочь ведущему было нечем. Его самолет трясло, из-под крыльев валил густой дым. Надо бы прыгать! Но там, внизу, - фашистские танки. И тогда Забненков направил горящую машину на эту колонну. Пронзительно засвистел ветер в продырявленных плоскостях, было видно, как от стремительного падения снесло фонарь. На месте движения вражеской техники поднялся столб дыма и огня. И едва утих грохот взрыва, новые бомбовые удары

штурмовиков обрушились на врага...

Группа выполнила задание, о чем майор Мельников доложил командиру полка Чернецову. На построении замполит рассказал о героической гибели старшего лейтенанта Забненкова. На следующий день штурмовики полка шли на боевое задание с надписью на борту: "Отомстим за Забненкова!"

Наши механизированные войска при поддержке восьмидесяти штурмовиков корпуса успешно отразили атаку четырех танковых дивизий противника из района Сырцово, Яковлево в направлении на Красную Дубровку и Большие Маячки.

Тогда же на имя генерала В. Г. Рязанова была получена телеграмма из штаба генерала И. М. Чистякова. "Командующий 6-й гвардейской армией передал вам, что работой штурмовиков наземные части очень довольны. Штурмовики помогают хорошо". {8}

Возвращаясь с передовой на короткое время, генерал Рязанов обычно сразу же начинал разбирать кипу документов, которые ждали его подписи. На этот раз, не читая, он отложил все в сторону и попросил начальника штаба генерала Парвова показать ему список потерь за последние дни. Тот вынул из папки листок с перечнем фамилий. Василий Георгиевич, нахмурившись, медленно читал фамилии геройски погибших летчиков и воздушных стрелков. Дошел до строки "Старший лейтенант Забненков М. Т." и скорбно задумался. Это был сто семьдесят шестой вылет Забненкова. Прямой кандидат на звездочку Героя...

Будто резанула по сердцу и следующая строка "Капитан Малов М. С."

Восьмого июля капитан Малов в четвертый раз повел эскадрилью в район Тетеревино, где авиаторы прикрывали Тацинский танковый корпус и уничтожили более десятка "тигров". В последней атаке самолет Малова подбили зенитчики. Тянул к своему аэродрому, но мотор заглох. Планируя, прорубил в дубовой роще целую просеку. Когда санитарная машина с полковым врачом, техником и мотористом прибыла к месту падения самолета, Малов и воздушный стрелок Борисов были мертвы.

Похоронили погибших в Новом Осколе, со всеми воинскими почестями.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1943 года капитану Михаилу Семеновичу Малову было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

В ходе боевых действий полки корпуса несли значительные потери и в личном составе, и в технике. Части постоянно пополнялись новыми машинами, которые перегонялись из

запасных полков. Многие летчики, сдавая самолеты, наотрез отказывались возвращаться в свои "запы", стремились попасть на фронт. Но не так-то легко было это сделать без соответствующего разрешения вышестоящего командования.

Однако настырные своего добивались. Именно таким оказался лейтенант Г. Фроленко.

Чуть не со слезами па глазах он обратился к командиру полка:

- Так и война кончится, и я с проклятыми гитлеровцами не расплачусь за родную Украину. Возьмите к себе, не подведу...

И Григорий не подвел. Уже через несколько дней на его счету было двенадцать успешных боевых вылетов. Фроленко был награжден орденом Красной Звезды, а командир полка Митрофанов получил... выговор за то, что не отправил перегонщика.

...В боях под Курском штурмовики действовали в непосредственной связи с наземными войсками, использовали малые высоты и потому находились под обстрелом всех видов огня противовоздушной обороны противника. Зачастую машины возвращались с задания в таком состоянии, что трудно было понять, как они держались в воздухе.

Расскажу всего лишь о двух таких случаях, о которых я узнал от ветеранов 66-го авиаполка.

...Большая колонна немецких танков, притаившаяся в мелколесье, уже хорошо просматривалась с высоты. Лейтенант В. Кудрявцев доложил о находке и повернул свой "ил" на северо-восток. Заметив советский самолет, гитлеровские зенитчики открыли ожесточенный огонь. Но командир экипажа, умело лавируя машиной, вышел из зоны обстрела. И тут увидел, как ему наперерез бросились три "сто девярых". Заметил "мессеров" и воздушный стрелок сержант Л. Задумов. И завязался неравный бой. С разных сторон на "ил" обрушивались вражеские истребители, но он искусно отбивался, Лейтенант Кудрявцев понимал - надо доставить разведданные любой ценой! Машину уже прошло несколько очередей, и она стала плохо слушаться рулей. Но даже в такой ситуации. Летчик сумел зайти ведущему Ме-109 в хвост и первым пушечным залпом поразить вражеский истребитель. Тот врезался в землю и взорвался. Два остальных "мессера" прервали атаки и отвернули в сторону. Только каким-то чудом Б. Кудрявцеву удалось довести "ил" до своего аэродрома и посадить его на фузеляж.

В подобной же ситуации оказался и лейтенант М. Хохлачев. На аэродроме все с тревогой ожидали его возвращения, зная, как потрепали самолет вражеские зенитки. И вот "ил" показался. Но в

каком виде? В центроплане зияла огромная дыра. Стоило летчику сбавить скорость - и машина свалится на крыло, а выводить некогда - высота не позволит. Как бы нехотя вышли шасси, встали на замки. Все наблюдавшие облегченно вздохнули...

Самолет снизился до высоты одного метра и мягко коснулся колесами земли. Даже выдавшие виды техники только качали головами - такую пробоину вряд ли когда увидишь!

Лейтенант Хохлачев вылез из кабины, и друзья на руках понесли его по летному полю...

Дальнейшие события разворачивались следующим образом: понесся огромные потери, особенно в танках, противник так и не смог прорваться к Курску через Обоянь. Его наступление было приостановлено. Однако гитлеровское командование не хотело мириться с этим. Оно решило перенести главные усилия на прохоровское направление, чтобы прорваться к Курску обходным путем.

Стремясь сорвать и этот план противника, командующий Воронежским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин решил упорной и активной обороной продолжать изматывание гитлеровских войск, а 12 июля нанести мощный контрудар с целью окончательного разгрома группировки, наступавшей на прохоровском направлении.

За час до контрудара началась авиационная подготовка, где свое веское слово сказали штурмовики и истребители корпуса. Они штурмовали железнодорожные эшелоны на станциях, крушили перегоны, громили колонны войск на шоссе и грунтовых дорогах с целью изоляции района предстоящего сражения от притока свежих резервов. Ударам подвергались скопления вражеских танков и артиллерии на огневых позициях.

Затем наступило короткое предгрозовое затишье...

Прохоровка... Таких малоизвестных, ничем не приметных селений на курской земле были сотни. Никто тогда и не подозревал, что именно Прохоровка войдет в историю нашей страны, историю Великой Отечественной войны.

Враг упрямо вгрызался в нашу оборону, молотил ее армадой своих новых "хеншелей" под прикрытием модернизированных "фокке-вульфов", таранил танковым "клином". Спешил. Ближайшей целью гитлеровцев теперь была Прохоровка. Почему они направили бронированное острие именно в это место? Потому, что только у Прохоровки раскинулся широкий простор между железной дорогой и речкой Псел. Здесь, в отлогих балках и рощах, удобно было скрыть боевую технику. Сюда-то и устремились гитлеровские танковые армады, не подозревая, чем кончится их встреча с совершенно свежей армией генерала П. А.

Ротмистрова. Они столкнулись лоб в лоб - только искры полетели!

Утром 12 июля, за сорок минут до начала контрудара, 2-я воздушная армия провела авиационную подготовку, в которой участвовало более двухсот самолетов. Ввиду сложных метеорологических условий летчикам пришлось действовать небольшими группами, нанося удары по танкам и артиллерии противника, находившимся на огневых позициях.

Погода в то утро стояла отвратительная: то шел дождь и облака опускались чуть ли не до самой земли, то в лощинах поднимался туман. Дымы при этом тянулись вверх, расплзались на высоте.

Группа штурмовиков 735-го полка майора С. Володина, которую наводил на цели находившийся в боевых порядках танкистов П. А. Ротмистрова командир корпуса Рязанов, то забиралась вверх за облака, то снижалась до бреющего. В такой обстановке нужно было утроить бдительность, чтобы не ошибиться и не ударить по своим. С первой своей атаки "илы" подавили зенитки противника, а затем дружно бросились на вражеские танки: количество горящих немецких машин с каждым заходом увеличивалось.

- Работаете хорошо, - одобрил ведущего Рязанов. Затем после паузы добавил: - Комфронта очень доволен!

Выполнив задание, командир полка сделал повторный заход на цель юго-западнее Прохоровки и стал собирать группу. Вдруг он увидел под самой кромкой облаков до полсотни "юнкеров". Бомбардировщики направлялись к линии фронта.

- Справа бомберы с сопровождением! Приготовиться к бою!

Команду майора Володина приняли все летчики. "Ильюшины" сделали разворот и внезапно для противника врезались в строй бомбардировщиков. Неожиданность, натиск, групповой огонь не дали опомниться фашистам. Точным пушечно-пулеметным огнем было сбито одиннадцать "юнкеров".

Участник сражения на Курской дуге, впоследствии Герой Советского Союза, Алексей Арсентьевич Рогожин так рассказал мне об этом бое па одной из встреч ветеранов-штурмовиков.

"Строй гитлеровцев рассыпался, и наши принялись расстреливать "юнкеры" в упор. Жму на гашетку - длинная очередь прошивает фашиста, и он, перевернувшись через крыло, обжаренный пламенем, стремительно несется к земле.

Я слежу за ним. Затем отмечаю на карте место падения бомбардировщика, разворачиваюсь влево и вижу, что группа наших самолетов вместо правого разворота сделала левый и ушла далеко вперед. Скорее догнать! Добавляю газ, срезаю угол и...

Четыре "мессера" плотно пристраиваются справа и слева. Ну, думаю, попался. Лихорадочно соображаю, что же предпринять. А один из фашистов показывает мне рукой: мол, лети прямо, твоя песенка спета. И решение приходит мгновенно: идти на таран, а там посмотрим, что будет!

Лечу, а сам кошу глаза влево. Фашист в точности повторяет мой маневр и вновь рядом. По расчету времени я должен уже быть над своей территорией. Нырять в облака и... оказываюсь под сильным огнем вражеской зенитки. Несколько снарядов попадают в мой самолет. Понимаю, что пробит правый элерон, машина кренится вправо, вываливается из облаков, никак не могу ее удержать. И замечаю ниже и справа те самые "мессершмитты".

Они набросились на меня, как стервятники, рассчитывали на легкую добычу. Но я делаю резкий маневр и первым даю очередь по атакующему. "Мессер", испугавшись мощного огня, отворачивает и подставляет "живот" под огонь стрелка Леши Голубева. Тот расстреливает фашиста в упор. А тут другой истребитель оказывается вдруг у меня в прицеле, я даже глаза почему-то закрыл. И ударил из пушек... Но третий "мессер" prošил нас основательно двигатель заклинило, несемся к земле. Фашист пристроился рядом и опять показывает рукой - падай, мол. Я взглянул и обмер: внизу танки с крестами, валимся прямо на их колонну. Мне вдруг так захотелось жить, так обидно стало: вырваться из такой переделки и попасть к немцам в лапы!

Справа вижу лесок, подворачиваю к нему, но не долетаю. Чувствую, что самолет цепляет уже колесами о землю, садится среди окопов и воронок. Осматриваюсь: сел-то я между нашими и вражескими окопами, на "нейтралке". И начался бой за наш самолет... Пехотинцы помогли нам выбраться к своим. Через три дня мы со стрелком были уже на своем аэродроме, вскоре получили новую машину и опять поднялись в воздух..."

Нелегким был тот день, но завершился благополучно. Возвратились на свой аэродром летчики майора С. Володина, без потерь привел с поля боя своих подчиненных и старший лейтенант М. Степанов. Сразу же собрались пилоты в кружок, в разговорах - одни междометия.

Прошло много лет. Но ветераны помнят ту беседу.

- Бородино! Настоящее Бородино! - больше прежнего от волнения окал ярославец Щапов. - Который раз летаю и все поражаюсь стойкости нашей пехоты. Как они стоят там?! Как выдерживают шквалы снарядов?! Как отражают атаки "тигров"?!

- Красноармейцы. Потому и стоят, - ответил Гридинский.

- Всем достается - и пехоте, и танкистам, и нам, - вздохнул старший лейтенант Степанов.

- Думаю я, хлопцы, что от этой Прохоровки мы проложим прочный мост на Украину, - высказал затаенную надежду Чура - молодой парень, бывший шахтер, побывавший во многих переделках. - А там и до Горловки рукой подать...

- Ты дырочку готовь для ордена, не ниже Красной Звезды получишь, легонько толкнул Николая Чуру старший лейтенант Степанов, и они пошли по аэродромному полю, перекинув через плечо планшеты...

В этот же день состоялся бой двенадцати "ильюшиных", возглавляемых замполитом полка майором С. Мельниковым, с большой группой "юнкеров". Имея первоначальное задание штурмовать наземные вражеские войска, ведущий доложил по радио: "Решил сначала сорвать бомбовый удар, после чего выполним поставленную задачу".

"Илы" сразу же ринулись в атаку на "юнкеров", а четверка истребителей сопровождения во главе с капитаном Н. Дунаевым завязала бой с истребителями прикрытия.

Схватка была ожесточенной, но победа стопроцентной; штурмовики вогнали в землю восемь самолетов противника, девятый пришелся на долю ведущего "ястребков".

Боевые вылеты следовали один за другим, чтобы противник не имел передышки.

...Шестерка "илов" шла в район южнее Белгорода, туда, где пехота уже поднялась в атаку и наткнулась на сильное сопротивление гитлеровцев. Еще не дойдя до цели, летчик лейтенант Янкин и его воздушный стрелок, бывший летчик-наблюдатель, начальник связи 66-го авиаполка майор Макеев заметили откуда-то появившийся корректировщик "Хеншель-126". Такая "птица" немало бед приносила наземным войскам, да и в воздухе ее, как говорят, голыми руками не возьмешь. Когда корректировщик оказался в задней полусфере, майор Макеев дал очередь из пулемета - трасса прошла чуть сбоку. Еще один заход, и "хеншель" задымил и вошел в крутую спираль. От самолета отделился парашютист. Как сообщили потом зенитчики, пленный оказался обер-лейтенантом. У него изъяли документы, карты и переправили в штаб корпуса. Добыча была весьма ценной.

Когда экипажи возвратились с задания, на аэродром уже прибыл генерал Рязанов. Он поблагодарил летчиков, за такой "подарок" и представил Н. В. Макеева к ордену Красного Знамени.

...Контрудар в районе Прохоровки вылился в крупное встречное танковое сражение, в котором противник понес большие потери. Совместными усилиями наземных войск и авиации была сорвана последняя попытка врага прорваться к Курску. Войска Красной Армии теснили гитлеровцев уже на

широком фронте, срезая клин, образовавшийся в результате их наступления 5 июля.

Для описания той обстановки приведу слова военного корреспондента "Комсомольской правды" Юрия Жукова.

"Вначале мы останавливались у каждого "тигра", внимательно осматривая его, потом стали задерживаться только у групп "тигров" и, наконец, потеряли всякий интерес к ним. Только один заставил пас надолго задержаться. Это был исключительно любопытный экземпляр "тигра": танк попал прямо под бомбу советского самолета, и она разложила его на составные элементы: одна гусеница змеей оплела ставшее перпендикулярно к земле днище танка, другая, разлетевшись на куски, легла метрах в пятидесяти от машины, башня ушла глубоко в землю, а мотор, рассыпавшийся на мелкие кусочки, разлетелся в стороны {9} .

В этих ожесточенных сражениях штурмовики 1-го авиакорпуса показали беспредельную любовь к своей Родине, проявили героизм, отвагу и высокое боевое мастерство. Особо отличились в те дни штурмовики и истребители С. Володин, А. Матиков, С. Мельников, М. Степанов, М. Одинцов, В. Андрианов, Н. Горобинский, А. Глебов, Н. Опрышко, А. Бутко, В. Лыков, П. Кузнецов, А. Кобзев, А. Петров, Н. Петров, И. Базаров, И. Куличев, В. Меркушев, Н. Шутт, М. Токаренко...

С каждым боевым вылетом крепла дружба между штурмовиками и истребителями, их фронтовое братство. Греха нечего таить, но раньше, когда истребителям приходилось сопровождать "ильюшиных", первые видели нечто вроде обузы для себя. Считали: если при сопровождении штурмовиков ими не сбито ни одного гитлеровца, значит, этот полет прошел впустую.

Время и боевые будни, успешные совместные действия показали несостоятельность таких суждений.

Об ответственности истребителей прикрытия часто напоминал и командир корпуса Василий Георгиевич Рязанов. Обычно он говорил: "За тех, кого собьет враг с земли, я спрашивать не стану. Но если потери у "горбатых" появятся от немецких истребителей, буду рассматривать это как невыполнение приказа. Для нас герой не тот, кто сбивает чужих, а тот, кто своих штурмовиков не дает в обиду..."

...Два "мессершмитта", насевшие на штурмовик, атаковали его умело. Сначала отбили от общего строя, затем принялись "клевать". Но даже в пылу азарта не забывали об опасности: ведомый, словно в одной связке, ходил за ведущим, чтобы прикрыть его в случае нападения. Со стороны было хорошо видно, что это опытная, слетанная пара,

Поврежденный штурмовик опускался все ниже. Два

стервятника, кружась возле добычи, спешили его добить, расстрелять в упор.

Капитан С. Луганский, сопровождавший "илов", пристроился вначале к ведомому "мессеру", сблизился на привычную дистанцию и ударил из пулеметов. "Сто девятый" задымил и рухнул вниз.

Второй "мессер" взмыл вверх, оставив штурмовик в покое. Продолжать погоню было неразумно: следовало помочь "горбатому" дотянуть до своей территории. И только после того как израненный "ил" приземлился, Луганский облегченно вздохнул, набрал высоту и снова ринулся в бой. Иссеченный осколками снарядов, с пробитым маслорадиатором, он загнал в прицел еще одного Ме-109 и свалил его наземь...

Вечером в столовой к Сергею подошел невысокий, щуплый летчик с застенчивым лицом.

Познакомились. Оказалось, что Талгат Бегельдинов, его земляк, искал истребителя с бортовым номером машины "47".

Луганский удивился - это был номер его машины. Молодой летчик обрадовался, что нашел-таки своего спасителя. Поблагодарил за выручку.

...Жизнь полковой семьи - это не только счастье побед, сладость удачи, но и тяжелый ратный труд, кровь, боль, могилы товарищей... Однако только сквозь все эти невзгоды пролегал путь к Победе.

14 июля бои между Северским Донцом и Беленихино достигли особого напряжения. Штурмовой корпус хорошо помогал танкистам и пехоте, о чем свидетельствовали их отзывы о действиях "крылатых братьев". В этот день командир эскадрильи 800-го авиаполка старший лейтенант Б. Шубин повел группу на задание. Несмотря на то что вражеские танки усиленно прикрывались зенитным огнем, ведущий пробился сквозь заграждение и атаковал танковую колонну противника. И все же на обратном пути зенитный снаряд подбил самолет Шубина - разрывом снесло полкрыла. "Ил" накренился и стал неуправляем. В таком положении выпрыгнуть с парашютом, спастись нет никаких шансов.

Шубин дважды приходил на аэродром на поврежденном, но все же управляемом самолете и приземлялся удачно. А теперь такого шанса не было. И он сделал последнее, что мог, - форсируя мотор, вывел "ил" из пикирования. Наверное, знал, что пылающий самолет будет слушаться считанные мгновения, и бросил его на танки, которые скопились в низине...

- Это был страшный взрыв. По-видимому, немецкие танкисты дозaprавлялись в балке, - так доложили командиру полка

свидетели подвига старшего лейтенанта Шубина летчики С. Чепелюк и Е. Шитов.

...Воздушные разведчики обнаружили близ села Борисовка, юго-западнее Белгорода, колонну танков противника, которая была переброшена в этот район по железной дороге и готовилась к маршу. Первая группа штурмовиков нанесла несколько бомбовых ударов по станции, подожгла цистерны с горючим и возвратилась на свой аэродром. Командир дивизии полковник Ф. Г. Родякин подтвердил ту же цель и для второго вылета. Ведущим на этот раз был назначен заместитель командира 735-го полка по политчасти майор М. Ушаков.

Двадцать четыре "ильюшина" под прикрытием истребителей взяли курс к Борисовке и атаковали гитлеровцев на станции и вблизи нее. Налет оказался успешным. Но на втором заходе, просчитав, когда штурмовик; пойдут на бреющем, на них неожиданно навалились "фокке-вульфы". Атакуя парами, "фоккеры" увлекли за собой истребителей прикрытия, и в это время другая группа, используя уход последних, напала на "илы" с малой высоты. Пулеметной очередью был подожжен самолет ведущего и убит воздушный стрелок. Стрелки и пилоты Других экипажей видели, как вспыхнула машина майора Ушакова, как он выпрыгнул с парашютом, как упал на территории, занятой противником.

Несколько дней спустя, когда наши войска освободили этот район, было найдено тело замполита полка, изрешеченное автоматными очередями. Майор Митрофан Михайлович Ушаков был похоронен с воинскими почестями на площади села Борисовка.

...Во второй половине июля штурмовой авиакорпус поступил в оперативное подчинение 5-й воздушной армии. Первым к генералу С. К. Горюнову прибыл командир корпуса генерал Рязанов для личного знакомства и получения необходимых указаний. Василий Георгиевич доложил о том, что обе дивизии 266-я и 292-я, - в последних боях действовавшие на самых ответственных участках Воронежского фронта, понесли потери и требуется доукомплектование самолетами и личным составом.

Как вспоминал впоследствии генерал Рязанов, тогда он откровенно намекнул, что его соединение действует, как правило, самостоятельно, независимо от соседей, в тесной связи с истребителями прикрытия 203-й дивизии, они базируются на одних аэродромах и совместно готовятся к выполнению боевых задач. Охарактеризовав всех комдивов, назвал лучших штурмовиков и истребителей, отличившихся на Курской дуге.

С этого дня корпус начал свои боевые действия в составе войск Степного фронта под командованием генерал-полковника И. С. Конева. В преддверии авиационного наступления командующий фронтом приказал самым тщательным образом организовать воздушную разведку, провести не только плановые, но и перспективные аэрофотосъемки, особенно вдоль шоссе и грунтовых дорог.

К выполнению перспективных съемок с малой высоты были привлечены экипажи Г. Красоты, В. Лыкова, Б. Лопатина, В. Веревкина. Задание командования они выполнили безупречно.

Как показало дешифрование фотоснимков, тактическая оборона противника на белгородско-харьковском направлении состояла из двух полос глубиной до 18 километров. Они были оборудованы укрепленными пунктами и мощными узлами сопротивления. Соединялись между собой траншеями полного профиля. Опорные пункты имели большое число дотов и дзотов. Почти все населенные пункты на пути к Белгороду гитлеровцы подготовили к круговой обороне. Разведкой также были вскрыты точки базирования и примерное количество авиации 4-го воздушного флота противника.

Выполнение главной задачи Степного фронта возлагалось на 53-ю армию генерала И. М. Манагарова, 69-ю - генерала В. Д. Крюченкина, 7-ю гвардейскую армию генерала М. С. Шумилова, 5-ю гвардейскую танковую армию генерала П. А. Ротмистрова. Авиационное обеспечение наступления осуществляла 5-я воздушная армия. Эти войска должны были прорвать укрепленную полосу обороны противника, окружить и уничтожить белгородскую группировку гитлеровцев и освободить Белгород, а затем развить наступление на Харьков.

Накануне контрнаступления в войсках днем и ночью шла напряженная подготовка к прорыву сильно укрепленной и глубоко эшелонированной обороны противника. Командиры, политработники, партийные и комсомольские организации уделяли большое внимание изучению личным составом опыта последних боев, популяризировали опыт наиболее отличившихся, умелых воинов, навыки их действий в бою. Вся партийно-политическая работа была направлена на то, чтобы создать в войсках высокий наступательный порыв. Линия фронта на некоторых участках подходила почти вплотную к границам Украины. Измученная, истерзанная украинская земля с нетерпением ждала своих освободителей. На митингах, состоявшихся в полках перед контрнаступлением, бойцы и командиры выражали свое стремление как можно скорее прийти на помощь многострадальному украинскому народу.

Планируя наступление наземных войск, командование фронта предусмотрело, что атаки танков и пехоты с самого начала будут поддерживать группы штурмовиков до 20-25 самолетов в каждой. По указанию генерал-полковника Конева впервые в боевой практике штурмовой авиации намечалось следование групп Ил-2 непрерывным потоком.

Незадолго до наступления командующий фронтом переместил свой КП непосредственно к переднему краю, где сосредоточились войска главной группировки. Этого же генерал И. С. Конев потребовал и от командования 5-й воздушной армии. К этому времени командир корпуса давно был на "передке".

Почувствовав угрозу прорыва советских войск на белгородско-харьковском направлении, противник начал спешно перебрасывать из глубины обороны подкрепления. Дезорганизовать перевозки врага, не дать, ему сосредоточиться и развернуть резервы - такую задачу поставило командование перед штурмовиками.

Как донесла разведка, на железнодорожном узле Белгород скопилось несколько эшелонов с техникой. Без промедления в этот район была послана группа "ильюшиных" во главе с лейтенантом Покорным. Линию фронта штурмовики прошли на большой скорости и малой высоте, не дав противнику прийти в себя, организовать зенитный заслон. Но чем ближе подходили к цели, тем чаще и чаще белесое от зноя небо пятнали бурые шапки разрывов.

Лейтенант Покорный приказал специально выделенным экипажам подавить вражеские зенитки, а ударную группу потянул на высоту, вывел на железнодорожный узел.

В этом полете наравне с другими экипажами выполнял боевую задачу экипаж младшего лейтенанта Андрианова. Под стать командиру - пилоту Андрианову был и его воздушный стрелок сержант Шапошник, четкий в действиях, собранный, мастер огня, надежный страж задней полусферы "ила".

Первая серия бомб легла точно: в этом Андрианов убедился, когда сделал заход на повторную атаку. Там, где несколько минут назад струились паровозные дымки, теперь клубилось и расплзлось бесформенное багрово-черное облако. По пристанционным путям метались в панике гитлеровцы, пытаясь спасти уцелевшие вагоны с техникой и боеприпасами.

Еще один бомбовый удар - и на станции образовались новые очаги пожаров. Василий Андрианов рассказывал, как почувствовал толчок - это его самолет настигла очередная ударная волна от взрывов боеприпасов... Бомбы сброшены, очередь дошла до пушек, пулеметов. Штурмовики устремились в

третью атаку. Бросив самолет в пике, Андрианов поймал в перекрестие: прицела набегающие, будто растущие вагоны и платформы.

Огненные трассы потянулись от "ила" и вспороли крышу одного из пульманов. Остальные экипажи струями очередей прошивали вагоны, били из пушек по выходным стрелкам.

Последний удар "ильюшиных" был особенно метким. На станции так рвануло, что ударная волна докатилась до самолетов, которые стремительно набирали высоту...

С рассветом 3 августа по обороне противника нанесли мощный удар сначала две группы бомбардировщиков, затем в работу включилась артиллерия.

Одновременно в воздух поднялись новые партии пикирующих бомбардировщиков, штурмовиков под прикрытием истребителей. Они ударили по основным очагам сопротивления врага в полосе прорыва его обороны. И здесь действия корпуса получили высокую оценку: на имя генерала Рязанова пришла телеграмма от командира 48-го стрелкового корпуса Зиновия Захаровича Rogoznogo, в которой говорилось: "Только благодаря непосредственно организованному взаимодействию и массированным ударам летчиков-штурмовиков наземные части имели продвижение" {10}.

Спасая положение, гитлеровцы усилили сопротивление своей авиации, особенно истребительной. Поэтому серьезные потери были и у нас. Эти обстоятельства настоятельно диктовали необходимость привлечь штурмовиков к нанесению удара по аэродрому Микояновка, расположенному вблизи прорыва вражеской обороны. Генерал Конев не сразу согласился на то, чтобы отвлечь "ильюшиных" с поля боя. Потом после некоторых раздумий приказал генералу Горюнову уничтожить вражескую авиацию на аэродроме и попытаться выкурить гитлеровцев из Микояновки.

Для нанесения удара по этому аэродрому командарм приказал Рязанову подготовить 12 экипажей штурмовиков и 8 истребителей - самых опытных, обстрелянных, лучших из лучших.

Во второй половине дня 4 августа командир штурмового авиакорпуса доложил по телефону генералу Горюнову:

- Взлетели!

Группу штурмовиков возглавил комэск 673-го полка старший лейтенант Г. Александров, сопровождал ее со своими истребителями комэск 270-го полка капитан Н. Дунаев.

Все напряженно ждали результата налета, но эфир молчал - генерал Рязанов приказал строжайшим образом соблюдать радиодисциплину, доложить по радио только после выполнения задания.

На аэродроме Микояновка вражеский парк насчитывал 30 "мессершмиттов", 25 "юнкерсов" и "фокке-вульфов". Когда штурмовики и истребители подошли к цели, навстречу им успели взлететь лишь несколько "мессеров" и "фоккеров", попытавшихся с ходу атаковать "илы". Истребители капитана Н. Дунаева отсекали их от штурмовиков и отогнали на почтительное расстояние, пока те обстреливали из пушек и пулеметов вражеские самолеты на стоянках.

Вот что рассказали мне участники того боя.

Воодушевленный удачной атакой, капитан В. Шевчук не выдержал и воскликнул:

- Трепещите, варвары! Вам приходит конец. Я - "Шевченко"!

Обратная связь сработала немедленно. В наушниках капитан Шевчук услышал сердитый голос генерала Рязанова:

- Молодец, "Шевченко"! Но за болтовню в воздухе объявляю выговор!

И тут перед истребителем выскочил "Фокке-Вульф 190". Шевчук не растерялся. Длинной очередью полоснул его по фюзеляжу, и "фоккер" с креном пошел вниз.

Когда генерал Рязанов узнал подробности боя, он позвонил командиру истребительного полка подполковнику Я. Кутихину. "Шевчуку выговор оставить и объявить благодарность за сбитый "фоккер", - сказал генерал.

Пятьдесят минут, отведенные для удара по аэродрому Микояновка, истекли. По телефону Рязанов доложил в штаб армии: "Вернулись. Сели. Подробности позже". Таков был стиль работы у командира корпуса: всех выслушать, переспросить, уточнить, а потом уже точно доложить вышестоящему командованию.

Как было установлено позже, группа Александрова уничтожила на аэродроме не менее пятнадцати самолетов, повредила летное поле, взорвала склад с боеприпасами. Успеху сопутствовало и то, что ведущий группы хорошо знал аэродром в Микояновке, он в прошлом служил в части, которая здесь базировалась. Обстоятельство, может, случайное, но оно в известной мере способствовало успешному выполнению сложного

и трудного задания.

Старшему лейтенанту Г. Александрову и капитану Н. Дунаеву придется еще много раз вместе подниматься в огненное небо, чувствовать крепость крыла друг друга в боях. Оба они станут Героями Советского Союза...

5 августа войсками Степного и Брянского фронтов были освобождены Белгород и Орел. Впервые за время войны Москва отсалютовала своим доблестным защитникам в честь одержанной большой победы.

Яркую страницу в летопись Курской битвы вписал и 1-й штурмовой авиакорпус. Он выполнял ответственные задачи и находился на всех горячих точках грандиозной битвы. Корпус, по существу, являлся флагманом штурмовой авиации в Великой Отечественной войне, его боевой опыт стал хорошей основой для вновь формируемых авиасоединений.

Звездное небо Украины

Набатным призывом к дальнейшему разгрому ненавистного врага прозвучало обращение ЦК Компартии Украины, Президиума Верховного Совета и Совета Народных Комиссаров республики: "Выходи на решительный бой, народ Украины! В борьбе мы не одни. Плечом к плечу с нами идут русские, белорусы, грузины, армяне - сыны всех народов Советского Союза... Вперед, в наступление на врага!"

Передача Степному фронту двух армий - танковой и общевойсковой - из состава Воронежского и Юго-Западного фронтов, обеспечение воздушной армии самолетами непосредственно с авиазаводов, включение в ее состав ночной бомбардировочной дивизии говорило о том, что в боях за освобождение Харькова Степному фронту принадлежала важнейшая, если не первостепенная роль.

Управление действиями штурмовой и истребительной авиации в ходе наступления было поручено генералам В. Г. Рязанову и И. Д. Подгорному. Свой, на этот раз объединенный, командный пункт они разместили рядом с НП командующего 53-й армией генерала И. М. Манагарова, куда перед наступлением заехал с небольшой группой генералов и старших офицеров командующий фронтом И. С. Конев.

Первыми, согласно плану-графику, нанесли удар по вражеским позициям пикирующие бомбардировщики. Не давая опомниться гитлеровцам, на уцелевшие огневые средства обрушилась артиллерия и "катюши". Затем, сменяя друг друга, начали вылеты группы штурмовиков под прикрытием истребителей. И вот в атаку ринулись стрелковые соединения, танкисты 1-го мехкорпуса генерала М. Д. Соломатина.

События развивались на первых порах довольно успешно: пехота и танки быстро достигли ближних подступов к селу Петровка, но здесь были встречены мощным контрударом со стороны противника и вынужденно перешли к обороне. Позже стало известно, что гитлеровское командование сосредоточило на местности танковую дивизию СС "Мертвая голова", две пехотные дивизии и стянуло большое количество артиллерии и минометов...

Командующий фронтом И. С. Конев, оценив ситуацию, приказал ударом штурмовиков и бомбардировщиков сорвать контрудар противника.

Выполнение задачи было возложено на группу штурмовиков из 820-го полка майора Г. Чернецова и отряд пикирующих бомбардировщиков.

В авиаполку все любили и уважали майора Чернецова. Обучая летчиков совершенному владению техникой пилотирования, боевым приемам и напористости в достижении победы, он каждую свою рекомендацию, предложение лично демонстрировал в боевых вылетах, всегда стремился творчески, неординарно выполнять задание. Приучая летчиков-штурмовиков к такой боевой работе, не раз внушал, чтобы они, подобно шахматистам, старались находить выход из самой трудной ситуации, а когда потребуется, самостоятельно решали, как действовать в боевой обстановке.

И вот еще чем выделялся Григорий Устинович среди пилотов - настроен на полет. Казалось, его ведомые и на расстоянии чувствовали устремленность своего ведущего к бою, к неперемennomу разгрому врага. В воздухе он действовал хитро, маневрировал, как юркий истребитель, по цели бил метко, как заядлый бомбардировщик, а пилотировал так, словно рядом с ним сидел штурман.

"Петляковы" с отвесного пикирования прицельно положили серию бомб на окраине Петровки, затем в работу включились штурмовики Чернецова. Выстроившись в три круга, они деморализовали контратакующую пехоту, которая сразу же повернула вспять. Однако танки с крестами на бортах упрямо ползли вперед.

"Применяйте ПТАБы. Жгите "тигры", "фердинанды", "пантеры"!" - принял команду Конева на КП генерал Рязанов.

Вскоре над полем боя появилось 12 "илов". Вел их старший лейтенант М. Одинцов. С трех заходов штурмовики уничтожили "малютками" четыре "тигра", но уцелевшие продолжали бой.

Поступил новый приказ командующего фронтом: штурмовать немецкие танки непрерывно...

На смену отработавшей группе Одинцова вылетели со своими ведомыми опытные экипажи Бегельдинова, Андрианова, Михайличенко.

Внизу, на земле, уже чадили более десятка вражеских машин. Вырвались из этой огненной "каши" только считанные единицы.

Контратака гитлеровцев была полностью сорвана. Противник вскоре оставил Петровку и стал откатываться к внешнему оборонительному обводу Харькова.

Удержанию города гитлеровское командование придавало особое значение, считая его "восточными воротами на Украину, замком на дверях Украины, ключом к Украине" {11}. Помимо танковой дивизии СС "Мертвая голова" и других соединений сюда были брошены части танковых дивизий СС "Райх", "Викинг", моторизованная дивизия "Великая Германия". Из данных наземной и Воздушной разведок стало известно, что гитлеровцы перебазировали в район действий соединения пикирующих бомбардировщиков "Юнкерс-87", прибывшие из Южной Украины и Крыма, а также небезызвестные эскадры "Удет", "Мельдерс", которых здорово потрепали советские летчики в кубанском небе.

Несмотря на то что наша авиация господствовала в воздухе, окончательно сломить сопротивление противника не удавалось. Требовался еще один концентрированный удар по полевым аэродромам Сокольники, Померки и Основа.

Командующий фронтом генерал Конев дал свое согласие на проведение такого удара, однако потребовал, чтобы план-график поддержки наступающих войск с воздуха неукоснительно выполнялся.

С учетом этих требований решено было провести штурмовку не трех аэродромов, а двух.

Документы свидетельствуют, что для выполнения задания генерал Рязанов назначил ведущими тех летчиков, которые хорошо знали расположение аэродромов Сокольники и Померки. Первую группу "илов" в количестве двенадцати машин должен был вести капитан М. Степанов, вторую - старший лейтенант В. Багров. Группы прикрытия возглавили капитан С. Луганский и старший лейтенант Н. Буряк.

Накануне вылета была тщательно проведена воздушная разведка, которая установила на аэродромах значительное скопление самолетов противника.

Капитан М. Степанов, детально изучив обстановку, доложил свои соображения: удар следует нанести на рассвете, когда самолеты противника будут находиться еще на стоянках. Из каждой подобранной группы следует выделить экипажи для подавления средств противовоздушной обороны аэродрома. Это

позволит атакующим штурмовикам сделать по несколько заходов на цель, сбросить бомбы и обстрелять стоянки машин противника пулеметно-пушечным огнем.

10 августа ровно в пять часов утра на аэродромах Померки и Сокольники раздались мощные взрывы авиабомб. Пять "мессершмиттов" из двадцати в Померках вспыхнули жаркими кострами, остальные были повреждены огнем пушек.

Эффективность удара по аэродрому Сокольники оказалась намного выше: группа капитана М. Степанова превратила в кострища двадцать два "юнкерса", повредила несколько ангаров, взорвала склад с боеприпасами. Взлетевшие с соседнего аэродрома Основа "сто девятые" вступили в бой с истребителями Луганского, но, потеряв ведущего (которого с первой же атаки сбил Сергей), вышли из боя.

Удар по аэродрому Основа произвела группа "илов", ведомая капитаном М. Афанасьевым. При поддержке восьмерки "яков" старшего лейтенанта Н. Шутта они вывели из строя десять "мессеров", повредили бомбами взлетно-посадочную полосу.

Выполнив задание, группы возвратились без потерь. Но фронтовое бытие полно всяких неожиданностей, порой трагических.

Произошло это в 66-м авиаполку. Восемнадцати лучшим экипажам, способным производить посадку в сумерках, была поставлена задача нанести бомбоштурмовой удар по танковой колонне, двигавшейся по шоссе Валки Харьков. Боясь, что темнота застанет экипажи в воздухе, командир полка майор В. Лавриненко проложил маршрут полета напрямую - через крупный железнодорожный узел Мерефу, плотно прикрытый зенитной артиллерией. Это была тактическая ошибка, приведшая к печальным последствиям. При подходе к железнодорожному узлу на высоте примерно 1500 метров зенитная артиллерия противника открыла сильный и достаточно прицельный огонь. Экипажи рассредоточились и произвели противозенитный маневр. Однако из первой шестерки, а затем из второй были сбиты по одному самолету. И тут на "ильюшиных" набросилась большая группа "мессеров". Часть их сковала боем истребители прикрытия, остальные атаковали штурмовиков. Загорелся один, второй, третий...

Первым в полк возвратился младший лейтенант Н. Бойченко, за ним младший лейтенант А. Смирнов. Но радость встречи их с боевыми товарищами была омрачена горькой вестью: за линией фронта остались майор В. Лавриненко, лейтенант Н. Пушкин, младшие лейтенанты В. Конев, И. Драченко.

После долгих мытарств возвратились комполка майор В.

Лавриненко и лейтенант Н. Пушкин. Командира полка вскоре назначили инспектором дивизии по технике пилотирования. Позже, уже на правом берегу Днепра, он был сильно контужен и летать больше не смог.

Круто судьба обошлась и с младшим лейтенантом И. Драченко. Попав под сильный зенитный огонь, он с трудом вывел из зоны обстрела поврежденный самолет, но посадить его не удалось. Летчик выбросился с парашютом и в бессознательном состоянии попал в плен.

Битва за Харьков на земле и в воздухе продолжалась с возрастающей силой и достигла своего накала. На удержание города командующий группой "Юг" генерал-фельдмаршал Манштейн бросил свой главный резерв. Особенно ожесточенные бои развернулись с 18 по 22 августа.

Несмотря на отчаянное сопротивление, удержать Харьков противник не смог. С исключительной четкостью и слаженностью работали все винтики большой и сложной машины наступления. Танки взаимодействовали с пехотой, авиация прикрывала с воздуха и тех и других, артиллерия дробила вражеские узлы сопротивления и расчищала путь.

...Это был обычный вылет на штурмовку вражеских позиций. На задание вылетела большая группа штурмовиков.

Экипаж младшего лейтенанта И. Михайличенко (воздушный стрелок сержант А. Левицкий) вел замыкающую группу. До Харькова дошли без особых приключений, а дальше - сплошная стена зенитного огня. Группа разделилась: одни экипажи "усмиряли" зенитчиков, другие встали в круг, сделали первый заход, второй... четвертый. Полетели вниз черными каплями бомбы, с визгом сорвались с направляющих реактивные снаряды, гулко застучали пушки. На земле, охваченной пламенем и черными дымами, пылали танки, автомашины, металась по полю гитлеровцы.

Грозен был удар штурмовиков!

При пятом заходе в небе появились "мессершмитты". Они с ходу попытались вклинить в боевой порядок "илов", но не тут-то было. Ведомые - начеку, оцетинились огнем и воздушные стрелки.

На выводе из пикирования Михайличенко заметил впереди силуэт "мессера", немедленно ринулся в его сторону. "Сто девятый" был так близко, что его плоскости с черным крестом в желтой окантовке не помещались в большое кольцо прицела.

Одновременно прозвучал залп из пушек и пулеметов, и "мессершмитт" вспыхнул. И тут Михайличенко почувствовал, как его машина покачнулась от удара сверху и накренилась вправо.

На крыле зияла большая дыра.

Летчик убрал газ, ликвидировал крен. Самолет плохо повиновался усилиям пилота, но все-таки тянул в сторону линии фронта. Вскоре показался родной аэродром...

Об успешных действиях штурмовиков корпуса свидетельствует одно из боевых донесений тех дней - командующего 53-й армией в штаб Степного фронта. В нем сообщалось:

"Во второй половине дня 20 августа 1943 года летчики неоднократно штурмовыми ударами с воздуха подавили сопротивление противника, и паши войска наголову разбили врага, заняли опорные рубежи, прорвали полосу его обороны. Наши солдаты кричали пролетающим летчикам: "Спасибо за помощь по разгрому врага под Харьковом!"

Прошу передать мою искреннюю благодарность летчикам. Манагаров" {12}

Эта благодарность адресовалась и штурмовикам 673-го авиаполка, которым теперь командовал майор А. Матиков. В тот же день ведомая им группа обнаружила хорошо замаскированные в лесу танки, готовившиеся к контратаке позиций нашей артиллерии. Летчики стремительно вышли к цели и сбросили бомбы. Несколько "тигров" загорелось. Уцелевшие танки устремились в соседний лесок, но "илы" на бреющем полете добились их.

А через день, 21 августа, снова на боевое задание. Штурмовики уже были в воздухе, когда их перенацелили на подавление крупной танковой части, расположившейся в лесу севернее населенного пункта Борки Змиевского района (ныне Готвальдовский).

Станцию Борки гитлеровцы сожгли дотла, взорвали железнодорожное полотно. Рядом - небольшой лесок. Что укрыто под кронами его деревьев? Штурмовики майора А. Матикова сделали над лесом широкий круг и с пикирования сбросили груз бомб. Тут же на них обрушился огонь крупнокалиберных пулеметов, но летчики, умело лавируя, снизились чуть ли не до самых верхушек деревьев и продолжали бомбить укрывшуюся вражескую технику.

За двадцать минут штурмовки были уничтожены шесть танков, две зенитные батареи, взорван полевой склад боеприпасов.

Командующий фронтом генерал И. С. Конев высоко оценил этот мастерский удар, сразу же объявил всем летчикам благодарность и приказал представить их к наградам, командир группы майор Александр Пантелеевич Матиков был представлен

к высшей степени отличия - званию Героя Советского Союза.

В боях на подступах к Харькову вновь отличился командир эскадрильи старший лейтенант Н. Евсюков.

...Безлюдовка - крупный населенный пункт, расположен в пятнадцати километрах южнее Харькова. Проанализировав данные разведки, командование корпуса пришло к выводу, что именно здесь гитлеровцы сосредоточили большое количество танков и артиллерии. Старший штурмовой группы Н. Евсюков вел самолеты по заданному курсу: железная дорога Харьков - Чугуев, станция Рогань. Дальше на запад лежала Безлюдовка.

Старший лейтенант Н. Евсюков предполагал снизиться, не делая над ней круг, и ударить по врагу. Но зенитчики упредили его маневр, открыв сильный заградительный огонь. Срочно пришлось менять тактику боя.

Штурмовики набрали высоту, и, сделав разворот, сбросили бомбы. Командир эскадрильи решил "запереть" технику врагу, создать пробку. Он приказал бомбить голову и хвост колонны.

Фашисты оказались в западне.

673 боевых вылета сделали летчики эскадрильи старшего лейтенанта Н. Евсюкова за время боев на Курской дуге и на белгородско-харьковском направлении.

Во второй половине дня 22 августа ведущий одной из групп командир эскадрильи старший лейтенант Г. Красота радировал с борта своего "ильюшина": "Немцы начали отход из Харькова! По дорогам на запад движутся многочисленные колонны автомашин".

Вскоре в корпус поступил приказ генерала Конева нанести удар по отходившему противнику, не дать ему безнаказанно уйти из сожженного и разграбленного города. Вновь в дело вступили штурмовики майора А. Матикова, капитана Д. Нестеренко, старшего лейтенанта А. Бутко, младшего лейтенанта И. Гулькина. Отработав, одна группа уходила, другая сразу же меняла ее. И так до темноты шла штурмовка танков, автомашин, пехотных подразделений, которые откатывались в направлении Полтавы.

Штурм Харькова начался ночью, и уже к 11 часам 23 августа войска Степного фронта полностью освободили город. За месяцы вторичной оккупации города гитлеровцы взорвали и сожгли сотни лучших зданий, промышленные объекты, дочиستا ограбили второй по величине город Украины, вывезли даже трамвайные рельсы, оборудование магазинов, мебель, дрова...

В дни освобождения города газета "Правда" писала: "Родной Харьков вернулся в семью советских народов. Красное знамя снова взвилось над второй столицей Украины. Блестящей победой завершилась гигантская битва... Под Харьковом разгромлены

отборные немецкие дивизии, потерпел крушение гитлеровский план использования всей Украины как базы для снабжения разбойничьей немецкой армии. Заря освобождения Украины разгорается над Днепром. Чутко прислушиваются измученные, истрадававшиеся советские люди и на левом, и на правом его берегах к радостным вестям, идущим с Востока". {13}

Освобожденный Харьков остался позади. Бои переместились к городу и станции Люботин. Противник стянул сюда значительное количество артиллерии и заставил наступавших в отдельных местах перейти к обороне.

Подавить вражескую артиллерию - такой приказ получил ведущий группы "ильюшиных" старший лейтенант М. Одинцов. Сопровождали ее истребители капитана В. Шевчука. Задание оказалось весьма сложным, поскольку артбатареи противника прикрывались сильным огнем "эрликонов", прозванных нашими летчиками "бобиками". И все-таки "илы" сумели пройти сквозь плотный огонь и заставить их замолчать.

Окончательную точку при очищении Люботина от гитлеровцев поставили две группы штурмовиков под командованием младших лейтенантов Василия Андрианова и Ивана Михайличенко. Они подавили шесть артбатарей и уничтожили до батальона пехоты.

Дорога на Полтаву была открыта. Однако перед Мерефой у наземных частей произошла заминка, А причина вот в чем: противник заранее и основательно укрепил этот город, прикрывающий Харьков с юга, способствовала организации мощной обороны и речка Мжа с ее обрывистыми берегами. Мерефа представляла собой важный железнодорожный узел. Без активных действий авиации этот "орешек" разгрызть было невозможно. В боевую работу включились бомбардировщики, истребители и, конечно же, штурмовики.

От корпуса было выделено три группы "илов" по восемнадцать экипажей в каждой. Ведущие - капитаны Д. Нестеренко, С. Пошивальников и М. Степанов. В один из вылетов, когда штурмовики капитана Степанова находились в воздухе, командир корпуса генерал В. Г. Рязанов перенацелил группу на другой объект: приказал "идам" прочесать рощу в полутора километрах южнее местечка Коротыч.

Прошло два дня. Овладевшие рощей танкисты сообщили, что наткнулись на разгромленный штаб танковой дивизии СС "Мертвая голова".

В подтверждение вышеизложенного процитирую один из архивных документов, который я обнаружил, работая в Центральном архиве Министерства обороны СССР. Оценивая

эффективную помощь штурмовиков наземным войскам, командарм 53-й армии генерал Манагаров в одном из боевых донесений писал:

"...На моих глазах двумя группами штурмовиков Рязанова было сожжено 7 танков противника, и контратака дивизии СС была полностью сорвана. Третья группа штурмовиков наносила удар по штабу танковой дивизии в роще в 1,5 км южнее Коротыч... Разбито несколько десятков штабных машин..." {14}

В этих боях были потери и с нашей стороны - несколько экипажей не возвратились с задания.

Среди погибших оказался любимец 800-го штурмового авиаполка летчик Николай Чура - отчаянный пилот и прекрасный товарищ. При штурмовке танков противника его самолет вышел из строя - снаряд словно бритвой срезал плоскость. Трагическую участь пилота разделил и воздушный стрелок сержант А. Белоконь...

На поврежденной машине возвращался с задания летчик Владимир Фролов. Сам он был ранен. Очевидно, потеряв сознание, Фролов врезался в землю...

Я уже привел немало таких случаев, когда летчиков сбивали, но они возвращались в свои полки. В большинстве им, раненым, обессиленным, помогали местные жители: с риском для жизни они прятали авиаторов от фашистов и полицаяев, кормили, лечили.

Так, колхозник хутора Солодовка Харьковской области Кирилл Арсентьевич Мирошниченко нашел в Ольховом яру тяжелораненого старшего лейтенанта Бориса Лопатина, выходил его, и тот снова летал и громил врага.

Рассказывая о воздушных рыцарях авиации - летчиках и стрелках, - не могу умолчать об инженерах, техниках, механиках, оружейниках и мотористах корпуса. Это они на стоянках, насквозь продуваемые калеными ветрами, в мороз и стужу, в дождь и зной трудились самозабвенно, в поте лица. Отдыхали специалисты обычно в землянках, даже вблизи населенных пунктов. Нередко им приходилось спать и под открытым небом, лишь на подстилке из древесных ветвей, соломы, на старых самолетных чехлах.

Занимались они порой и совершенно несвойственными им делами: строили капониры для самолетов, отрывали щели и окопы на полевых аэродромах, расчищали рулежные дорожки, трамбовали воронки. Главное - никто из авиаспециалистов не роптал, не искал окольных путей, не гнушался самой что ни на есть черной работы. Каждый отдавал все свои силы, знания и умение для победы над врагом.

Нет возможности назвать всех техников, механиков и мотористов поименно, приведу лишь некоторых из них. Это И. Кравец, П. Быстреев, А. Горбатов, А. Руденко, Г. Береза, С. Шолмов, П. Жоголев, А. Денисов, П. Золотов, А. Бродский, Л. Яканин, Ю. Сильванский, Б. Юдин...

Когда корпусу выдалась кратковременная передышка и экипажи, перелетевшие на новые аэродромы, обживали, обустривали новые места, у авиаторов побывала большая группа известных деятелей культуры и искусства. Среди них - советская балерина Ольга Васильевна Лепешинская, украинский поэт Павло Григорьевич Тычина, народные артисты СССР Иван Сергеевич Паторжинский и Мария Ивановна Литвиненко-Вольгемут. Они поздравили всех присутствующих с началом освобождения украинской земли, здесь же командующий воздушной армией генерал С. К. Горюнов вручил ордена и медали авиаторам, которые отличились в Курской битве.

...Как свидетельствуют документы, еще после поражения под Сталинградом немецко-фашистское командование намеревалось укрепить правый берег Днепра и решило реализовать этот план. 11 августа Гитлер отдал приказ немедленно приступить к строительству оборонительного рубежа так называемого "Восточного вала", Главной его частью служили укрепления по реке Днепр. По расчетам командования вермахта, он должен был стать непреодолимым барьером для Красной Армии.

В сложных условиях войска готовились к новому наступлению: в ходе непрерывных боев под Курском они оторвались от своих баз снабжения, из-за не полностью восстановленной железнодорожной сети затруднялся подвоз техники, боеприпасов, горючего, продовольствия. Подбрасывать к передовой все необходимое приходилось автотранспортом, которого тоже не хватало.

Но дух у советских воинов был настолько высок, что они, преодолевая трудности, делали все возможное и невозможное для освобождения Украины от фашистского ига.

Три фронта - Центральный, Воронежский и Степной - стремительно продвигались на юго-запад, Курская битва без какой-либо оперативной паузы перерастала в битву за Левобережную Украину.

Задача Степного фронта состояла в том, чтобы, наступая в быстром темпе в общем направлении на Полтаву и Кременчуг, создать устойчивый фронт и разгромить полтавскую и кременчугскую группировки противника. Туда, к седому Днепру, устремляли свои боевые эскадрильи и авиаторы 1-го штурмового авиационного корпуса. Противник прикрывался арьергардами,

оставляя при этом отдельные группы в населенных пунктах и на узлах дорог, занимал господствующие высоты, пытался расстроить это наступление: вывести свои главные силы из-под удара и сохранить за собой переправы до полного отхода войск. Не дать ему это сделать - такова стояла задача перед штурмовиками и истребителями.

В эти дни усилия корпуса сосредоточивались на уничтожении отступавших войск на дорогах, у переправ и мостов, а также на подавлении узлов сопротивления и опорных пунктов. Как и в предыдущих боях, штурмовики и истребители действовали с максимальным напряжением, хотя условия были довольно сложные. Отрицательно сказывалась отдаленность базирования авиации от наземных войск, потому для их непрерывной поддержки и прикрытия с воздуха приходилось до предела уплотнять и без того перенасыщенный график вылетов.

...День 17 сентября выдался на славу: видимость прекрасная, в небе - ни облачка, Правда, в такую погоду подойти к цели незаметно нет никакой возможности. Цель же была приличная: по данным воздушной разведки, по шоссейной дороге Красноград - Полтава отступали большие колонны оккупантов. Группе капитана А. Девятьярова из двенадцати "илов" под прикрытием десяти истребителей необходимо было войти на участок Красноград - Карловка (это, примерно, сорок километров) и нанести штурмовой удар по живой силе противника, его танкам, бронетранспортерам и автотранспорту.

Капитан Девятьяров был опытный грамотный штурмовик, как правило, водивший большие группы "илов". Еще до войны он летал в одном авиаотряде вместе с Николаем Гастелло, За возраст все в корпусе величали его "Батей".

Конечно, проще было зайти в "хвост" отступающих фашистов и начать штурмовку сразу от Краснограда. Но тогда впереди идущие колонны могли выскользнуть из-под удара. Девятьяров, не долетев десяти-двенадцати километров до города, отвернул штурмовиков и истребителей от цели. Затем параллельно шоссе прошел до самой Карловки.

Фашистам, видимо, и в голову не пришло, что штурмовики, летящие в стороне, могут развернуться и ударить по ним. Во всяком случае, среди отступающих не наблюдалось какой-либо особой тревоги. Они двигались в том же порядке и тем же темпом, не рассредоточиваясь и не предпринимая мер в защиту от воздушного налета.

Вот и Карловка. Вслед за ведущим развернулась вся группа. Теперь под "илами" была шоссейная дорога, плотно забитая фашистскими войсками.

Первая цель - мост через реку Орчик. Свистят бомбы. Теперь летчики переходят к штурмовке. Высота десять-пятнадцать метров. Трассы снарядов, пулеметные очереди врезаются в кишащую массу фашистов. Первый заход окончен. Набор высоты - и снова атака.

Колонна движется на запад, в три ряда ползут танки, бронемашины, автомобили; по обочине катятся повозки, тут же шагает пехота. Местами отступающие заполняют собой полосу шириной в сорок-пятьдесят метров.

Новый заход! Гитлеровцы мечутся в панике. Из горящих автомашин выпрыгивают автоматчики и тут же валятся на землю, скошенные пулеметными очередями, пораженные осколками бомб. Танки, бронетранспортеры кидаются вперед, в стороны, давят свою пехоту, подминают под себя грузовики и повозки, еще больше усиливается паника. Но укрыться негде - местность голая, открытая, как стол.

Капитан Девятьяров сообщил на аэродром, что по шоссе движутся еще сотни танков, автомашин, повозок, множество солдат и офицеров. Доклад приняли в штабах дивизий и корпуса. Когда летчики Девятьярова отштурмовали, навстречу им летела уже вторая группа "ильюшиных". Всего над шоссе в тот день поработали двенадцать групп штурмовиков. Иными словами, через каждые двадцать-тридцать минут на захватчиков вновь и вновь сыпались бомбы, их косили пулеметы, уничтожали снаряды...

Страшную картину представлял собой освобожденный Красноград. Фашисты превратили его в руины. Уцелевшие местные жители, возвращаясь из оврагов, старых траншей и других убежищ, находили на месте домов лишь пепелища.

А грозный вал наступления катился все дальше, к Полтаве, которую противник превратил в мощный оборонительный бастион, стянув туда из резерва свежие части 106-й пехотной дивизии, танковую дивизию СС "Райх" и другие. Вражеский гарнизон был увеличен почти вдвое.

21 сентября войска 53-й армии вышли к восточному берегу Ворсклы - реки, которая издавна служила боевым рубежом. Теперь по этим историческим дорогам наступали советские воины. Одновременно с войсками И. М. Манагарова к реке подошли и части 5-й гвардейской армии генерала А. С. Жадова, которые возвращались Степному фронту. Однако с ходу взять Полтаву не удалось.

В тот же день на КП Жадова прибыл генерал армии И. С. Конев, явно обеспокоенный сложившейся ситуацией. Внимательно осмотрев местность, командующий фронтом

отметил, что отдельные участки в полосе наступления действительно никудышные. Но ведь переправлялся же здесь Петр I перед битвой со шведами в 1709 году?! Ну, а если тогда русские прошли, то и полки Красной Армии пройдут!

Именно здесь, на подходах к реке, врагом номер один для штурмовиков оказались вражеские зенитчики. Один участок пилоты так и называли "квадратом смерти".

Действовавшая на нем батарея вела настолько точный огонь, что за один, реже - два залпа сбивала самолет. Эту снайперскую вражескую батарею многие воздушные разведчики искали, но безрезультатно.

Вот что по этому поводу рассказали мне ветераны корпуса.

Как-то под вечер командир дивизии генерал Ф. А. Агальцов вызвал к себе комэска старшего лейтенанта М. Одинцова. Речь пошла об этой каверзной батарее.

Тот доложил свои соображения: лететь надо ему одному и как можно раньше, но в готовности держать эскадрилью. С планом комдив согласился, выделив для сопровождения разведчика шестерку "яков". Вылет наметили на пять часов утра.

Рассвет Одинцов встретил в небе. Набрав высоту три тысячи метров, повел машину в предполагаемую зону нахождения батареи. Затем включил передатчик и связался с истребителями.

- "Маленькие!" Воздух на вашей совести. Мне со стрелком смотреть вверх некогда.

"Ильюшин" шел то со снижением, то с набором высоты, ломая курс маршрута. Отдельные группы пехоты, машины с прицепами-пушками разведчика не интересовали. Похоже, к одиночному штурмовику не проявляли интерес и немцы. Они завтракали. И все-таки самолет-разведчик обстреляли, но по точности огня он определил, что это были не те асы-зенитчики, которых он искал.

Подумав, что батарея может быть и в другом месте, Одинцов решил зайти в обозначенный квадрат севернее километров на десять. И едва этот отрезок пути закончился, как пилот увидел пенные шнуры снарядов. Вот она, чертова батарея из шести орудий! Одновременно летчик услышал треск разрыва, самолет сильно трянуло, появился крен. Одинцов, взглянув на правую плоскость, обнаружил в ней внушительную пробоину. Завернувшийся против потока воздуха кусок обшивки тормозил скольжение крыла и создавал опрокидывающий момент. Пришлось перевести штурмовик в набор высоты, чтобы уменьшить сопротивление воздуха. Потом он снизился глубокой спиралью.

Наблюдая за такой эволюцией машины, можно было определить, что летчик убит или ранен. А в это время Одинцов

уже с близкого расстояния наблюдал за расположением батареи, запоминал ориентиры местности, чтобы при повторном полете выйти на нее наверняка. Старший лейтенант все-таки вывел машину на свою территорию. Пропустив истребителей сопровождения на посадку, он осторожно пошел на снижение. Все обошлось благополучно...

А через четверть часа в воздух поднялась эскадрилья М. Одинцова. Девятка "илов" шла без прикрытия на бреющем. Позади осталась линия фронта. Ведущий перестроил группу в колонну звеньев, летчики сняли оружие с предохранителей.

Качнув самолет, старший лейтенант Одинцов сделал крутой левый разворот и пошел на юг. По докладу воздушного стрелка сержанта Д. Никонова, последнее звено также вышло на новое направление. Определив, что до батареи осталось два-два с половиной километра, командир набрал высоту до ста метров и прямо по курсу увидел зенитные пушки и орудийные окопы, накрытые масксетями.

Немцы явно опоздали. Чтобы дезорганизовать действия батареи, ведущий короткими очередями ударил по бегущим зенитчикам, передал по радио экипажам;

- Первый заход - пушки, пулеметы, бомбы серией! Правый разворот! Второй заход - пушки, пулеметы, эрэсы - залпом!..

Снайперская батарея была разгромлена...

В те дни штурмовики и истребители не имели ни малейшего отдыха - с утра до вечера воздух над аэродромом был пронизан ревом моторов.

Возвращаясь из разведки, экипажи докладывали, что видели команды факельщиков: они взрывали и поджигали дома, на аэродроме специальными плугами вспахивали летное поле, чтобы сделать его непригодным для использования.

23 сентября дуга подступивших советских войск, как бы охватившая город с севера и востока, пришла в движение. План гитлеровского командования удержать Полтаву, организовав затяжные бои за город, полностью провалился.

В этот же день Москва салютовала освободителям 12 артиллерийскими залпами. За героизм и отвагу, проявленные в боях за Полтаву, 266-я штурмовая авиадивизия полковника Ф. Г. Родякина получила наименование "Полтавская".

Высокой чести удостоились 292-я штурмовая авиадивизия генерал-майора авиации Ф. А. Агальцова и 203-я истребительная авиадивизия генерал-майора авиации К. Г. Баранчука. Первой из них было присвоено почетное наименование "Красноградская", второй - "Знаменская".

Изрядно потрепанная полтавская группировка немцев

поспешно отступала к переправам Днепра. Кременчугский предмостный плацдарм гитлеровцы укрепили по всем правилам военно-инженерной науки, стянув сюда отборные дивизии СС "Райх", "Великая Германия" и др. К переправам гитлеровцы свезли огромное количество награбленного имущества и продовольствия, предназначенного для отправки в Германию, а в город из окрестных сел и хуторов согнали тысячи людей для отправки их в рабство на чужбину.

Штурм Кременчуга наземные соединения повели со всех сторон одновременно, рассекая вражеский плацдарм и уничтожая его по частям.

На аэроснимках с воздуха город был чем-то похож на огромного паука, голова которого упиралась в железнодорожный мост. Прилегающие к городу дороги и улицы запрудили войска противника, ожидавшие переправы. Боевая техника, грузовики, мотоциклы, подводы двигались к Кременчугу нескончаемым потоком в два, а то и в три ряда. В ночное время рядом с железнодорожным мостом наводилась понтонная переправа.

Командование фронта поставило перед авиационными частями 1-го штурмового корпуса задачу: любой ценой уничтожить переправы через Днепр, задержать отступающие войска противника, создать пробку, посеять панику, не дать им безнаказанно переправиться на правый берег и там закрепиться.

...Это был обычный рабочий день в 800-м полку на его полевом аэродроме. Задолго до рассвета авиаспециалисты спешили подготовить самолетный парк к полетам. По полю сновали "стартеры" - специальные агрегаты для запуска мотора, на автомобилях подвозились бомбы "сотки", реактивные снаряды, ящики с боеприпасами для пушек и пулеметов.

В полдень на командный пункт поступило сообщение, что в полк придут командир корпуса генерал Рязанов и командир дивизии генерал Агальцов.

"Высокое начальство так просто не навещает", - высказывались все. И действительно. Вскоре капитан Пустовойт пригласил командиров эскадрилий на совещание. Оно длилось недолго. Из КП вышли генералы Рязанов и Агальцов в сопровождении руководства полка, замполитов, начальников служб и направились к выстроившемуся летному составу.

Командир корпуса изложил суть поставленной задачи: разрушить кременчугский мост и понтонную переправу, подавить зенитный заслон. "Это необходимо, - подчеркнул генерал, - после вас, к вечеру, полетят "пешки" генерала Полбина, а вы хорошо знаете - у них брони нет. Как будете выполнять задачу - объяснит подполковник Митрофанов. Его замысел одобрен. Ведущим

группы пойдет Пошивальников. Предварительное время вылета - шестнадцать часов, Желаю успеха! Берегите себя..."

Тактический план, предложенный подполковником Митрофановым, был прост и дерзок. Внезапно со стороны солнца, пикируя с максимальной высоты на предельной скорости, атаковать переправу. Поскольку боевой вылет должен был проходить на предельном радиусе действия Ил-2 и малейшая заминка грозила нехваткой горючего, цель нужно поразить с первой атаки. Сбор произвести без круга. Капитан С. Пошивальников поведет свое звено с набором высоты "змейкой" на минимальной скорости. Все остальные экипажи пристроятся звеньями, образуя девятку "клином". Ведомые у Пошивальникова - слева Б. Щапов, справа - Н. Шишкин. Правое звено поведет А. Гридинский с ведомым А. Кирилловым и Ю. Гусевым. Во главе левого звена - В. Потехин.

Вторую девятку вести возложили на командира третьей эскадрильи В. Чернышева, звеньями командовали Е. Шитов и М. Мочалов. Вместе с ними поручено работать экипажам С. Чепелюка, Н. Арчашникова, Б. Щенникова.

Задача двух девяток: поразить мост и понтонную переправу.

Замыкают две девятки самолеты первой эскадрильи во главе с майором Анисимовым. В составе звеньев - экипажи А. Андрианова, Г. Петрова, Н. Макарова. Их основная задача - нанести удар по зенитным батареям и накрыть "эрликоны".

Времени для подготовки к заданию было в обрез. Летчики сразу же развернули карты, начали изучать предстоящий маршрут полета, контрольное время, характерные ориентиры, возможные запасные аэродромы и посадочные площадки, систему сигнализации и связи.

В эскадрильях прямо на стоянках шли летучие партийно-комсомольские собрания. Были выпущены и боевые листки, посвященные вылету.

* * *

Из воспоминаний бывшего воздушного стрелка сержанта Н. Мещерякова, летавшего в экипаже лейтенанта Н. Шишкина.

"...Наконец над аэродромом повисла зеленая ракета, поступила команда на выруливание. Механики, лежа на левых плоскостях и держась за пушки, сопровождали "ильюшины" до старта.

Первая группа взмыла в воздух. Словно журавлиный клин с набором высоты пошла курсом на Александрию, с целью ввести в заблуждение посты воздушного наблюдения противника, чтобы потом развернуться над лесом у Знаменки и зайти на объект штурмовки с запада и со стороны солнца.

Эфир молчал. По радио переговоры запрещены были даже с истребителями прикрытия.

Высота - почти две тысячи метров. Над землей полыхали пожары, дымные столбы тянулись ввысь - это горели села. Четкой линии фронта не было. Ориентир - могучий красавец Славутич, сверху он казался сизой ленточкой, обвивающей островки, заросшие кустарником. Справа по курсу был виден Кременчуг. Группа подошла к Знаменскому лесу.

- Приготовиться к атаке! - скомандовал по радио Пошивальников.

"Ильюшины" рассредоточились для противозенитного маневра, затем, постепенно набирая скорость, пошли в пикирование навстречу цели.

Фашистские зенитчики попытались сбить с курса штурмовиков заградительным огнем, но тщетно. "Илы" всей своей многотонной массой, с громадной скоростью неслись навстречу земле.

Мост, с высоты казавшийся игрушечным, с приближением приобрел свои внушительные очертания. Хорошо видны были металлические фермы. Когда до земли оставалось метров триста-четыре, Пошивальников резко потянул ручку управления на себя и при переводе из пикирования сбросил две бомбы. Его действия повторили ведомые. Две "сотки" точно накрыли цель. Остальные, взорвавшись рядом с мостом, высоко вздыбили столбы пенистой желтой воды.

Ведущий положил самолет в крутой левый вираж и, повернув "ил" под небольшим углом к мосту, пересекая его, сбросил еще две бомбы. С горящего моста в воду полетели машины, огонь перекинулся на танки, повозки. В воде были видны плавающие вперемешку с обломками гитлеровцы.

Выйдя из атаки на бреющий полет, приготовились к встрече с немецкими истребителями, которые, как правило, поджидали и нападали на штурмовик, когда строй был нарушен и каждому приходилось защищаться в одиночку.

Однако "мессеры" на этот раз не встретили нас. Еще до подхода к кременчугскому мосту, над лесом у Знаменки, "яки" прикрытия связали их боем, Короткую схватку завершили успешно: вогнали несколько "сто девярых" в землю и не дали остальным приблизиться к штурмовикам.

Отдаляясь от переправы, летчики и воздушные стрелки видели за хвостами самолетов сплошную завесу дыма от разрывов зенитных снарядов и "эрликонов". Только наблюдая со стороны, поняли, насколько мощной была там система противовоздушной обороны, фашисты стянули на переправу

около пятидесяти зенитных батарей, часть которых теперь была подавлена. И все же один экипаж группа потеряла...

Возвращались с задания нарами, прижавшись к земле, на бредущем. Садись на свой аэродром с ходу, если позволяла обстановка на взлетно-посадочной полосе.

Командир полка Митрофанов, подъехав прямо к капониру, ждал уже, когда Пошивальников зарулит и выключит мотор. Некоторые экипажи, приземлившись чуть раньше, тоже поспешили к самолету ведущего.

- Как отработали? - спросил Анатолий Иванович.

- Нормально, товарищ подполковник, - ответил Пошивальников.

Уставшие, с разгоряченными лицами, полные впечатлений летчики и воздушные стрелки на полуторке добрались на КП полка для разбора боевого вылета и результатов штурмовки переправы. Проводил его начальник штаба майор Е. Иванов.

Позже, осматривая самолеты, мы видели, как изрядно нас потрепали вражеские зенитчики: почти все машины вернулись с пробоинами.

Дешифрованные аэрофотоснимки дали свой беспристрастный ответ: мост, понтон разрушены, уничтожена часть зенитных батарей. Это же подтвердили и летчики-пикировщики генерала Полбина, которые к вечеру нанесли еще более мощный удар по переправе..."

* * *

Вот что вспоминали участники событий тех дней штурмовики-разведчики из 667-го авиаполка младшие лейтенанты Андрианов и его ведомый Бескровный.

Самолеты приближались к станции Кременчуг. Стояла плотная дымка, и только над объектом мелькали оранжевые вспышки. В форточки просачивался едкий запах тротила.

Василий Андрианов пристально всматривался в землю. Наконец дымка рассеялась. Четыре товарных поезда к цепочка цистерн виднелись на путях станции. "Несколько бомб в горючку - и все полетело бы к дьяволу!" рассказывал потом Андрианов, но тогда прибегнуть к бомбардировке он не мог. И вот почему. Длинный состав товарных вагонов стоял головой на запад. Паровоз был окутан белым кружевом дыма. По предварительным данным разведки, фашисты намеревались отправить из Кременчуга эшелон с советскими людьми, угоняемыми в Германию. "Что если это и есть те эшелоны?" - с тревогой спрашивал себя летчик. Он представил взрывы цистерн с горючим, вздыбленную землю, разломанные в щепу товарные вагоны, убитых, искалеченных людей.

План действий созрел на ходу, когда увидел выходной семафор открытым. "Состав тронется на запад, - обратился Андрианов к ведомому, - его нужно остановить на первом же перегоне".

Посмотрел на карту, мысленно проложил маршрут - они лягут на обратный курс, создав видимость, что возвращаются домой. Затем, описав дугу, выйдут западнее города и по железной дороге вернутся к станции. "Если мое предположение не оправдается и состав будет на месте, блокируем станцию", предупредил ведущий.

Пара "ильюшиных" пересекла железную дорогу за несколько десятков километров к западу от станции и повернула на восток. Вскоре они увидели внизу белый шлейф дыма. "Поезд", - определил Василий.

- Бей по полотну сзади! - крикнул Андрианов ведомому. Сам же зашел вперед по ходу поезда и сбросил на железнодорожное полотно несколько бомб. Во все стороны брызнули обломки шпал. Поезд остановился. Сделав энергичный маневр, ведущий полоснул пушечной очередью по паровозу. Из пробитого котла повалили огромные клубы пара. Одновременно ведомый бомбил путь сзади поезда. Состав с обеих сторон был блокирован.

Андрианов снизился и на бредущем пошел вдоль состава. У вагонов он заметил метавшихся гитлеровских солдат и офицеров. Василий понял: это охрана. Он послал несколько очередей. Сквозь решетки люков воздушный стрелок сержант Иван Шапошник увидел протянутые руки.

- Наши! - крикнул сержант.

Как хотелось им походить над составом, погонять фашистов, что в панике метались у поезда, разбить вагоны, решетки, выпустить советских людей на волю. Но они понимали, что этого им не сделать. Самолеты в воздухе держатся ограниченное время. На исходе горючее.

"Теперь бы на цистерны, что остались на станции, обрушиться", вздохнул Василий. Но они еще не закончили разведку, надо было зафиксировать на обратном маршруте движение противника в заданном районе.

Экипажи внимательно вели наблюдение. Летчики и воздушные стрелки обшаривали глазами каждую ложбинку, каждую рощу, каждую проселочную дорогу. На полетной карте запестрели значки, обозначающие движение частей, машин, танков.

Разведка - это глаза и уши армии. Без нее в боевой обстановке и шагу не ступишь. Поэтому во всех авиаполках корпуса уделялось огромное внимание этой опасной и

ответственной специальности, для выполнения разведывательных полетов выделялись самые надежные экипажи, которые могли сработать наверняка.

...С каждым полетом командование убеждалось, что летчик 800-го штурмового полка 292-й авиадивизии младший лейтенант Т. Бегельдинов обладает какой-то особой интуицией при поиске противника.

Изучая местность по карте, он представлял себе, как выглядят в действительности эти желтые и зеленые квадраты - степь, перелески, лощины, прожилки дорог, каково может быть движение по ним, какова сила зенитной обороны у переправ.

Зрением и памятью обладал необыкновенной. Стоило Талгату пролететь над местностью, и он, как на пленку, фиксировал картины жизни вражеской передовой и тыла: квадратики танков на дорогах, железнодорожные составы на станциях, кресты самолетов на аэродромах, тщательно замаскированные вражеские батареи...

Вот лишь один из вылетов (а ему приходилось их делать по пять-шесть в день). Его описание сохранилось в скупых строках боевых донесений, которые непрерывно поступали с борта самолета при подготовке к форсированию Днепра.

"11 часов 07 минут. В окрестностях пункта "117" - группа пехоты противника численностью в 300 человек. Отходит на юго-запад по полю. Пехоту штурмую на бреющем...

11 часов 10 минут. На железнодорожной станции "249" два эшелона под парами. Сброшены бомбы с замедленными взрывателями, сильный зенитный огонь...

11 часов 14 минут. На дороге из "601" и "409" двустороннее движение. 40 автомашин, 12 бронетранспортеров, 7 танков. Сброшены противотанковые бомбы. Колонну штурмовали в два захода...

11 часов 15 минут. Атакован четверьмя ФВ-190. От боя уклонился и продолжаю полет.

11 часов 21 минута. На восточной окраине "312" две зеленые и одна белая ракеты. Наши танкисты обозначили себя. На водном рубеже "805" сильный артиллерийский огонь. Возвращаюсь".

И все это лишь за пятнадцать минут полета!..

С ловкостью прирожденного охотника выслеживал врага и лейтенант Борис Мельников. Он никогда не возвращался из разведки без точных данных о скоплении вражеских войск, боевой техники, мастерски фотографировал и наносил на карту тщательно замаскированные аэродромы, железнодорожные эшелоны и другие важные объекты.

Обычно лейтенант Б. Мельников летал на разведку со своим

воздушным стрелком сержантом Федором Бобковым. Задача в эти дни была одна: выяснить резервы противника в глубине обороны.

Обстановка позволила экипажу беспрепятственно произвести фотографирование, и штурмовик лег на обратный курс. Но тут стрелок по СПУ доложил командиру;

- Слева и выше вижу "фоккеры!"

Гитлеровцы шли на снижение и разворачивались навстречу разведчику, одна пара ушла вперед, другая бросилась наперерез "илу". Один ФВ-190, круто спикировав, проскочил метрах в двухстах за хвостом самолета.

Сержант Бобков доложил, что немец внизу. Предложил перейти на бреющий.

Штурмовик снизился. Почти у самой земли Мельников выровнял машину и повел ее ломаной линией. Вражеский истребитель попытался было поймать его в прицел, но просчитался. Бобков же подловил момент, когда "фокке-вульф" налез на край большого кольца прицела и дал длинную очередь. "Фоккер" сначала свалился на крыло, затем, задрав тупой нос, какое-то время висел в воздухе. Но сорвался и стремительно пошел вниз...

В атаку бросился второй истребитель, но Мельников делал виражи, не давая немцу возможности приблизиться к "илу". А когда тот все-таки приближался, сержант Бобков отсекал его короткими очередями из пулемета. "Фоккер", наконец, отстал и вильнул в сторону. Под крылья штурмовика наплывала своя, родная земля...

Асом разведки в корпусе по праву считался и летчик Анатолий Расницов. Вкратце расскажу его историю. Еще на Калининском фронте он прослыл одним из опытных пилотов, для которого ночные полеты на У-2 стали будничной работой. Когда часть начала переучиваться на Ил-2, Расницова вдруг отозвали в тыл готовить в запасном полку молодежь. Целый год он терпеливо отдавал всего себя, чувствовал, что делает очень нужное дело, обучая молодых летчиков, просился на фронт. Но ему говорили: "Фронту нужен не один, хотя бы и очень опытный летчик, а десятки и сотни".

В одни из дней на аэродром прибыл его друг Григорий Фроленко, командированный за новыми самолетами, и Анатолий сразу надел на товарища:

- Возьми меня с собой, Гриша! Возьми, иначе...

Тайком, в самый последний момент Расницов решился на отчаянный шаг: оставил все свои вещи и как был, в комбинезоне, прилетел с Фроленко в 800-й штурмовой авиаполк.

"Беглец" не стал придумывать различные оправдания своему

поступку, а пришел с Фроленко к командиру полка и все объяснил. Потом Анатолия вызвали к комдиву Ф. А. Агальцову "для знакомства". Позже на строгий запрос из школы генерал Агальцов ответил: "Хорошие летчики нужны здесь не меньше, чем в тылу".

Машину Анатолий получил спустя месяц и не посчитал для себя зазорным пойти ведомым. Через пять дней Расникова назначили ведущим. Свой первый боевой вылет с группой он сделал к Днепру, который клекотал огнем и свинцом.

Пройдет незначительное время, и Анатолий Раснинов станет одним из лучших разведчиков, которому по плечу будут самые сложные полеты в любое время суток и в любую погоду...

Вот что узнал я из рассказов подполковника Анатолия Ивановича Митрофанова, командира 800-го штурмового авиаполка.

Вместе с Григорием Фроленко перегонкой самолетов занимался и Сергей Чепелюк. Однажды, доложив командиру полка о выполненном задании, Сергей чуть замялся, но затем решительно продолжил:

- У перегонщиков есть просьба - хотят остаться в полку. - Чепелюк развернул приготовленный список, зачитал:

- Коптев, Махотин, Смирнов, Карпенко... Добрые хлопцы! Вы же сами видели их посадку. Погода-то какая - черт ногу сломит! Особенно тут есть один настырный... Коптев его фамилия.

- Ну давай этого настырного, - сказал подполковник Митрофанов.

- Лейтенант Коптев. Перегонщик, - бойко доложил сухощавый, русоволосый паренек.

На все вопросы отвечал четко, чувствовалась настоящая военная косточка. Ко всем доводам и просьбе, чтобы оставили в полку, добавил:

- Перед бате́й стыдно. Он думает, что я воюю...

И рассказал об отце - Иване Акимовиче Коптеве. Участник первой русской революции 1905 года, он прошел окопы империалистической войны. Был ранен, перенес тяжелую контузию. В феврале семнадцатого года возглавил ротный комитет. А в октябре вместе с путиловскими рабочими и матросами брал Зимний.

- Батя воевал за Советскую власть, - закончил рассказ Михаил, - а я кантуюсь в "запе"...

- Ладно, лейтенант. Логика в твоей просьбе есть. Буду докладывать по инстанции, - пообещал ему подполковник Митрофанов.

Радовались перегонщики, когда им сообщили, что командир

корпуса генерал Рязанов разрешил всем остаться в полку. При этом генерал предупредил комполка - молодых летчиков ввести в строй, но без спешки.

...Наступила осень. Погода не баловала авиаторов. Все реже и реже выдавались ясные, солнечные дни. От аэродромов до Днепра было недалеко около двух десятков километров. Но все чаще над ним висела низкая облачность с мелкой моросью.

В ночь на 25 сентября 1943 года части 7-й гвардейской армии форсировали Днепр. Пехота переправилась на противоположный берег, захватила небольшой плацдарм у села Домоткань, но перебросить артиллерию и другую боевую технику было нельзя ввиду предпринятых фашистами яростных контратак и непрерывных ударов авиации. Сложилась довольно тяжелая ситуация.

Днем на НП генерала Шумилова срочно вылетел командующий фронтом. Там его встретили командарм, генералы Рязанов и Подгорный. Обстановка действительно была критической; над плацдармом не умолкала артиллерийско-минометная канонада, в воздухе роились стаи "хейнкелей" и "фокке-вульфов".

Такого адского огня, какой противник обрушил на десантников и переправы, по словам Шумилова, ему не приходилось видеть даже под Сталинградом. А командарм знал, что говорил, ибо не раз доказывал мужество и стойкость у твердыни на Волге.

Нелестно отозвавшись о бездействии истребителей генерала И. Д. Подгорного, командующий фронтом отдал приказ немедленно организовать патрулирование над плацдармом, перехватывать и уничтожать вражеские бомбардировщики еще на подходе. Генерал Рязанов, сориентировавшись в обстановке, дал указание по радиации командиру 820-го полка майору Чернецову нанести массированный удар по немецким танкам, которые непрерывно атаковали защитников плацдарма.

Одновременно с штурмовиками на боевой курс легли истребители прикрытия. Их ведущий - Герой Советского Союза капитан Луганский.

В тот вылет, связавшись по радио с флагманом истребителей и назвав свои позывные, майор Чернецов по голосу узнал своего давнего друга, с которым вместе воевал в Финляндии. Неисповедимы фронтовые пути!

Волнами к переправам приближались "юнкерсы", над ними осами вились "мессеры". Самолеты противоборствующих сторон шли на сближение. Стена на стену: кто - кого?

В какой-то момент из-под плоскостей "илов" огненными

струями сорвались эрэсы, раскаленными стрелами прочертили небо. Залп их настолько был неожиданным, что расколол плотный строй бомберов. Несколько вражеских машин вспыхнуло. Начиненные бомбами, они рвались в воздухе, поражая осколками летящие рядом экипажи.

Гитлеровцы явно не предполагали атаки штурмовиков. Обычно им препятствовали истребители.

"Горбатые" снова как бы проткнули вражеский строй и, несмотря на огонь воздушных стрелков противника, ударили по "юнкерсам" из пушек. Поспешно освободившись от бомбового груза, те повернули на запад...

Истребители прикрытия уже разворачивались для преследования, но в наушниках ведущего раздалась команда Рязанова: "Группа "хейнкелей" выходит к переправе. "Первый" {15} приказал любой ценой не допустить, чтобы они сбросили бомбы. Как понял?!"

"Хейнкели" уже заходили для пикирования. Капитан Луганский атаковал флагманскую машину. Приблизившись, рубанул ее винтом по рулю высоты. Бомбардировщик, потеряв управление, камнем рухнул на землю. Ни одна вражеская бомба не упала на переправу...

Напряжение не спало и во второй половине дня. Теперь со стороны Александрии к плацдарму вышли одновременно четыре группы "юнкерсов" (по восемнадцать самолетов в каждой).

Понятно, что спасти плацдарм от прицельного бомбометания могли только штурмовики. И они появились. Над НП командира корпуса шла восьмерка "илов" во главе с ведущим капитаном Д. Нестеренко. 8 против 72 "юнкерсов"!

И Рязанов рискнул - приказал атаковать "лапотников" (так называли Ю-87 за неубирающиеся шасси в обтекателях, похожих па лапти).

Свидетели того боя рассказывали, что в воздухе творилось что-то невообразимое от грохота пушечных и пулеметных очередей, визга срывающихся с балок реактивных снарядов - эрэсов, рева самолетных двигателей. Воздушная схватка продолжалась недолго - минут пять. Десять "юнкерсов", объятых пламенем, упали в районе Бородаевки, остальные, освободившись где попало от бомбового груза, ретировались. Командующий фронтом И. С. Конев приказал доставить к нему на КП капитана Нестеренко. Здесь Иван Степанович лично вручил ему орден Александра Невского.

Я знал Дмитрия Акимовича Нестеренко. Бывший инструктор, затем командир учебного звена Одесской военной авиационной школы пилотов, он имел глубокие теоретические знания, обладал

отличной техникой пилотирования. Любил летать, и небо было для него роднее родного дома. Потери в группах, которые он водил до конца войны, были самыми минимальными.

Штурмовиков Нестеренко сменила группа капитана Пошивальникова. "Работай на переднем крае четко. Смотри не задень плацдарм..." - напутствовал комэска генерал Рязанов.

Тяжелые "илы" пересекли коричневатую ленту Днестра и принялись утюжить позиции немцев. Видно было, что зенитная артиллерия открыла шквальный огонь, но штурмовики продолжали долбить оборону врага и все, что там двигалось, бегало, ползало...

Сделали три захода. Было ясно - расстреляли весь боекомплект. Но тут поднялась в атаку пехота. Цепи ее были редкими, и командир корпуса схватил микрофон. "Степан! Нужен еще один заход. Видишь - пехота атакует. Дай хотя бы холостой..."

Когда генералы И. С. Конев и М. С. Шумилов возвратились в расположение КП, они вели наблюдение за боем у самого уреза реки, ведущий очередной группы "ильюшиных" командир эскадрильи старший лейтенант В. Лыков, штурмовавший вражеские артбатареи у населенного пункта Мишуриин Рог, доложил, что в двух километрах юго-западнее Бородаевки движется колонна танков. Направляется к плацдарму.

Удар по колонне нанесла эскадрилья Георгия Красоты, окончательную точку поставили летчики старшего лейтенанта Николая Евсюкова. Семь танков было сожжено, уничтожено также более десятка автомашин противника.

В этой штурмовке отличился экипаж лейтенанта Кудрявцева. Уже при возвращении на аэродром в его самолет попал шальной зенитный снаряд и повредил хвостовое оперение. Ко всему прочему у села Царичанка с болот поднялась туча уток: одна из птиц повредила плоскость, две другие - попали в радиатор... В общем, к аэродрому еле дотянул.

В сложную ситуацию при вылете в район Бородаевки попал и молодой летчик из 735-го полка сержант В. Ермолаев. После третьего захода на штурмовку он почувствовал изменения в работе двигателя. Доложив по радию о случившемся лейтенанту А. Карпову, он получил разрешение возвратиться на свой аэродром в Туровку.

Над Днестром мотор стал давать перебои, работал рывками. Машина потеряла устойчивость, но все же хоть и с трудом перевалила через реку. Не долетев до своего аэродрома километра три, Владимир Ермолаев сел, как оказалось, на окраине соседнего аэродрома, рядом с Кобеляками.

Вместе с воздушным стрелком Арапом Исаковым осмотрела

мотор. Из открытого люка выпали обломки днища, шатунов. Случись это двумя-тремя минутами раньше - свалились бы в Днепр.

Когда Владимир сказал об этом стрелку, тот даже побледнел, не мог вымолвить и слова. Дело в том, что Исхаков - казах, вырос в безводной степи и, естественно, не умел плавать...

А вот летчику Николаю Опрышко пришлось вплавь добираться к своим. Выбросившись из горящей машины, он переплыл Днепр, и его, уже выбившегося из сил, подобрала соседняя пехотинцы и доставили в расположение полка.

Помогая наземным войскам удерживать плацдарм и форсировать Днепр, в корпусе стал применяться такой отработанный тактический прием, как "замкнутый круг". Он оказался очень эффективным. Построение "замкнутого круга" группой штурмовиков из восьми-девяти самолетов давало возможность в течение 25-30 минут непрерывно и одновременно наносить удары по противнику, успешно отражать атаки истребителей.

Особенно умело применяли штурмовку "замкнутым кругом" ведущие групп М. Степанов, Г. Чернецов, Я. Минин, Г. Александров, И. Джинчарадзе, Н. Горобинский, Н. Столяров.

После довольно ощутимых ударов авиации по противнику, а также залпов сотен орудий и "катюш" обстановка резко изменилась. Немцы были вынуждены приостановить свои танковые атаки.

Плацдарм у села Бородаевка был удержан.

Началось наведение переправ и мостов через Днепр и расширение плацдармов на его западном берегу. Готовились перебазироваться и полки корпуса.

...К первой половине октября войска Степного фронта, успешно форсировав Днепр, перешли в наступление, нанося главный удар в направлении Пятихатки, Кривой Рог.

Положение немецко-фашистских войск на нижнем Днепре становилось все более тяжелым. Фашисты начали интенсивно перебрасывать в район Кировограда и Кривого Рога дивизии, прибывшие на Украину из Западной Европы, укреплять свой 4-й воздушный флот, а также снимать силы с соседних участков фронта, чтобы контрударами отбросить войска Красной Армии за Днепр.

Бежали дни, наполненные полетами, штурмовкой, воздушными боями. Враг был еще силен, нахрапист, жесток, изобретателен. Хотя и не такой, каким был в сорок первом. Взять фашистских летчиков. В Германии они были на особом положении. Высшая каста - голубая кровь! Имели большой опыт

боевых действий. Теперь явно чувствовалось: обеднели гитлеровские люфтваффе, приходится Гитлеру скрести свои сусеки. Но они еще не пустовали.

19 октября 1943 года при содействии штурмовой и бомбардировочной авиации танкисты 5-й гвардейской танковой армии генерала П. А. Ротмистрова стремительным броском преодолели сопротивление врага, освободили город и важный железнодорожный узел на Правобережной Украине - Пятихатки. Здесь были захвачены несколько эшелонов с вооружением и продовольствием и элеватор с большим запасом зерна.

В этот район начали передислокацию и полки корпуса, садились на те самые аэродромы, с которых еще недавно взлетали самолеты противника. Отступая, гитлеровцы оставили о себе память - кучи обгорелых, обуглившихся фюзеляжей и крыльев с черно-белыми крестами и пауками свастики, поврежденные взлетно-посадочные полосы, заминированные здания...

На командном пункте командарма Ротмистрова работал и генерал В. Г. Рязанов, помогая гвардейцам-танкистам взламывать неприятельскую оборону на подступах к Кривому Рогу.

Расскажу об одном боевом вылете тех дней, за который его участники были отмечены благодарностью командира корпуса и представлены к наградам.

День выдался неважный. Стояла низкая облачность, видимость была плохая. Разведку вел капитан Девятьяров. Задача: выяснить пути подхода гитлеровцев к населенному пункту Недайвода или нахождение их там.

С борта штурмовика ведущий видел, как в юго-западном направлении горело большое село Лозоватка. По дороге от него в Недайводу втягивалась танковая часть. Пролетев над селом, разведчики вышли с правой стороны шоссе, идущего на Кривой Рог, прощупывали местность. Через километров двадцать увидели на дороге движущуюся танкетку. Очевидно, откуда-то со стороны по ней выстрелили - машина вспыхнула ярким пламенем. Итак, на дороге засады.

Группа развернулась над городом. Он словно вымер. Не видно людей, войск тоже, штурмовиков никто не обстреливает. Став с другой стороны шоссе, группа взяла обратный курс. Пройдя половину пути от Кривого Рога до Недайводы, ведущий радировал:

- Противник не обнаружен, идем на Недайводу. Будем атаковать.

Не успели ведомые принять команду, как Девятьяров заметил в небольшом шахтерском поселке, утонувшем в садах,

прихваченных ржавчиной осени, замаскированные танки с желтым камуфляжем, заправщики и всякую техническую "мелочь".

Ударить сразу не смогли: штурмовики проскочили скопление вражеских машин. Но нервы у фашистов не выдержали - и они вдогонку открыли зенитный огонь по грозной четверке.

Капитан Девятьяров связался по радио с генералом Рязановым: "Обнаружил до шестидесяти танков. Укрылись в поселке. Передаю координаты... Решил атаковать". Ответ был коротким: "Действуй, Батя!"

Четверка "илов" устремилась па танки. Вражеские зенитки сплели перед атакующими самолетами разноцветную сеть из трасс, но штурмовики, обстреляв их из пушек и пулеметов, высыпали на скопление бронированных машин ПТАБы.

Не успели затихнуть взрывы, как самолеты развернулись, снизились до бреющего полета и стали расстреливать все еще неподвижные танки реактивными снарядами, из пушек...

После второй атаки ведущий развернул группу в восьмидесяти километрах от поселка и увидел вражеских связистов, сматывающих телефонные провода, саперов, устанавливающих минные поля, а возле Недайводы... тридцатьчетверки! У Девятьярова, по его рассказам, волосы встали дыбом, когда он подумал, что они ведь могли штурмовать свои войска!.. К счастью, этого не случилось.

В те дни вездесущий комкор находился в центре многих событий: он постоянно бывал на КП армий, утрясал вопросы взаимодействия с танковыми и стрелковыми частями.

Как-то на село, где расположился штаб генерала Ротмистрова, налетел целый косяк "юнкеров". Из-за разрывов бомб, туч поднятой земли, гари, дыма стало темно. Село исчезло, на его месте чернели огромные воронки.

Вероятно, об этом эпизоде Василий Георгиевич вспоминал в письме к близким в конце октября 1943 года: "Уже много дней, как я на правом берегу Днепра. Правда, противник изо всех сил сопротивляется, но мы все же колотим его и гоним. Недавно от бомбежки сгорел мой самолет. Но я везучий - обпало только фуражку, а меня засыпало землей. Встряхнулся и пошел. Моего летчика Алексея Минеева - он совмещал обязанности шеф-пилота с адъютантскими тяжело ранило, и пришлось его отправить в госпиталь, где ему сделали сложную операцию. После выздоровления Минеев снова вернулся в эскадрилью связи..."

...Вскоре все части, соединения, объединения 2-го Украинского фронта (до 20 октября он именовался Степным) облетела долгожданная весть - 6 ноября столица Советской

Украины - Киев вновь стала свободной. Это был большой подарок нашей Родине накануне знаменательного праздника - 26-й годовщины Великого Октября. В честь освобождения Киева в Москве был дан салют: 24 залпа из 324 орудий, какие давались потом в честь освобождения столиц союзных республик, в честь других особо выдающихся событий.

Те, у кого в Киеве остались родители, семьи, кто там учился или работал, как авиаторы 66-го и 800-го штурмовых полков, сформированные до войны в Киевском особом военном округе, чувствовали себя именинниками. Узы родства, братства, товарищества... Настроение у всех было самое боевое. Жажда сражаться с врагом - в душе и на устах у каждого!

Кировоградский гвардейский

Сбитый с Днепра, отброшенный со своих оборонительных позиций на Ингульце, противник решил закрепиться в Кировограде - этой природной крепости - и на его окраинах и держаться тут любой ценой, зазимовать.

Так, на подступах к городу и в самом центре была создана прочная оборона: организована плотная система флангового и перекрестного огня, установлены многочисленные проволочные заграждения и минные поля.

Еще в первые декабрьские дни 1943 года, когда гитлеровцы волнами контратаковали передовые части, выдвинувшиеся у Знаменки, Новой Праги, на дальние подступы к Кировограду, воздушная разведка доносила, что вокруг города широким фронтом идут окопные работы. Противник рассчитывал в короткий срок возвести оборонительную линию по реке Аджамке и ее притоку Серебрянке, прикрыть подступы к крупнейшему опорному пункту на правобережье в излучине Днепра. С этой целью фашисты выгоняли на земляные работы все местное население многих районов области, обрекая его на каторжный труд. Вскоре ряд крупных населенных пунктов - Субботцы, Аджамка, Клинцы превратились в мощные узлы сопротивления, опоясанные противотанковыми и противопехотными препятствиями - рогатками, "ежами", спиральями Бруно, создан своеобразный огневой щит, прикрывавший Кировоград с востока.

26 декабря 1943 года Ставка Верховного Главнокомандования поставила 2-му Украинскому фронту следующую задачу:

"...Прочно удерживая занимаемый рубеж на своем левом фланге, не позднее 5 января 1944 года возобновить наступление, нанося главный удар на Кировоград силами не менее четырех армий, из которых одна танковая. Ближайшая задача - разбить кировоградскую группировку противника и занять Кировоград, охватывая его с севера и юга. В дальнейшем овладеть районом

Новоукраинка, Помошкая и наступать на Первомайск с целью выхода на Южный Буг, где и закрепиться. Одновременно нанести вспомогательный удар силами двух армий в общем направлении Шпола, ст. Христиновка" {16} .

В последние декабрьские дни потеплело. Пошли дожди, чередуясь с мокрыми снежными зарядами. На рассвете вставал густой холодный туман, в сумерки подмораживало, и на земле застывала ледяная кора.

На аэродромах особо доставалось техническому составу: авиаспециалисты то и дело скалывали лед с обшивки самолетов, постоянно держали их в боеготовности.

Несмотря на дождь, туманы, мороз, боевая работа не прекращалась. Перед операцией особо активизировалась воздушная разведка. Крылатые следопыты не только изучали поле боя и тактическую глубину вражеской обороны, но и во избежание внезапных контрударов часто заглядывали в оперативную глубину.

Несомненно, полеты в таких условиях были сопряжены с большим риском. Но вышестоящее командование требовало все новых и новых сведений о противнике.

Так было и в тот день, о котором я поведу рассказ.

Когда утром у штабной землянки командира 800-го полка майора Павла Михайловича Шишкина, заменившего убитого на лечение подполковника Митрофанова, остановился "виллис" генерала 5-й гвардейской армии А. С. Жадова, никто не удивился. Понимали: срочно нужны пехоте разведданные. Противник копил силы для контрудара. Особую тревогу вызывала ситуация, сложившаяся южнее населенного пункта Канеж.

Учитывая плохие погодные условия, решено было послать на задание опытного летчика младшего лейтенанта Бегельдинова.

Когда он вошел, генерал недоверчиво осмотрел его невысокую, щуплую фигуру, потом махнул рукой.

- Давайте хоть такого, - и развернул карту. - Вот смотрите: в десяти километрах за линией фронта тянется довольно глубокий овраг. Рядом проходят две дороги, гравийные. По проселкам не проехать, а вот по этим дорогам гитлеровцы раскатывают. Взяли несколько "языков", но картины ясной нет. Задача понятна?

- Все ясно, товарищ генерал, хотя в тумане за два шага ничего не видно, - ответил Бегельдинов и ушел готовиться к полету.

Через несколько минут его "ил" вылетел.

"Да, это был полетик, - рассказывал мне Талгат, - Летел словно с завязанными глазами. У немцев, наверное, и в мыслях не было, что кто-то посмеет в такую погоду пожаловать к ним в "гости".

Бегельдинов решил пересечь линию фронта, углубиться во вражеский тыл километров на пятьдесят, а потом обратным курсом пройти в интересующий квадрат,

Через десять минут полета самолет вышел из облачности, начал снижаться. Внизу отчетливо обозначилась дорога, на ней - машины, повозки... А вот и квадрат, указанный генералом. У оврага пусто. Но опытного разведчика на мякине не проведешь! Включив фотокамеры над оврагом, он набрал высоту и ринулся вдоль его оси. Полетели бомбы, сорвались с направляющих эрэсы. Внизу вздрогнула земля, машину качнуло от мощных взрывов. Зашевелились немцы, бросились вверх по крутому склону балки. Хотел угостить их пулеметным огнем, но... поздно. Облачность поднялась метров на двести. Отчетливо обозначились движущиеся по дороге танки, мотопехота.

Руки Талгата легли на гашетки, и огненные струи потянулись к колонне. Пехота бросилась к обочинам, два танка запылали, вспыхнуло несколько машин. Вошел в облака, еще раз с включенными фотокамерами прочесал расплзшуюся колонну, набрал высоту и взял курс на Александрию.

Пробивать облачность начал заранее - до линии фронта оставалось километра три. Неожиданно взгляд зацепился за копны сена. Аккуратные, выстроенные, как по шнурочку. Подвела немцев педантичность! Спикировал на одну из копешек, ударил по ней из пушек - она и взорвалась. Атаковал вторую, из-под нее, очертя голову, бросились несколько человек, похоже, танкистов. Тут и остальные "копны" не выдержали, стали расплзаться. Сфотографировав эту картину, младший лейтенант повернул домой. При возвращении через линию фронта прошелся с огоньком по немецким траншеям.

Облачность опять стала густеть, прижимать к земле. Сел. Друзья чуть не вырвали Талгата из кабины, сзади бежал генерал в распахнутой шинели. Специалисты аэрофотослужбы забрали пленку, понесли проявлять. А Бегельдинов уже докладывал, давая генералу объяснения по каждой кажущейся мелочи.

По имеющимся у генерала Жадова предварительным данным, в балке у немцев находился склад с боеприпасами.

- Молодец, что накрыл его! - похвалил пилота генерал. - Колонну атаковал хорошо, а вот кто разрешил будоражить гитлеровцев в траншеях? Тут уж пахнет наказанием. Никакой дисциплины! - сурово сказал генерал, но веселые огоньки в его глазах свидетельствовали о другом. - Придется, товарищ Шишкин, наказать Бегельдинова. Как вы считаете? - обратился он к командиру полка.

Принесли плёнку. Алексей Семенович долго ее рассматривал,

затем осторожно свернул и положил в планшет.

- Поздравляю вас, лейтенант...

- Я младший, - поправил Талгат генерала.

- Не поправляйте старших, лейтенант. И к ордену Славы вас представим. Командир, передайте генералу Рязанову, что хлопцы у него - настоящие орлы. И уехал. Но слово свое генерал сдержал... Всем памятен случай, когда младший лейтенант Алексей Рогожин из 673-го полка обнаружил при разведке скопление эшелонов на станции Верховцево. Были там и товарные вагоны, и классные, и цистерны, и открытые платформы с какими-то мешками, ящиками, прочей кладью. Прорваться к объекту не удалось, не дали зенитки, а это первый признак, что там - важные грузы. Младший лейтенант поспешил домой. Его доклад пошел по инстанциям, и вскоре из штаба дивизии последовала команда - послать на доразведку в паре с Рогожиным кого-то из комэсков. Выбор пал на старшего лейтенанта Павла Алексеева.

По пути к самолетам Рогожин рассказал, как лучше подобраться к станции. Взлетели под прикрытием четырех "яков".

Вначале попробовали подойти к станции с ходу, но их сразу отогнали вражеские зенитчики ураганным огнем.

Увидев готовые к отправке эшелоны, "илы" отвернули в сторону и с тыла прорвались к объекту. Снаряды легли точно по цистернам, фотоаппараты зафиксировали момент их взрыва и вспыхнувший пожар. Горели вагоны, грузы.

При выходе из атаки в самолет Рогожина попало несколько зенитных снарядов, мотор затарахтел, тяга уменьшилась, из правых патрубков повалил дым. Машина начала терять высоту. Штурмовик каким-то чудом держался в воздухе, но упрямо шел вперед. Рогожин с ходу сел на аэродром и, как только машина прекратила бег, сразу же оказался в объятиях однополчан...

Как показали последующие вылеты, станция надолго вышла из строя. За проявленное мужество и воинскую доблесть Алексей Рогожин был награжден орденом Александра Невского, Павел Алексеев - орденом Красного Знамени.

Впоследствии оба летчика стали Героями Советского Союза.

В подобную ситуацию попал и однополчанин Рогожина старший лейтенант Г. Кришталенко. Возвращаясь с разведки, он также получил повреждение и с трудом дотянул на подбитом самолете до расположения своих войск, сел на "брюхо" у опушки леса. К месту посадки срочно выехала группа авиаспециалистов.

Они подняли самолет на колеса и приступили к ремонту. За ночь штурмовик был восстановлен, заправлен всем необходимым. Но вот вопрос: как взлететь? Площадка небольшая и вся изрытая.

Пришлось засыпать воронки, трамбовать землю.

- Буду взлетать, - сказал Кришталенко. - Полк готовится к напряженным боям, каждая машина на учете.

Посоветовавшись с товарищами - старшим техником звена В. Гнителием и механиком А. Денисовым, решил рискнуть - взлететь на форсаже. У колодок стали Гнителий и Денисов с ломачами. Когда летчик дал газ, "ил" затрепетал, как живой, мотор взял высокую ноту. Но вот Кришталенко включил форсаж, и его помощники ломачами одновременно выбили колодки из-под самолета. Тот рванулся с места и, пробежав десятки метров, оторвался от земли.

Это был случай, когда невозможное становится возможным. Возможным благодаря высокому мастерству таких асов, как коммунист Георгий Захарович Кришталенко, кавалер трех орденов Красного Знамени, двух орденов Красной Звезды и двух орденов Отечественной войны...

Под статью ему был и ведущий разведгруппы лейтенант Ю. Балабин. Как свидетельствуют документы, командующий 7-й гвардейской армией генерал М. С. Шумилов своим приказом за образцовое выполнение сложных заданий наградил его наручными золотыми часами, отметив также высокое мастерство при ведении воздушной разведки летчиков-штурмовиков С. Володина, Н. Пушкина, В. Лыкова, А. Фаткулина.

...Когда синеватый зимний рассвет озарили красные ракеты - сигнал о наступлении - и оглушительный гром артиллерийской и авиационной подготовки потряс обледевшую землю, противник был ошеломлен: он не смог определить направление главного удара и сконцентрировать свои силы. Два острых наступательных клина вонзились в оборону врага, и к концу вторых суток фронт прорыва расширился до семидесяти километров, углубился на тридцать, как бы клещами охватив Кировоград.

Условия для наступления наземных войск были довольно благоприятными. Сухая погода, слабый мороз, отсутствие снежных заносов - все это способствовало маневру и подвозу боеприпасов, горючего, продовольствия. Густая облачность и туманы, помогая пехоте, сдерживали действия авиации.

В марте наконец распогодилось. Небо очистилось, и целые полки нашей штурмовой и истребительной авиации принялись громить железнодорожные станции и аэродромы, оказывая поддержку наземным войскам. Напряжение было на пределе человеческих возможностей. Летчики и стрелки с утра до ночи не покидали кабины своих машин.

...Командованию 735-го полка было приказано нанести удар по станции Долинская, где, по предварительным данным

разведки, гитлеровцы сосредоточили эшелоны с военной техникой и цистерны с горючим. Ведущий - командир полка С. Володин сформировал группу из шестнадцати экипажей. Прикрывали штурмовиков восемь "яков" во главе с капитаном В. Шевчуком.

В тот день в группе летел и Владимир Ермолаев. Отчаянный парень! Пересел он на штурмовик с истребителя, и потому имел свой особый почерк. Увидев двух "фоккеров", Ермолаев доложил ведущим штурмовиков и истребителей. Те приняли сообщение. Все шло хорошо. Над целью самолеты зашли на боевой курс, выпустили эрэсы, сбросили бомбы.

На земле забушевал огонь...

Штурмовики продолжали атаковать объект. Натужно ревели моторы, длинные языки пламени плясали на стволах пушек и пулеметов. О "фоккерах" Ермолаев забыл в пылу боя. Вспомнил при выходе из пикирования, когда услышал какой-то треск и машина задрожала. Мельком увидел, как из-под крыла метнулся вражеский истребитель. Выходит, "яки" прозевали атаку гитлеровцев? Воздушный стрелок молчал. С трудом Ермолаев взял курс на свой аэродром. На душе стало светлее, когда увидел два своих истребителя. В кабине одного узнал Евгения Меншутина, с которым служил в запасном полку. Тот что-то кричал, жестикулировал, но Ермолаев его не понял.

Так и тянул на свой аэродром. С ходу зашел на посадку, подрулил к месту стоянки: Хотел открыть фонарь, но тот - ни с места. Механики суеются, помогают, ничего сделать не могут. Наконец ломом открыли кабину. Ермолаев выскочил из нее и бросился к стрелку сержанту В. Корчагину. Раненый морщился от боли, постанывал. Меховый комбинезон стрелка сзади весь был иссечен осколками. Подошла машина и увезла Корчагина в санчасть.

Когда Ермолаев обошел свой "ильюшин", то ахнул - в сквозную пробоину беспрепятственно залез мастер по вооружению. Выходит, и на этот раз судьба была благосклонной.

Сколько их, таких вылетов, было у Владимира Ивановича Ермолаева, Героя Советского Союза?! Думается, немало.

Успех сопутствовал и группе, которую повел капитан А. Девятьяров. Обнаружив железнодорожный состав под парами, следовавший, по всему, в сторону Николаева, штурмовики пустили под откос все его 70 вагонов.

Гитлеровцы, стараясь сдержать натиск советских войск, активизировали действия своей авиации. С кировоградского аэродрома поднимались в воздух сотни "юнкерсов", обычно в сопровождении "мессершмиттов".

Любой ценой нужно было парализовать эти точки, не дать возможности подниматься в воздух крестатой саранче.

Командир корпуса В. Г. Рязанов, находясь на армейском КП генерала И. М. Манагарова, приказал майору Д. Рымшину полком нанести удар по близлежащему активнодействующему аэродрому. Предварительно летчики изучили характер местности, подходы к объекту, по фотоснимкам - размещение самолетов, зенитных средств, ангаров.

На рассвете "илы" поднялись в воздух. К цели шли двумя группами на предельно малой высоте. Младший лейтенант В. Андрианов летел во второй группе. Несмотря на зенитный огонь, полк благополучно вышел на контрольный ориентир вблизи цели и, набрав высоту метров четыреста, выполнил команду "Все вдруг". Перед штурмовиками открылось широкое летное поле. Два "Фокке-Вульф-190" выруливали на взлетную полосу. По сигналу майора Д. Рымшина две пары обрушились на истребителей и зенитную батарею. Остальные с ходу сбросили бомбы на стоянки, взлетную полосу и аэродромные постройки. Раздались взрывы, поплыли черные клубы дыма. Выполнив еще два захода на цель, штурмовики легли на обратный курс. Внизу, на земле, горели 12 бомбардировщиков.

Понятно, что не обошлось без воздушного боя. Истребители прикрытия сбили еще три вражеских самолета.

...Еще в боях на Калининском фронте сержант Бегельдинов видел варварское изобретение фашистов - специальный плуг, который выводил из строя железнодорожное полотно: ломал пополам шпалы, а рельсы, упираясь в покатые "щеки" агрегата, изгибались и лопались. За какой-то час он мог вывести из строя двенадцать-пятнадцать километров пути. Именно такой "плуг" и орудовал между Малой Виской и Первомайском.

Вот что рассказал мне Т. Я. Бегельдинов. Его вызвал на КП командир полка майор П. Шишкин и приказал любой ценой уничтожить разрушительное устройство.

Приведу его рассказ дословно.

"Пролетая не раз над этими местами, я видел стальные нити рельсов. И вдруг - их нет. Не было и паровоза с "плугом". Получив приказ комполка, не раз пытался обнаружить злодеев, но тщетно. И тут нам на помощь пришла наземная разведка.

С воздушным стрелком сержантом Алексеем Грачевым мы находились на КП аэродрома в боевой готовности, когда поступили сведения о том, что "наш" паровоз орудует у Малой Виски. Лечу туда, вижу: варварская работа налицо, а самого путеразрушителя и след простыл.

И так день за днем. Начинаю нервничать - командование не

дает покоя, требует немедленного уничтожения вредителей. Ведь за эти дни они причинили столько вреда, что потом потребуются недели для восстановления путей, а кроме того, понадобятся материалы, затраты труда сотен солдат и офицеров инженерных войск. Мало того, разрушения повлекут задержку в доставке грузов наступающим войскам.

Помню, о путеразрушителе не было никаких сведений, я вновь вылетел на разведку. Собрал данные о позициях немцев, сфотографировал расположение артиллерийских батарей, врытые в землю танки. Лечу на свой аэродром.

Неожиданно замечаю внизу странную тень. Именно тень. В лучах заходящего солнца движется что-то непонятно большое, уродливое. Резко снижаюсь и тут только понимаю, почему бесплодной была моя "охота". Сверху на паровозе смонтирована площадка-макет, на ней - снег, комья земли, кусты.

Я даже вскрикнул от радости. Ну, теперь ты от меня не уйдешь! Захожу сбоку, беру макет в прицел, атакую. Машинист резко дает ход - и снаряды идут мимо цели. Атакую вновь. Видно, снаряд попал в котел, потому что облако пара вдруг поднялось метров на двадцать..."

Подобная встреча с паровозом-"плугом", режущим шпалы, произошла и в районе Подвысокое, где разведку вели летчики лейтенант Е. Алехнович и младший лейтенант И. Драченко. Тот самый, который попал под Мерефой в зону сильного зенитного огня и был подбит.

В бессознательном состоянии он оказался в плену, вскоре с группой товарищей бежал из полтавского лагеря. После излечения в Москве возвратился в полк с глазным протезом, но добился разрешения летать.

Так вот, на полотне дороги штурмовики заметили паровоз с двумя платформами, на которых стояли зенитные пушки. Присмотревшись, поняли, что это путеразрушитель. Атака "ильюшиных" - и огненные струи эрэсов уперлись в локомотив, пушечные снаряды накрыли зенитчиков на платформе. Паровоз-вредитель попятился назад и сошел с рельсов, так как полотно с хвоста было разрушено...

На войне счастье побед редко бывает безоблачным. На этот раз беда подстерегла комэска старшего лейтенанта А. Карпова. Он вел свою группу штурмовиков в район села Совшевка, здесь немцы сконцентрировали большое количество техники. Сюда же, по сведению разведки, прибыло и несколько частей моторизованной пехоты.

Группа Карпова была сравнительно небольшая. Стояла прескверная погода: над землей плыли плотные космы тумана,

при этом все внизу кажется расплывчатым, смазанным.

При подходе к намеченному квадрату штурмовики натолкнулись на массивный зенитный огонь Небо буквально рвали зеленые и желтые трассы тяжелых установок и "эрликонов". Несмотря на это, группа подожгла несколько танков, разогнала по укрытиям пехоту противника. Но гитлеровские зенитчики не унимались: то справа, то слева вспыхивали шапки разрывов сотни снарядов буравили небо. Один из них таки попал в машину ведущего. "Ил", по сути дела, стал неуправляемым. Он шел какими-то зигзагами, терял высоту. С каждым метром падения все отчетливей приближалась земля: черно-серая, покрытая опинами воронок, очагами пожаров.

Когда самолет ударился фюзеляжем об землю, первым пришел в сознание воздушный стрелок сержант Б. Бурлак. Он с трудом освободился от лямок парашюта, вылез из кабины. Выбрался на плоскость и Карпов, но сразу с нее упал. Стрелок бросился к командиру, приподнял его голову; из рваной раны на шее хлестала кровь. Помочь раненому Карпову так и не смог - на него навалились немцы, куда-то поволокли.

Позже узнал, что подбитая машина упала вблизи станции Куцевка, недалеко от Кировограда, где еще хозяйничали оккупанты. По-видимому, Карпов погиб после пыток в полевой жандармерии...

В одном из сараев Бурлака раздели. Потом конвоиры увезли его в полевую жандармерию. Здесь Бурлак встретил раненого лейтенанта В. Бушуева из своего полка. Еле узнал: из ран сочилась кровь, лицо и руки в волдырях от ожогов, видно, выбросился из горящей машины.

В жандармерии их продержали недолго. На следующий день отправили в уманский лагерь.

Впоследствии сержант Бурлак рассказывал, как гитлеровцы и их прихвостни старались растоптать в узниках все человеческое, переманивали на свою сторону всяческими посулами. Но те, кто находился за решетками и колючей проволокой, боролись до конца, использовали любую возможность, чтобы вырваться на волю.

Бурлаку удалось достать немецкую шинель, и однажды ночью он бежал. После нескольких дней скитаний попал к партизанам.

Воевал, но сердце все-таки рвалось в небо. С разрешения партизанского командования вернулся в освобожденную от фашистов Умань. Здесь встретил бежавшего из плена лейтенанта Бушуева. В Умани "наземники" связались с авиаторами, и через несколько дней на Ли-2 Бурлак и Бушуев прибыли в родной полк. Здесь они узнали, что однополчане посчитали их погибшими и из

штаба родным были отправлены похоронки.

Но судьба распорядилась иначе. И снова они в боевой семье. Сержант Владимир Бурлак был назначен в свою прежнюю 3-ю эскадрилью, которой командовал Георгий Васильевич Клёцкин. С ним Бурлак совершил более 140 боевых вылетов и воевал до самой победы. Но возвратимся к кировоградским событиям. В ходе наступления советских войск гитлеровцы оставили Плавни, Червоный Яр, Аджамку. К исходу третьего дня борьбы фронт прорыва расширился до ста километров. На оперативных картах острые клинья нашего наступления, будто выброшенные вперед, охватили Кировоград с северо - и юго-запада.

Ощутимый урон противнику нанесли штурмовики корпуса у разъезда Лелековка, где замыкалось кольцо окружения и разместились складские помещения. Все запасы на складах, а также эшелон с военной техникой танками и артиллерией - были уничтожены.

Здесь же эскадрильи штурмовиков под командованием капитана Г. Красоты и старшего лейтенанта Г. Александрова буквально разметали танковую и автомобильную колонны противника.

Прибывший после занятия нашими войсками этого района начальник штаба 5-й гвардейской армии генерал-майор Н. И. Лямин в очередном донесении командующему фронтом сообщил: штурмовики сожгли 52 танка, 400 автомашин, 5 самоходных пушек {17} .

Гитлеровцы уже бежали из Кировограда, Но и напоследок они творили гнусные злодеяния. Возвращаясь с заданий, летчики радиовали командованию, что видят колонны машин. "На площадях города согнаны огромные толпы населения, людей погружают в машины и увозят на запад". Авиаторы срочно обратились к танкистам и пехотинцам, чтобы те воспрепятствовали этому черному делу. Лишь разрозненными группами гитлеровцев удалось выскользнуть из кольца окружения...

Собираясь вместе, ветераны вспоминают о том, сколько различных встреч случалось на их фронтовых дорогах. Приведу один из таких рассказов. Как-то, когда летчики 800-го полка Ю. Гусев и Г. Фроленко вылетели на штурмовку вражеской колонны, к штурману полка капитану М. Степанову дежурный подвел пожилого пехотинца с автоматом и нехитрым походным скарбом за плечами.

- Кого ищешь, батя? - спросил солдата капитан.

- Сынок Юрий у меня в авиации служит. Может, слышали фамилию - Гусев?

- Да, есть, есть такой летчик! Геройский парень, три ордена получил. Только сейчас он на задании, расчищает дорогу пехоте.

Пожилой боец от этих слов будто окаменел, не мог сдвинуться с места. Потом сокрушенно махнул рукой, прошептал сдавленно:

- Какая досада! Сын рядом, а увидеть его не смогу. Времени нет, своих надо догонять...

Степанов знал, каким счастьем было встретить родного человека на неоглядных дорогах войны.

Он не мог задержать отца Гусева, но когда Юрий посадил самолет, поспешил к летчику, рассказал все и дал машину.

- Догоняй отца. Да надень боевые ордена. Пусть порадуется.

Помчалась полуторка по проселочной дороге. В соседней деревне отец и сын встретились...

Счастье встречи с близким человеком - матерью - выпало и младшему лейтенанту М. Белану. С начала войны он не имел весточки - цел ли их дом в Кировограде, жива ли мать...

К вечеру жизнь на аэродроме стала понемногу затихать, экипажи возвратились с боевых вылетов. Михаил подошел к командиру эскадрильи с просьбой разрешить ему навестить родных. Тот разрешил отлучиться до семи утра и наказал, чтобы был летчик внимательным и осторожным. Город освобожден недавно, весь в развалинах - все может быть...

Кировоград показался Белану вымершим: темень, руины, на улицах ни души. Дорога была неблизкой. Около полуночи, наконец, добрался. Вот его дом! Целый! Кто же там теперь? Вошел. За столом сидела его мать - седая, постаревшая вдруг женщина. Она повернулась к нему, и у нее затряслись руки. Попыталась встать, но не смогла. Истомилось, изболелось материнское сердце в неизвестности, но верило, что жив, кровинушка.

Миша бросился к матери: "Родная моя! Ты жива!" А мать зашептала, обнимая его: "Сынок, сынок..."

Недолгой была их радость. К утру Михаил вернулся на аэродром, а через два месяца летчик Белан пал смертью храбрых, выполняя боевое задание...

Нечеловеческое напряжение в период наступления сменил кратковременный отдых. Авиаторы обживали свои аэродромы, получали новую матчасть и ремонтировали старую, пополняли боезапасы, горючее, продовольствие. Здесь и застала их радостная весть, которая сразу же облетела весь личный состав 1-й штурмовой корпус был отмечен в приказе Верховного Главнокомандующего и с 8 января 1944 года получил почетное наименование "Кировоградский".

По традиции в полках корпуса прошли митинги, чествование тех, кто внес наибольший вклад в освобождение еще одного украинского города от немецко-фашистских захватчиков.

Форсировав Днепр и сокрушив пресловутый Восточный вал, войска 1-го и 2-го Украинских фронтов к середине января продвинулись далеко на запад, но между флангами, в районе Канева, все еще оставалась крупная вражеская группировка.

Гитлеровское командование решило любой ценой удержать корсунь-шевченковский выступ и не дать возможности двум фронтам сомкнуть свои смежные фланги, воспрепятствовать продвижению советских войск к Южному Бугу. Поэтому Ставкой Верховного Главнокомандования было принято решение: окружить и уничтожить группировку врага в звенигородско-мироновском выступе путем смыкания левофланговых частей двух фронтов в районе Шполы, чем создать возможность для развития наступления и выхода советских войск на Южный Буг.

Зима 1943/44 года выдалась снежной, но теплой. Вьюги то и дело сменялись дождями. Грунтовые дороги то размокали, то покрывались льдом. Аэродромы часто выходили из строя, и только со старых довоенных летных полей, имевших бетонное покрытие, можно было подняться в воздух.

К концу января погода стала улучшаться. Боевая работа началась с воздушной разведки.

Попытка противника перегруппировать части для контрудара не прошла незамеченной: разведчики корпуса капитан Д. Нестеренко и старший лейтенант Б. Лопатин уже в первые вылеты засекли сосредоточение крупных сил танков и пехоты у Новомиргорода, Лебедина, Толмача и Вязовки. Контрудары гитлеровцев - а это было не трудно определить - нацеливались под основание левого и правого флангов, наступавших на Шполу войск 2-го Украинского фронта. Требовалось принять срочные меры, чтобы остановить противника, сорвать его коварные замыслы.

Тогда для нанесения удара по врагу поднялись в воздух экипажи штурмовиков капитана Д. Нестеренко и старшего лейтенанта Б. Лопатина. После двадцатиминутной штурмовки их сменили над полем бон группы старших лейтенантов Г. Александрова и М. Одинцова, тех, в свою очередь, - летчики ведущих групп младшего лейтенанта И. Джинчарадзе и лейтенанта Т. Бегельдинова. Так продолжалось в течение всего дня...

Войска фронтов, в частности их танковые силы, почти одновременно вышли к Звенигородке - и сомкнулось бронированное кольцо. Так было положено начало окружению

корсунь-шевченковской группировки противника. Спустя много лет я обратился к военным архивам. Перебирал пожелтевшие листки документов, и передо мной вставали такие зримые картины.

Группа разведчиков держит курс на Шполу. Впереди на головной машине капитан Г. Красота со своим воздушным стрелком сержантом И. Иконниковым.

Я будто видел однообразие серой, изжеванной траками земли, пепелища мертвых сел, тусклый блеск воды в морщинах балок, утомляющий зрение. Но нужно быть начеку!

Гитлеровцы подтягивали резервы, создавали танковые клинья. А вот и то, что нужно, - танковая колонна ползет к Шполе. Стремительная атака, сброс "фугасок", ПТАБов, пушечные очереди - и "викинги" попадают в кольцо огня. В свой следующий вылет капитан Красота вместе с лейтенантом Михайличенко обнаружили новую колонну - 70 вражеских танков, выдвигавшихся на Шполу с юга. Мастерский удар приходится по голове бронированной армады - и ее движение стопорится...

Погода то и дело капризничает: то сеет мелкий дождь, и тогда все вязнет в жирном черноземе, то проносятся снежные заряды. Тут уж командиру приходится поломать голову, кого же послать на задание. Красоту? Он уже с ног валится... Можно Минина, Ярлыкова, Блинова, Гулькина, Петрова...

На построении майор Рымшин, объяснив обстановку, вызвал добровольцев. Все экипажи сделали два шага вперед.

Командир полка подумал и объявил:

- Ведущим пойдет лейтенант Иван Михайличенко. Ведомого он выберет сам...

В напарники Иван выбрал молодого, но надежного летчика - Отара Чечелашвили, с которым не раз летал на "свободную охоту". Понимали они друг друга с полуслова.

А партизанский разведчик время от времени радировал в штаб фронта: "На станции Смела скопление эшелонов с боевой техникой... Нужны штурмовики... Срочно нужны..."

Подготовка к вылету началась с прокладки маршрута. Если раньше на Смелу ходили через Черкассы, то теперь Михайличенко предложил лететь в обход, при этом большая часть трассы пройдет над лесом.

- Здесь нет зениток, - согласился Чечелашвили, - и можно будет подойти к цели скрытно.

Взлетели около полудня. До линии боевого соприкосновения шли на бреющем: плотные облака мешали подняться выше. К счастью, дождь со снегом прекратился, видимость значительно улучшилась.

На подходе к городу и станции, километра за три, заметили паровозные дымы. Сбросили бомбы, сделали несколько залпов эрэсами. Клубы белого дыма, змейки огня, бегущие по крышам вагонов, свидетельствовали о точном попадании.

"Илы" вошли в облака. Поразительно, но гитлеровские зенитчики почему-то молчали. Они, очевидно, не могли предположить, что в такую погоду кто-то решится их потревожить.

Второй вылет командир назначил после обеда. Маршрут решили не менять. И за это жестоко поплатились. Именно в лесу с земли потянулись трассы "эрликонов", и ведущий увидел вокруг своей машины зловещие шапки разрывов. И тут же почувствовал удар спереди и снизу. Взглянул на приборы - резко упало давление масла в моторе. Он стал глохнуть, а при подходе к Днепру и совсем остановился.

Перед Михайличенко прямо по курсу лежала вытянутая поляна. Это была старая вырубка, сплошь покрытая пнями. Выбора в такой ситуации не было нужно садиться.

Раздался треск, штурмовик несколько раз подбросило, привязные ремни у летчика лопнули...

Сколько длилось забытье, Иван не помнил. Когда пришел в себя, как сквозь кисею увидел ползущих по полю людей в маскхалатах.

Потянулся к пистолету, но тут же услышал: "Мы свои, братки! Быстрее вылазьте из кабин, а то немец сейчас ударит из минометов. Он эту поляну хорошо пристрелял".

Едва летчик и воздушный стрелок выпрыгнули из самолета, как рядом шлепнулась первая мина, потом посыпались одна за другой. "Ильюшин" вспыхнул...

Нелегкое испытание выпало в эти дни и экипажу лейтенанта И. Кузнецова. Туманным январским вечером его звено возвращалось из разведывательного полета. Густая, непроницаемая облачность не давала самолетам возможности подняться на достойную высоту, и они шли на бреющем. Кузнецов почувствовал толчок, "ил" сильно потрянуло, и мотор изменил свой "тембр".

- Прыгай! Иду на вынужденную! - крикнул он воздушному стрелку сержанту В. Мужинскому, но тот дал понять, что командира не бросит.

Штурмовик резко пошел на снижение. Внизу промелькнуло какое-то село. Приближался перелесок. Через мгновение машина, снеся снежный сугроб, замерла, окутанная белой тучей. Летчик и стрелок выскочили из кабин, хотели кинуться к лесочку, но, словно из-под земли, перед ними выросли немецкие автоматчики.

- Рус, плен! - заплясали гитлеровцы, как дикари, вокруг связанных по рукам и ногам летчиков. Содрав с пленных одежду, обувь, они погнали их в деревушку и заперли в сарай.

Какое-то время часовой ходил взад-вперед, вдоль сарая, подпрыгивая от холода. Затем исчез в хате, из которой доносились звуки губной гармошки и пьяные голоса оккупантов.

Позже Кузнецов рассказал боевым побратимам, как он забрался на чердак, ползая в темноте, нашарил какое-то тряпье, куски старой брезентовой попоны, обрывки бечевки... Находка помогла им "одеться", обернуть ноги брезентом. Выждав, когда солдаты утомятся, пленники железным шкворнем приподняли перекладину, запиравшую сарай, и выскользнули наружу.

Сутки пробирались лейтенант Кузнецов и сержант Мужинский к своим. Обмороженные, голодные, выбившиеся из сил прибыли они в часть.

Через несколько дней командир полка майор Володин слетал на розыски пропавшей машины. Нашел. Отступая, фашисты облили поврежденный самолет бензином и подожгли. Нашел Володин и подворье, сарай, где томились пленные. Хозяйка, пожилая колхозница, рассказала следующее. Услыхав от немцев, что в сарае заперты два советских летчика, она выставила на стол все свои запасы, выпросила у соседей самогонки и до бесчувствия напоила немецких вояк. Утром, обнаружив, что сарай пуст, а пленных и след простыл, гитлеровцы избили часового, который, благодаря сообразительности хозяйки, тоже оказался мертвецки пьян...

Выбывшего из строя лейтенанта И. Михайличенко заменил капитан Г. Красота. Его эскадрилья и девятка "ильюшиных" майора Г. Чернецова часа два держали гитлеровцев под штурмовым огнем у балки со странным названием Злодейка. Когда после боя этот район посетил с несколькими штабными работниками генерал П. А. Ротмистров, они насчитали пятьдесят сгоревших бронемашин, большинство из которых были "фердинанды". Потери в живой силе составили убитыми свыше четырехсот гитлеровских солдат и офицеров.

4 февраля обострилась обстановка в районе Крымки, на участке войск 53-й армии. В архивах в Подольске я разыскал тревожную радиogramму, адресованную генералу В. Г. Рязанову начальником штаба этой армии:

"Бейте танки и бронетранспортеры в районе Соболенка, Толмач - это войска противника. Артиллерию не трогать - она наша" {18} .

Командир корпуса срочно прибыл в район Крымки, где гитлеровский генерал Брайт пытался прорваться к своим

окруженным частям. В течение ночи там был оборудован командный пункт авиаторов с необходимыми средствами управления. Взлетевшие с Кировоградского узла штурмовики и истребители во взаимодействии с артиллерией двое суток подряд утюжили танковые части Брайта.

Прочитирую вторую радиogramму из штаба 53-й армии:

"Радостно бьется сердце, наблюдая отличную работу нашей авиации. Меткими массированными ударами штурмовиков вместе с артиллерией наступление противника остановлено" {19}

Только за день штурмовики генерала Рязанова уничтожили 33 вражеских танка, сожгли более 100 автомашин с грузами, подавили огонь 5 артиллерийских батарей, огнем из пушек и пулеметов истребили до 300 вражеских солдат и офицеров.

...Февраль, как и его предшественник январь, не скупился ни на снегопады и метели, ни на мглистые туманы и холодные дожди.

Несмотря на капризы природы, авиаторы все время были в работе: где не могли вылететь большие группы самолетов, там поднимались пары, четверки, вели разведку, ходили на "свободную охоту".

Когда по данным разведки стало известно, что в юго-западном направлении на Новомиргород идет танковая колонна с пехотой на автомашинах, в воздух с аэродрома Николаевка поднялись шесть "илов" 667-го авиаполка.

Погода стояла довольно сложная: десятибалльная облачность, ограниченная видимость по горизонту. Под крылом в серой мгле с трудом просматривалась покалеченная, опустошенная, разграбленная земля. Кое-где полыхало зарево горящих деревень. А между ними маячили у брошенных окопов и траншей, на буграх и в канавах разбитые немецкие танки и пушки, автомашины и повозки, штабеля снарядов...

Не успела штурмовая группа отойти от аэродрома километров на десять, как ведущий заметил на поле шесть "тигров". Они вели пушечный огонь по пехотинцам и упрямо ползли в направлении Николаевки, где размещался штаб дивизии генерала Ф. А. Агальцова и авиаполк истребителей.

Точечные цели при плохой видимости, да еще в движении, бить весьма трудно, но подчиненные штурмана капитана А. Компанийца умели разить противника по-снайперски.

Первая же атака принесла удачу; задымил один танк, остановился с перебитой гусеницей второй, заплесал огонь на броне еще двух "тигров". Два уцелевших танка развернулись назад, начали петлять по полю. Штурмовики их обстреляли из пушек...

Как и на Курской дуге, здесь, под Корсунем-Шевченковским, крепили крылья молодых пилотов.

Ушли на первое задание летчики 800-го полка М. Махотин, М. Смирнов, А. Карпенко, М. Коптев... Все они были молодыми и малоопытными, но какой отвагой горели их сердца!

Шестерку "илов" ведет штурман эскадрильи П. Горбачев. Справа, в звене лейтенанта А. Веселова, - самолет лейтенанта М. Коптева. Объект штурмовки станция Долинская, затем курс на Шевченково - крупный железнодорожный узел, который гитлеровцы держали под особым контролем.

Зенитки ударили внезапно, кучно. Небо покрылось грязными кляксами снарядных разрывов. От прямого попадания машина командира звена А. Веселова буквально развалилась в воздухе. Один из разрывов повредил хвостовую часть штурмовика Коптева. Самолет, как норовистый конь, начал задирать нос, но Михаил сумел справиться с управлением и сделал еще два захода. Станция выглядела так, словно на нее вылили огненную лаву.

При отходе от цели Михаил отстал от группы, и зенитчики весь огонь перенесли на поврежденную машину. С третьего захода, с трудом, но штурмовик все же сел, и Коптев зарулил его на стоянку.

К израненному самолету поспешил штурман полка капитан М. Степанов. Осмотрев побитые, деформированные рули глубины и поворотов, сокрушенно покачал головой:

- Кто же тебя, Миша, заставлял на такой машине идти в повторные атаки?

- Командир звена.

- Но он же...

- Да, Веселов погиб, - ответил тогда Коптев, - но мы, живые, теперь должны воевать и за него...

В следующем вылете лейтенанту М. Коптеву и его ведомому младшему лейтенанту Г. Журавлеву пришлось познакомиться с истребителями противника. "Мессершмитт" подкрался сзади и умело зашел снизу в хвост ведущему.

Воздушный стрелок сержант Н. Слепов растерялся: вражеский самолет оказался в мертвой зоне. И тогда командир группы отдал приказ бить через стабилизатор.

Фашист отвалил, оставив за собой дымный след...

Начало февраля 1944 года запомнилось воздушным бойцам корпуса не только тяжелыми, кровопролитными боями. Радость и ликование всего личного состава вызвал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении большой группе летчиков-штурмовиков и истребителей звания Героя Советского Союза.

Высокой награды Родины удостоились авиаторы Г. П. Александров, М. П. Одинцов, Г. Т. Красота, Д. А. Нестеренко, Я. К. Минин, И. Т. Гулькин, И. К. Джинчарадзе, Н. В. Буряк, С. А. Карнач, Н. К. Шутт, П. А. Матиенко, Л. С. Бутко.

В течение первой недели противник настойчиво вел танковые атаки с внешнего фронта, но на его пути неизменно вставал барьер мощного артиллерийского и танкового огня, штурмовая и истребительная авиация долбила гитлеровцев с воздуха.

И все же немецко-фашистское командование не оставляло попыток по выручке окруженной группировки.

Приведу телеграмму Гитлера генералу Штеммерману в эти дни:

"Можете положиться на меня, как на каменную стену. Вы будете освобождены из котла, а пока держитесь до последнего патрона". {20}

По приказу ставки вермахта снабжение окруженных войск боеприпасами, продовольствием, горючим, медикаментами осуществлялось через "воздушный мост". Однако и советская авиация и зенитчики почти полностью сорвали этот план.

Так, группа из восьми штурмовиков, ведомая капитаном Г. Красотой, с двух заходов сожгла на посадочной площадке у Городища 7 транспортных самолетов и до 60 автомашин с грузами. Экипажи, возглавляемые старшим лейтенантом В. Веревкиным, на посадочной площадке у отметки 174,5 подстерегли разгружавшиеся пять Ю-52 и на месте их уничтожили. Эскадрилья "ильюшиных" под командованием капитана Б. Лопатина на взлетной полосе у Корсуня-Шевченковского с первой же атаки вывела из строя четыре транспортника. Вражеские машины были превращены в металлолом, но за этими цифрами следовало видеть и то, сколько тонн грузов, а главное, боеприпасов, не получили окруженцы.

В эти дни увидеть, найти генерала В. Г. Рязанова было весьма трудно. И не потому, что плохо работала связь. Василий Георгиевич находился то в танковой дивизии, то срочно переезжал к пехотинцам, управляя боевыми действиями штурмовиков. Здесь, на передовых позициях, и застала его радостная весть: 1-й штурмовой авиакорпус 5 февраля 1944 года был преобразован в гвардейский.

Генерал С. К. Горюнов сердечно поздравил командира корпуса с этим событием, высказал теплые пожелания Василию Георгиевичу Рязанову и всему личному составу. К этим пожеланиям присоединились и командующие других родов войск. Приведу текст одного из таких приветствий.

"Товарищам Горюнову С. К. и Рязанову В. Г.

От всей души поздравляю Вас и Ваших славных соколов с преобразованием штурмового корпуса в гвардейский. В наступательных боях 1943-1944 гг. под Белгородом, Харьковом, Пятихатками, Кировоградом сложилось боевое взаимодействие и фронтовая дружба гордых соколов нашей Родины и танкистов. Благодарю за большую помощь, оказанную Вашими частями танкистам в выполнении боевых приказов. Желаю боевых успехов во славу советской гвардии!

П.А Ротмистров" {21} .

Генерал В. Г. Рязанов лично побывал во всех полках корпуса, участвовал в митингах, после которых собственноручно прикрепил многим летчикам, стрелкам, авиамеханикам к выгоревшим, просоленным гимнастеркам боевые награды, получивших партийные билеты поздравил с вступлением в партию. Обычно замполит полковник И. С. Беляков вручал партбилеты летчикам и воздушным стрелкам прямо на летном поле, как только экипажи возвращались с задания и докладывали о его выполнении. Это стало традицией.

Продолжавшиеся бои носили ожесточенный характер, противник отбивался яростно и упорно, но ему не удавалось разжать роковое кольцо. Выхода из западни не было. Блокированная группировка была обречена.

Советское командование, стремясь избежать ненужного кровопролития, сделало гуманный шаг и предъявило окруженным ультиматум, но фашистское командование его отклонило.

Не радовала и погода: все вокруг буквально тонуло в ледяной грязи, над полями носились массы мокрого снега вперемешку с дождем. Взлетать с грунтовых аэродромов приходилось, как тогда говорили авиаторы, "с плеч" технического состава. Авиаспециалисты брались за плоскости, приподнимали и раскачивали самолет, а пилот давал полный газ и начинал разбег.

Поистине титаническую работу выполняли техники, механики, мотористы, оружейники Е. Агалаков, И. Ефимов, В. Самсонов, А. Трусов, Н. Цигикало, Г. Цыбуля, В. Климов, А. Ксенофонтов, И. Лузгин, Н. Кульшан, Н. Качур, Д. Беседин, В. Миронов, А. Горбатов...

Часто, приближаясь к, внешнему обводу окруженных войск противника, летчики видели группы идущих людей. Цепочки их тянулись через залитые водой тропинки, напрямик через пашню, холмы. У каждого за плечами котомки (в них были патроны). И так - километр за километром, до самых огневых позиций!

Цельми селами выходили местные жители вытаскивать увязшие в липкую грязь по самые оси машины, засыпали битыми

каменьями, золой, песком глубокие колдобины, устилали хворостом и ветками колеи дорог. Особенно потрудились для армии жители сел Крымки, Искреннее, Водяное, Скрипчинцы, Комаровка, по землям которых и проходил передний край, kloкочущий огнем и свинцом.

Генерал Штеммерман, спешно создав ударную группировку, с отчаянием обреченного, не считаясь с потерями, бросился в бой, пытаясь прорваться в направлении Шендеровка, Комаровка. Двенадцать километров разделяли окруженных гитлеровцев и войска генералов Хубе и Крейзенга, наступающих на внешнем фронте.

Срочные меры, предпринятые нашим командованием, сорвали замысел противника. Его по-прежнему дробили в котле, отбивали и многочисленные атаки на внешнем фронте.

По решению командарма С. К. Горюнова на борьбу с вражескими танками и пехотой были брошены восемьдесят групп штурмовиков корпуса. Совместно с танкистами генерала П. А. Ротмистрова и артиллеристами генерала Н. С. Фомина за три дня боевых действий немцы потеряли в этом районе 113 "тигров", из которых 52 были сожжены летчиками-штурмовиками. Кроме того, они уничтожили 900 автомашин с грузами и живой силой. {22}

Загнанные в ограниченный район Шендеровки находившиеся в котле вражеские войска все еще не сдавались и, по данным воздушной разведки, готовились сделать последний рывок из кольца.

Генерал Штеммерман выстроил войска в три огромные колонны, чтобы пробиться к Лысянке. Ими предусматривалось смять наши заслоны, пробить в кольце брешь.

Разыгравшаяся пурга, казалось, способствовала успеху. Но он не был достигнут!

"Поход отчаяния", как называли пленные гитлеровцы это шествие, окончился полнейшим крахом. Шквальный огонь с фронта и флангов буквально косил гитлеровцев, как траву, несмотря на отчаянное их сопротивление. Около часа гремела артиллерия, в воздухе носились штурмовики. В условиях разбушевавшейся непогоды их появление казалось совершенно невозможным. И тем не менее они наносили удар за ударом...

Корсуиь-Шевченковская операция закончилась полным разгромом и пленением врага.

Когда по трассе Киев - Корсунь-Шевченковский вы подъезжаете к городу, вряд ли не заметите обелиск, на котором начертано золотыми буквами: "Корсунь-Шевченковская битва, 1944. 5-й воздушной армии 2-го Украинского фронта". Это - достойная память героям, павшим и живым.

Герои... Мы часто говорим об их мужестве, храбрости, отваге. А ведь они - обыкновенные люди, и ничто человеческое им не чуждо. Как и все, доблестно сражаясь, они радовались победам, оплакивали погибших, Думали о доме, тревожились о своих семьях...

Работая бок о бок с генералом Рязановым, я видел, что он все время проводит на передовой, личные вопросы, казалось, были отброшены им на самый задний план. Но так только казалось.

Мало кому известно, что Василий Георгиевич каждую свободную минуту отдавал своему сыну Георгию - Горику, как ласково называл он его, - писал ему письма, в которых заключен большой педагогический смысл.

Вот только одно из них.

"24 февраля услышал по радио, а вчера прочитал в газетах о присвоении мне звания Героя Советского Союза. Получилось на коротком отрезке времени столько радостно-неожиданного, что все это трудно сразу освоить - и гвардейское звание, и звание Героя.

Придется еще больше напрячь свои силы и умение, чтобы оправдать ту честь и славу, которую мне оказали..."

Одна за другой следовали операции, оригинальные по замыслу и грандиозные по мастерству исполнения. Память ветеранов и поныне хранит невиданное в истории войн наступление, начатое весной, пришедшей на Правобережную Украину гораздо раньше, чем обычно.

...Небо было затянуто темными, словно отлитыми из свинца облаками. Шли частые и нудные дожди, гуляли порывистые ветры, метавшие колючую поземку. По утрам стояли густые туманы. Потом вдруг резко теплело, окутывалась паром земля - и снова морось, дымка, туман...

Полагаясь на неблагоприятную погоду, гитлеровское командование вряд ли предполагало, что советские войска стремительно пойдут вперед.

Чтобы не позволить противнику отсиживаться в опорных пунктах, совершенствовать оборону, накапливать резервы, надо было лишить его надежды на спасительную передышку и начать внезапное наступление. Из этих соображений командующий фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев отдал приказ о начале Уманско-Ботошанской операции не утром 6 марта, как было запланировано, а на сутки раньше.

Первой свое веское слово сказала артиллерия. За огненным валом ринулись стрелковые части и танки непосредственной поддержки пехоты. За три дня операции глубина продвижения наступавших войск составила более пятидесяти километров.

Из-за густого тумана групповые вылеты авиации исключались, но разведчики были в постоянной готовности. И как только погода улучшилась, первым ушел в район Умани майор Т. Чернецов, вслед за ним генерал Рязанов выпустил еще пятнадцать "илов" и несколько истребителей.

Обнаруженные разведчиками танки, продвигающиеся, из района Умани к железнодорожной станции Поташ, были атакованы штурмовиками, которые тесно взаимодействовали с наземными частями.

Тогда же, в районе этой станции, гитлеровцы потеряли значительное количество своих бронеединиц. Десятки "тигров", "фердинандов", "пантер" оказались вполне исправными, но без топлива. По сведениям местных жителей, их экипажи удрали со станции... на лошадах.

Вскоре у противника был отбит большой грунтовой аэродром на подступах к Умани. Здесь также оказались самолеты без горючего. На этот аэродром и перебазировались полки штурмового корпуса.

Тесноватым оказался аэродром, но с него было сподручно поддерживать наступающие войска при форсировании Южного Буга.

Правда, условия для работы на нем были сложные. У стоянок самолетов непролазная хлябь. Утром летчики выходили на поле, каблуками сапог определяли плотность раскисшего чернозема, злым, недобрым словом костили погоду, а заодно и Гитлера.

С большим трудом экипажам удавалось преодолевать "земное" притяжение.

Оторвавшись от вязкого грунта, взлетели две группы штурмовиков старшего лейтенанта М. Одинцова и младшего лейтенанта И. Гулькина. Они огнем из пушек и авиабомбами уничтожили до семидесяти машин с грузами и солдатами противника, которые двигались по дороге от Винницы на Немиров.

Мастерский удар по аэродрому вблизи Первомайска нанесла и группа лейтенанта Н. Столярова. Немецкие самолеты - "юнкерсы" и "хейнкели" - тоже сидели по уши в грязи. Налет был настолько внезапный, что гитлеровские асы ничего не смогли предпринять для спасения своей техники. Ведомый командира И. Антипин буквально срезал "илом" гитлеровского техника, который взобрался на раскапченный мотор...

В эти мартовские дни во всех авиаполках корпуса прошли митинги, посвященные знаменательному событию - выходу войск 2-го Украинского фронта к государственной границе севернее Ясс. Несомненно, что в достижении этого успеха немалая роль принадлежала и гвардейцам генерала Рязанова. Тогда не было популярнее призыва, чем разносившийся из конца в конец обширного Фронта клич: "Вперед, к границе!"

На митингах крылатые гвардейцы чествовали славных героев боев за Украину, с горечью вспоминали героически павших товарищей. Перечислю их имена: П. Гогурин, В. Борисенко, В. Ветров, Н. Чура, И. Махрин, Ю. Гусев, В. Гришин, К. Юсупов, П. Горбачев, А. Веселов, Н. Долженко, В. Михайленко, Н. Левченко, М. Полещук, А. Павленко, М. Айзенберг, В. Гладунин, Г.

Грищечкин, И. Овсянников, И. Захарченко.

Командный состав корпуса между тем прокладывал новые маршруты на своих картах. Наземные части, успешно форсировав Южный Буг, шли к Днестру, в Молдавию.

Каждый вылет - легенда

Погода в марте выдалась теплой, но пасмурной. С юга дули насыщенные влагой ветры, доедали уцелевший снег в оврагах и лощинах.

Распутица крушила планы противника, полагавшегося на слепые силы природы. Советские войска, оставляя позади себя все новые и новые районы освобожденной территории, продвигались дальше и дальше на запад, производя на врага ошеломляющее впечатление. В среде гитлеровских вояк все чаще и чаще звучало теперь слово "катастрофа".

Несмотря на отсутствие пригодных аэродромов в полосе наступления, боевая работа авиации продолжалась.

Командованию корпуса важно было знать направление отхода войск противника, районы подготовленной обороны, переброски и выдвижения его резервов, места, наиболее удобные для переправ через реки и их прикрытия.

Для ведения разведки довольно часто применялись вылеты смешанных пар штурмовики и истребители. Так, разведчики точно установили, что гитлеровское командование перебросило в районы Хуши, Бакэу, Роман и Фокшаны до пятисот боевых машин дополнительно к тем, которые базировались на посадочных площадках. Интенсивность сопротивления врага стала нарастать.

Как только в штаб воздушной армии поступили данные о том, что в Хуши прибыло более 60 "юнкерсов" и "мессершмиттов", генерал Рязанов получил приказ отштурмовать этот аэродром. Налет оказался удачным: двенадцать самолетов сгорели прямо на стоянках, пять гитлеровских машин были сбиты истребителями прикрытия.

Оборона врага трещала, как говорят, по швам. Войска фронта форсировали Днестр на участке протяженностью 175 километров, овладели Бельцами - важным железнодорожным узлом и вышли на государственную границу. Сюда, в район населенного пункта Бельцы, перелетели многие авиачасти корпуса.

Вот как описывали мне ветераны корпуса картину их прибытия в Молдавию.

Первыми самолеты окружили молдавские ребятишки. Детское любопытство победило страх. В латаных свитках и штанишках, босые, редко кто в сыромятных постолах, они смотрели на краснозвездные машины, как на величайшее чудо. Затем несмело за детьми начали подходить взрослые, в такой же

прохудившейся одежде, голодные, изможденные. Они осторожно стучали заскорузлыми от тяжелой работы пальцами по обшивке штурмовиков, цокали языками.

Чего только молдаванам не наговорили фашистские горе-пропагандисты! Мол, у русских и самолетов-то нет, а летают они на каких-то фанерных этажерках. "Чистейшей брехней все оказалось!" - говорили наперебой крестьяне.

О бедности народа и говорить не стоило. Многие авиаторы видели, как жители украдкой подбирали выброшенную техниками ветошь. Жалко было смотреть на такую нищету, и летчики, и техники поделились с местными жителями всеми едой, и одеждой, и обувью,...

Непродолжительная пауза для устройства на новом месте, и снова началась напряженная боевая работа, несмотря на то что войска 2-го Украинского фронта перешли к обороне по причине недостатка техники, боеприпасов, из-за растянутости тылов, отставания артиллерии и усталости войск. От зари до зари штурмовики и истребители вели разведку, препятствовали гитлеровской авиации делать налеты на недавно освобожденные города, села, железнодорожные станции.

Командование приказало провести глубокую воздушную разведку в районе Ясс. От 66-го штурмового авиаполка было выделено два опытных экипажа лейтенанта К. Круглова и младшего лейтенанта И. Драченко. Пару "ильюшиных" сопровождали истребители капитана С. Луганского.

Облачность над аэродромом Лунга была метров шестьсот. Это вселяло надежду, что разведка пройдет без помех: в случае опасности можно спрятаться в облаках. Но когда экипажи достигли линии фронта, небо расчистилось.

Предчувствие не изменило Круглову - сверху слева кружили двенадцать "худых". Круглое предупредил товарища, да тот уже и сам видел, как "мессеры" начали расходиться для атаки. Восемь вражеских машин потянулись к группе капитана Луганского, четыре стали пикировать на штурмовиков. Спасли их сложный противоистребительный маневр "ножницы" и отточенная техника пилотирования.

Суть этого маневра вот в чем: пара штурмовиков, идущих небольшим уступом по отношению друг к другу - ведущий немного выше ведомого, производит обмен местами. Примерно, если ведомый идет справа сзади, то он переходит низом налево, а ведущий - сверху вниз направо. Потом снова, но уже с обратным креном. Поскольку этот маневр осуществляется с креном, оба летчика все время видят хвостовое оперение друг друга.

На какое-то время "мессеры" оторвались от "ильюшиных", те

снизились до бреющего и ускользнули. Все же им удалось провести фотографирование указанной местности, и разведчики развернули машины назад, к аэродрому базирования.

И тут на них снова набросились "мессеры" и "фоккеры". Воздушные стрелки отбивались мастерски.

Попав в сетку прицела Драченко, пошел к земле один "фокке-вульф", второй подвернул сбоку на штурмовик Круглова и ударил по нему из пулеметов. Машина Круглова задымила, стала отставать, теряться из виду...

Немецкие истребители "клевали" "ил" Драченко на всем пути до села Егоровка. Отстали, по-видимому, выработав горючее.

Когда младший лейтенант Драченко приземлился, его окружили летчики и техники. Штурмовик представлял собой страшное зрелище. Обшивка свисала клочьями, зияли черными дырами более трехсот пробоин. К счастью, фотокамеры оказались целыми. В лаборатории сразу же проявили пленку, и дешифровщики, не мешкая, представили снимки командованию. Сведения оказались весьма и весьма ценными.

Аналогичное задание пришлось в эти дни выполнять и паре разведчиков-штурмовиков старшему лейтенанту Б. Мельникову и лейтенанту В. Ермолаеву - летчикам из 735-го авиаполка: сфотографировать Яссы и прилегающую к ним местность. Для этого надо было сделать четыре захода. Штурмовики сопровождала на задание четверка "яков", возглавлял которую Герой Советского Союза капитан Н. Шутт.

На протяжении всего полета к объекту противник не подавал признаков жизни, но у самых Ясс разом ударили массированным огнем "эрликаны". С одной стороны, это было хорошо - при обстреле воздушных целей автоматическими установками фашистские истребители в небе, как правило, не появляются. И разведчики стали на боевой курс, включили фотоаппараты. Заход... Разворот... Еще заход...

Зенитки сосредоточили весь огонь на штурмовиках. Истребители сопровождения идут спокойно в стороне - их гитлеровцы пока не трогают. Разведчики прошли второй заход и сделали такой же маневр для третьего. Все повторяется. Зашли на последний - четвертый заход. Зенитки вдруг прекратили огонь. Все понятно: где-то в воздухе появились истребители противника.

- "Горбатые", топайте домой! - прозвучало в эфире, и четверка "яков", освободившись от сопровождения, вступила в схватку с двенадцатью "мессерами". Гитлеровцы первыми покинули поле боя.

Разведчики на бреющем благополучно вернулись на свой аэродром Кашунка. Отсюда пилоты Б. Мельников и В. Ермолаев

сделали еще около десяти вылетов только на разведку. Столько же полетов на фотографирование провели и летчики В. Олейников, В. Серебряков, И. Сушихин, В. Мякенький, Ф. Прокопов.

Мастерски выполнял разведывательные полеты, всегда благополучно проводил свой "ильюшин" сквозь адский зенитный огонь и успешно отрывался от преследовавших истребителей противника командир звена младший лейтенант В. Андрианов. На кишиневском направлении он первый вскрыл передний край оборонительной полосы противника по реке Бык и помог наземному командованию решить много неясных вопросов по изучению сил противоборствующей стороны.

На этом направлении, как и на яском, непрерывно шли упорные бои на земле и в воздухе.

Командный пункт генерала В. Г. Рязанова находился тогда под Дубоссарами. Как-то по пути на НП 7-й гвардейской армии генерала Шумилова к Василию Георгиевичу прибыл командующий фронтом маршал И. С. Конев. Обстановка в последние дни апреля была прямо-таки накалена: вражеская пехота и танки большими силами пытались контратаковать позиции советских войск. Вызывая согласно требованию командующего фронтом по радио одну группу штурмовиков за другой, командир корпуса давал им четкие задания, называл ведущих.

...В воздух поднялась и девятка, ведомая майором С. Володиным, прикрывали группу истребители Героя Советского Союза капитана С. Карнача.

Задание - любой ценой подавить вражескую артиллерию, поддерживающую контратаки своих танков и пехоты.

Три мощных удара - и вражеский арtpолк перестал существовать. Об этом сразу же на НП корпуса доложил с воздуха разведчик-наблюдатель капитан Д. Нестеренко.

Следующая группа, которую повел в бой лейтенант Т. Бегельдинов, согласно приказу генерала Рязанова бомбардировкой и пушечным огнем отсекала танки и пехоту, вклинившиеся в нашу оборону. Подобную задачу выполняли еще несколько экипажей. И снова операцию завершил краткий доклад капитана Д. Нестеренко: контратака гитлеровцев захлебнулась, противник спешно отошел на исходные позиции...

Сердечно поблагодарив генерала Рязанова за умелое управление, командующий фронтом вскоре убыл. По его приказу всем летчикам - участникам отражения контратак была объявлена благодарность.

А вот какой случай произошел в те дни в 66-м штурмовом

авиаполку, которым командовал майор Федор Васильевич Круглое. О нем и сегодня ветераны вспоминают с веселой улыбкой.

...Девятка штурмовиков вышла на задание: подавить противника на высоте, прикрывающей подступы к Яссам. НП командира корпуса - у ее подножия. Увидев, как штурмовики неуклюже обрабатывали высоту, генерал не сдержался и после первого же захода девятки закричал в микрофон радиопередатчика: "Лапотники вы, а не штурмовики! По пушкам и пулеметным точкам пройдитеесь, а землю и без вас перепашут!"

Но и второй, и третий заходы тоже оказались малоудачными. От бомб вставали только густые столбы земли, а противник продолжал обстреливать нашу пехоту, поднявшуюся в атаку.

Штурм высоты не удался - она осталась за гитлеровцами.

Весь личный состав полка, зная крутой характер генерала, ждал грозного звонка по телефону. Но тот не звонил. Уже в сумерках на аэродроме появилась его машина. В запыленном плаще, хмурый, Рязанов даже не принял рапорта майора Круглова, приказал немедленно собрать весь летный состав. Когда полк построили, генерал взволнованно заговорил:

- Конец третьего года войны - и такая работа. Весь корпус опозорили!

Молча прошелся перед строем летчиков, сурово посмотрел на офицеров.

- На кого надеетесь? - и, повернувшись к Круглову, продолжил: - Вы думаете, Пушкин за вас будет работать?

Такая уж была привычка у Василия Георгиевича - если что не ладилось, то он предупреждал: "Вы на Пушкина не рассчитывайте!"

Все тяжело переживали этот разговор с генералом. Командование полка на следующий день. Произвело перестановку в эскадрильях и провело дополнительные тренировочные полеты. А вскоре поступил приказ повторно обработать высоту. Напутствуя летчиков, майор Круглое говорил: "Не уходить от цели, пока последний вражеский пулемет не будет разнесен в щепы. Наша пехота должна ворваться на высоту без потерь".

И на этот раз командир корпуса был на своем наблюдательном пункте. В условленный час девятка штурмовиков появилась над целью, развернулась, прошла над высотой один, два, три, четыре раза. Противник замолк. Вслед за бомбовой волной наша пехота дружно поднялась и ринулась в атаку. Генерал Рязанов ликовал. "А ну-ка, ребята, еще разик-другой пройдитеесь над высоткой!"

Со страшным ревом самолеты носились над высотой, а пехотинцы тем временем выбивали противника из траншей. Генерал, провожая взглядом уходившие домой штурмовики, спросил по рации: "Доложите, кто сегодня вел девятку?" "Пушкин", - последовал ответ. "Перестаньте шутить!" - "Товарищ генерал, честное слово, Пушкин!"

Выйдя из укрытия, Рязанов сел в машину и поехал на аэродром. В полку все растерялись, когда увидели, что и на этот раз генерал приехал рассерженным. Опять был выстроен летный состав, и генерал объявил всем собравшимся благодарность.

- Высоту штурмовали отлично. Кто вел девятку, выйти из строя!

Вышел небольшого роста, плотно сложенный летчик;

- Лейтенант Пушкин.

- Пушкин? - переспросил генерал и весело захохотал. Потом он обнял летчика, похлопал его по плечу и уже совсем другим, потеплевшим голосом сказал: - Перед лицом всего полка поздравляю вас, лейтенант, с прекрасной, подлинно гвардейской работой!

Не прошло и часа, как вездесущий командир корпуса уже наводил на цель другие группы "шварце тод", как в страхе окрестили фашисты самолеты Ильюшина, держал связь с КП 800-го полка подполковника Шишкина.

Над объектом "работала" шестерка старшего лейтенанта А. Гридинского. О нем его боевые товарищи обычно говорили: "Этот своего шанса не упустит".

И действительно, там, где проносились штурмовики с красными молниями на бортах, чадили, догорая, танки, замолкали и утыкались стволами в землю среди воронок артиллерийские орудия, а уцелевшие гитлеровцы разбегались по оврагам...

Гридинский - сероглазый, статный красавец, неутомимый шутник, любимец всего полка - выделялся среди других летчиков своим особым почерком воздушного бойца.

...Сбор - и ведущий Гридинский держит курс домой, на аэродром Пиструени-Век. На подходе к нему распускает строй, а сам, почти зависнув высоко в небе, перекладывает машину на левое крыло и камнем бросается вниз. У самой земли выравнивает штурмовик и несется уже в обратном направлении по Реуту так низко, что за берегами не видно машины. Затем блестяще производит посадку.

- Ну как? - спрашивает старшего лейтенанта механик Грехов. Ответ звучит на мотив знакомой песни:

Я не скажу о цели в целом,

Цель была та очень велика,
Не смотрел за целью и прицелом,
Но, как будто, дал наверняка".

Затем указывая глазами на пробоину в правой плоскости, спокойно добавляет:

- Заштопай дырку, Женя, а то сквозит.

Куплет Александра Гридинского моментально подхватили в полку, как не пытался лейтенант Щапов его опровергнуть.

- Наговорил на себя и на свою группу. Как это "не смотрел за целью и прицелом", когда все ориентировались по тебе! Да и ударили так, что там осталось только море огня.

- Не кипятись! Это только лирика, а фрицу мы хорошо врезали в солнечное сплетение...

Получив приказ атаковать вражеские танки у высоты 196,0, девятку "ильюшиных" поднял капитан С. Пошивальников. Лейтенант Б. Щапов вел правое звено, лейтенант Н. Шишкин - левое. Как обычно, с Шишкиным летел и лейтенант М. Коптев.

Обнаружив танки, штурмовики сбросили бомбы. В считанные секунды экипажи сделали боевой разворот. И - снова на цель!

Лейтенант Щапов уже перевел свой самолет и звено в пикирование, и тут в хвосте его машины раздался взрыв. Воздушный стрелок был сразу убит, а Щапов, похоже, оглушен. Боевые друзья устремились вслед падающему штурмовику, ожидая, что командир звена выбросится с парашютом. Нет! Борис направил свой искалеченный штурмовик в самую гущу танков противника. В последний раз пыхнул дымом работающий мотор, и страшный взрыв потряс землю, темные клубы дыма скрыли место гибели мужественного экипажа...

Короткая боевая жизнь комсомольца Щапова включила 133 вылета, в которых он уничтожил десятки фашистских танков и сотни гитлеровских вояк.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1944 года Борису Дмитриевичу Щапову было посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Война многому учила людей, и они привыкали к суровой, полной опасностей и лишений жизни. К одному не могли привыкнуть - к потерям боевых друзей.

В начале мая в 667-м штурмовом авиаполку погибли Герои Советского Союза капитан Борис Васильевич Лопатин, а в последних его числах и старший лейтенант Ибрагим Галимович Газизуллин.

Тогда же беда настигла и Героя Советского Союза капитана Георгия Тимофеевича Красоту.

...С девятью экипажами он взлетел с аэродрома Казанешты на

подавление живой силы и артиллерии противника северо-западнее Ясс. Штурмовиков прикрывала четверка "яков" командира эскадрильи старшего лейтенанта М. Токаренко. Высота полета 150-200 метров, но у Ясс возникла низкая облачность, прижавшая группу к холмистой местности.

Этим и воспользовались немецкие зенитчики при подходе к ним штурмовой группы.

При обстреле была повреждена машина ведущего. Убит воздушный стрелок старшина А. Фомин. Капитан Г. Красота атаковал счетверенный "эрликон", но выйти из пике поврежденная машина уже не могла. Самолет и землю разделяли всего десятки метров. В считанные секунды летчик успел только выдернуть скобу парашюта и выпрыгнуть из кабины. Парашют лишь частично наполнился воздухом, и Красота упал на вражеские окопы. Самолет перевернулся и врезался в землю...

Невероятно, но факт! Капитан Красота выжил. Был заключен в лагерь для военнопленных. После освобождения из плена возвратился в родной полк и продолжал летать.

О командире группы прикрытия, возглавлявшем истребителей, Михаиле Кузьмиче Токаренко можно сказать, что он по праву считался мастером прикрытия штурмовиков. В самых сложных ситуациях помогал им возвратиться на свой аэродром.

Тогда же, под Яссами, он сопровождал эскадрилью старшего лейтенанта Т. Бегельдинова. Группа "ильюшиных" сбросила бомбы на колонну фашистских танков и начала разворот для второго захода, когда в нескольких метрах от машины ведущего разорвался зенитный снаряд. Удар воздушной волны был настолько сильным, что самолет подбросило вверх метров на сорок. Из поврежденного маслопровода ударило струей масло. Залило летчику глаза.

Передав управление группой ведомому, Талгат Бегельдинов вслепую попытался удержать самолет в горизонтальном полете. И вдруг в шлемофоне услышал спокойный голос:

- Тринадцатый - ручку на себя...

Комзск истребителей понял, что летчик на штурмовике с бортовым номером "13" попал в беду и нуждается в помощи. Старший лейтенант Токаренко сразу же пошел товарищу на выручку. Он встал рядом с "илом" и, командуя по радио, вел его, как поводырь, до линии фронта.

Только на своей территории Бегельдинов сумел вытереть лицо, осмотреться.

Вся эскадрилья штурмовиков возвратилась на аэродром без потерь...

Поскольку данная книга не является мемуарами автора и

посвящена исключительно описанию боевой работы воинов 1-го гвардейского штурмового авиакорпуса под командованием В.. Г. Рязанова, лишь в кратком отступлении я позволю себе рассказать читателю о своем жизненном и боевом пути, предшествовавшем прибытию в корпус.

...1944 год я встретил на Карельском фронте. А выполняли здесь авиаторы особую задачу - прикрывали Кировскую железную дорогу, по которой шли военные грузы через Мурманский морской порт от наших союзников по ленд-лизу.

Военный театр боевых действий Карелии во многом был своеобразный, тяжелый, и особую роль тут играла авиация, которой, по известным причинам, не хватало. Значительная масса вооружения шла на запад, где проходили основные события. И мы весьма радовались тому, что развивались они успешно. Особенно пристально я следил за успехами 1-го гвардейского штурмового авиакорпуса под командованием Василия Георгиевича Рязанова, которого знал еще до войны, и в душе лелеял надежду встретиться с ним, а может, и попасть в его корпус.

Случилось так, что мои отношения с командиром 260-й смешанной авиадивизии резко обострились. Причина - принципиальные вопросы организации боевых действий авиации, и командующий 7-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации И. М. Соколов отправил строптивца т. е. меня, в распоряжение управления кадров ВВС. Как говорят в народе, "не было бы счастья, да несчастье помогло". В эти дни в 9-й гвардейской штурмовой дивизии (до этого она именовалась 292-й, а 8-я гвардейская - 266-й) потребовался заместитель генералу Ф. А. Агальцову. Командиру корпуса предложили список кандидатов на эту должность, и Василий Георгиевич попросил кадровиков ВВС назначить именно меня. Можно только представить мою радость!

По дороге из Москвы я заехал на Полтавщину, в Крюков, где родился, вырос, откуда ушел в большую жизнь. Семья наша была самая обыкновенная: отец работал на железной дороге, мать - бывшая крестьянка - хозяйничала по дому. Жили весьма скудно. Работал отец от зари до зари, а зарплату имел мизерную. С трудом сводили концы с концами. Как-никак в семье было шесть ртов.

После революции по всей Украине запыхала гражданская война. Кого мы только не видели тогда! Кайзеровцы, петлюровцы, деникинцы, махновцы, григорьевцы. Всякие атаманы - Маруся, Коцура... Но и их "гулянкам" пришел конец - вымела Красная Армия всю нечисть с украинской земли. Люди отложили в сторону винтовки, взялись за молоты и серпы.

Ох и тяжелые были времена! Везде все порушено, заросло чертополохом. Ко всему прочему разразился голод, людей косил тиф-сыпняк. Мне было тринадцать лет, когда умерла мать. Горевали мы очень: мать была душой семьи - умной, трудолюбивой, заботливой и вместе с тем строгой. Как старший среди трех братьев, я заботы матери взвалил на свои плечи. Учебу пришлось бросить, по окончании ФЗУ пошел слесарить на Крюковский вагонный завод. На нем проработал свыше семи лет, пока младшие братья закончили учебу в семилетней школе и стали на ноги.

Слесарничая, не терял времени: выдастся свободная минута - и за книжки. Мечтал поступить в транспортный институт.

На заводе меня приняли сначала в комсомол, потом в партию. И вот сбылась моя мечта: как ударника первой пятилетки меня рекомендовали на учебу в Киев. Но все вдруг обернулось иначе: вызвали в райком партии и предложили ехать в школу военных летчиков.

С перспективой стать инженером пришлось расстаться. Принадлежность к ленинской партии, суровая международная обстановка заставили меня подчиниться требованию времени.

Медицинскую комиссию прошел без сучка, без задоринки, так как имел отличное здоровье, много времени отдавал занятиям спортом. Все это очень помогло в будущем, когда в полетах приходилось переносить большие перегрузки. Летную школу закончил успешно, и специально подобранную группу выпускников послали не в строевую часть, а сразу на курсы командиров звеньев. На курсах осваивали более сложные виды полетов, приобретали необходимые методические навыки обучения подчиненных.

Летом 1934 года я прибыл в часть Сибирского военного округа командиром звена. Работы было невпроворот. Летать приходилось в экстремальных условиях, когда обильные снегопады сменялись густыми туманами и наоборот. Температура, случалось, падала до пятидесятиградусной отметки.

Через год я уже командовал отрядом, потом был назначен инспектором-летчиком авиабригады, в дальнейшем - инспектором-летчиком ВВС Сибирского военного округа.

Военным не дают долго засиживаться на одном месте: вчера летал в лютую стужу, а сегодня под крылом проплывают бескрайние раскаленные пески...

Начавшаяся война прервала мою службу в Средней Азии. Военный послужной список был такой: участвовал в битве под Москвой, оборонял Заполярье, освобождал Украину...

И вот я в родном доме. Отец как раз получил письмо из

Ашхабада от моей жены, в котором она сообщала, что приезжает. Отправляясь к новому месту службы, я был спокоен и мог сосредоточиться на боевой работе в новых условиях.

Выполнив первые формальности, представился командиру корпуса и командиру дивизии генералу Ф. А. Агальцову и попросил у него двое суток на ознакомление с дивизией и устройство. Получив согласие, сразу же взял у начальника штаба полковника Ф. С. Гудкова все документы по дивизии за последние полгода.

Из них узнал многое: что представляет собой дивизия, авиаполки, что положительного в их работе, каков уровень подготовки руководящего состава.

Вскоре комдив назначил для руководящего состава тренировочные полеты. Трудно сказать, было ли это случайным совпадением или желанием посмотреть и показать, кто есть кто.

При полетах я внимательно наблюдал за всем происходящим, делал некоторые заметки в блокноте. Летали все уверенно, но, как бывает в жизни, один пилотирует хорошо, а другой еще лучше.

Помню, когда последний штурмовик зарулил на стоянку, генерал Агальцов будто невзначай спросил меня:

- А вы полетите?

Ответил утвердительно.

- Тогда возьмите мой самолет, - и он показал на стоявший в стороне "ил".

Я взлетел и, строго соблюдая соответствующие инструкции по пилотированию "ильюшина", показал все, на что была способна эта прекрасная машина. Когда приземлился и доложил комдиву, тот произнес только одно слово "добро", и мы поехали в штаб. После этого своеобразного испытания я почувствовал потепление в отношении ко мне моих сослуживцев, которое в дальнейшем стало перерастать во взаимное уважение. Все это вполне понятно: в корпусе и в дивизии очень ревниво берегли заслуженные достижения, а тут вдруг на должность замкомдива прибыл какой-то карельский "варяг".

Спустя несколько дней меня вызвал генерал Рязанов и тепло поздравил с назначением. Разговорились, вспомнили один курьезный случай.

Первое мое знакомство с Василием Георгиевичем произошло в 1937 году в Сибирском военном округе. Он в то время командовал 44-й штурмовой авиабригадой, вооруженной самолетами Р-5.

Как-то в декабре утром комбриг и я - инспектор - вылетели на учебный полигон для отработки бомбометания с бреющего полета

по колонне танков. Над Красноярским краем тогда стоял мощный антициклон, температура воздуха доходила до минус сорока градусов.

Мне показалось несколько странным то обстоятельство, что командир бригады решил лично лететь в такой мороз как штурман экипажа на учебное бомбометание. Но приказ есть приказ, и он не обсуждается.

Поднялись в воздух. На высоте - холод собачий. Сделали три захода па колонну танков. Только я решил пойти на четвертый, как тут по переговорному устройству комбриг кричит: "Все! Пошли домой". Домой так домой.

После посадки зарулил на стоянку, выключил мотор, выскочил на плоскость. Смотрю, Рязанов что-то не спешит покидать машину, нагнулся в кабине. А когда стал вылазить, я увидел, что у него нет маски и очков. Думал - снял, но комбриг как-то виновато показал на голову мол, улетели. Смотрю, а у него на бровях сосульки висят, левая щека побелела. Тут я непроизвольно улыбнулся, что, конечно, заметил Василий Георгиевич. Лицо его посуровело, со строгостью сказал: "Ты почему смеешься, старший лейтенант, над командиром бригады? Я должен знать, в каких условиях работает и летчик и его штурман. Понятно?"

Мне стало неловко и стыдно за свою бестактность, но я в дальнейшем еще больше проникся уважением к своему командиру, который всегда и везде проверял все на себе...

В конце беседы Василий Георгиевич сказал:

- Ты должен учесть следующее. Дивизия и полки имеют большой боевой опыт, так что постарайся оценить их традиции, как можно глубже вникнуть в стиль работы, правильно строить взаимоотношения с командирами и политработниками, знать характеры подчиненных и постоянно вникать в их запросы и нужды. Ну а если увидишь какую-то несуразность, не проходи мимо.

Любой вопрос следует решать спокойно, ни в коем случае не прибегать к разносам. Сам знаешь, как на них реагируют люди. А они у нас славные, да и наград у них больше, чем у тебя...

Слушая эти, на первый взгляд, прописные истины, я никогда не забывал их в ходе войны и после. Убеждался не раз: те командиры, которые вносили в обстановку нервозность, рубили с плеча направо и налево, успеха не имели, и дело у них часто доходило до полного провала.

В лице своих новых боевых товарищей и подчиненных я вскоре нашел единомышленников, на которых в любой ситуации можно было смело опереться. Такими оказались начальник

политотдела полковник К. Г. Присяжнюк, сменивший его подполковник И. М. Хотылев, начальник штаба полковник Ф. С. Гудков, мой заместитель подполковник Д. К. Рымшин, инструктор политотдела по агитации и пропаганде майор В. С. Кутаров, помощник начальника политотдела по комсомолу старший лейтенант В. Ф. Посохин.

Самым памятным событием тех дней было вручение корпусу гвардейского Боевого Знамени.

...Праздничный строй словно высечен из малахитового камня.

Стоят плечо к плечу летчики, воздушные стрелки, техники. А сколько сверкающих в ярких лучах апрельского солнца наград!

Командир 1-го гвардейского штурмового Кировоградского авиационного корпуса генерал В. Г. Рязанов принимает из рук маршала И. С. Конева святыню соединения - знамя, и вот уже над строем пламенеет его горячий шелк с изображением В. И. Ленина и призывом "За нашу Советскую Родину!".

Я впервые увидел в тот день командующего фронтом Ивана Степановича Конева. Он был хорошо сложен, подтянут, с открытым и простым лицом. Только волевые складки да властные нотки в голосе свидетельствовали о твердости и крутости характера маршала.

После мощного "ура!" Конев медленно пошел вдоль строя. Приостанавливаясь, о чем-то говорил с летчиками, воздушными стрелками. Оказывается, он многих знал лично, особенно ведущих, за их действиями не раз наблюдал при штурмовке наземных целей.

В эти минуты Иван Степанович Конев прощался со штурмовиками, благодарил всех за ратный труд, мужество и героизм. По решению Государственного Комитета Обороны он вступал в командование войсками 1-го Украинского фронта. Мы все в душе надеялись, что Иван Степанович заберет наш корпус к себе, на 1-й Украинский...

Как обычно, на смену празднику опять пришли тяжелые фронтовые будни. Противник упорно наращивал активность своей авиации, и на это у него были причины: на должность командующего группой армий "Южная Украина" получил назначение генерал Шернер, сменив Манштейна, снятого за неудачи вверенных ему войск, постоянное отступление, а порой и паническое бегство. Чтобы хоть как-нибудь отличиться перед фюрером, Шернер гнал свои бомбардировщики в наш тыл, подвергая бомбежке коммуникации и освобожденные города. А что, кроме этого, мог он сделать?

Ощутимый урон нанесли нам фашистские бомбардировщики на железнодорожной станции Бельцы. Ночная бомбардировка

вывела из строя значительное количество техники, сгорели цистерны с горючим. Командующий фронтом сделал соответствующее внушение командирам истребительных корпусов генералам И. Д. Подгорному и А. В. Утину за слабое освоение ночных полетов.

На этот просчет незамедлительно среагировал командир корпуса генерал Рязанов, и вскоре штурмовики капитана Н. Горобинского и истребители капитана С. Луганского неслись в сторону немецкого аэродрома Хуши. Но удар по вражескому гнезду в тот вылет так и не состоялся: при подходе к цели на встречном курсе появились Ме-109. Едва наши летчики успели отбиться от них, как почти у цели, километрах в сорока севернее города, а районе населенного пункта Дуда, на штурмовиков и истребителей надели "мессеры". Теперь их было до трех десятков.

Пришлось освободиться от бомб - с таким грузом вести бой небезопасно и вступить в новую схватку с истребителями врага.

И закрутилась бешеная карусель... А вскоре заработали немецкие радиопередатчики - хваленые асы просили поддержки.

Тогда фашисты недосчитались десяти своих истребителей!

Потерь в наших группах не было. Правда, некоторым "илам" и "якам", как впоследствии шутили летчики, противник тоже изрядно "поцарапал глянец".

Здесь же, в районе станции Бельцы, впервые была применена радиолокационная станция "Редут", которая уже несколько месяцев находилась на складе, но не была задействована из-за отсутствия специалистов по радиолокации. Попытка развернуть "Редут" своими силами сразу же дала положительные результаты. Ночью по всплескам осциллографа мы определили, что со стороны Романа и Хуши идет группа самолетов противника. Впервые при помощи станции их перехватили загодя, с заднестровского аэродрома, наши истребители, ведомые старшим лейтенантом И. Кожедубом. Они, в свою очередь, заставили "юнкерсы" сбросить бомбы, не доходя до цели.

Анализируя многие воздушные бои, иногда просто диву даешься, как можно было в сложившейся ситуации, при значительном преимуществе противника, вступать с ним в бой и побеждать?!

Расскажу об одной из таких схваток.

Пятерка штурмовиков в составе командира 3-й эскадрильи 140-го авиаполка старшего лейтенанта Голчина его заместителя лейтенанта Павлова и ведомых лейтенантов Кострыкина, Черного и Михайлова обнаружила строй бомбардировщиков под прикрытием истребителей в момент выхода из атаки. Действуя по команде генерал Рязанова, старший лейтенант Голчин со своими

экипажами врезался в самую гущу вражеских машин и расстроил их боевой порядок. Немцы, застигнутые врасплох, беспорядочно сбросили бомбы на свои же окопы и вышли из боя, потеряв две машины.

Продолжая выполнение боевой задачи, осуществляя очередной заход на цель, ведущий "илов" обнаружил еще одну группу бомбардировщиков противника, по количеству не уступавшую первой, и вновь атаковал.

"Юнкерсы" в панике шарахнулись по сторонам, попадая под прицельный огонь. Шесть из них загорелись и упали в районе расположения вражеских позиций.

Так в этом вылете штурмовики-гвардейцы уничтожили 4 автомашины противника, подожгли 3 танка и сбили 8 вражеских самолетов. Комэкс уничтожил Ме-109 и Ю-87, лейтенант Павлов - два Ю-87, лейтенанты Черный, Кострыкин и Михайлов - по "юнкерсу". Один "мессершмитт" уложил воздушный стрелок сержант Чуданов.

О мастерстве гвардейцев говорил также тот факт, что ни один "ильюшин" не пришел на аэродром с серьезными повреждениями.

Не подвели и истребители прикрытия под командованием лейтенанта Попова, они уничтожили шесть самолетов противника.

Воину командир эскадрильи капитан Иван Константинович Голчин закончил Героем Советского Союза.

Правда, не всегда и не все кончалось так счастливо. Через несколько дней летчик этой группы лейтенант С. Черный погиб. Его самолет был поврежден вражескими зенитчиками, но летчик, истекая кровью, все тянул машину домой, к аэродрому. Своего товарища неотступно сопровождал младший лейтенант Ю. Маркушин. Когда механики и техники открыли забрызганную кровью кабину, они увидели, что Черный был мертв...

Тогда же, в боях под Яссами, этот полк потерял еще двух пилотов - Е. Бурякова и А. Колесняка.

А вскоре ветераны 144-го авиаполка попрощались со своим любимцем старшим лейтенантом А. Гридинским.

...Будто зависла эта проклятая пара "мессершмиттов" в долине между двух гор юго-западнее Пиструени-Век и таки подкараулила, когда взлетит самолет Гридинского: после ремонта мотора потребовалось облетать машину. И надо же было случиться тому, что вместо опытного воздушного стрелка сержанта М. Юнаса в самолет сел авиамеханик Е. Грехов. Такая оплошность обернулась трагедией: едва "ил" взлетел, как его атаковали в хвост два "мессера". Механик, очевидно, принял вражеские истребители за свои и не успел открыть ответный

огонь...

Хоронить погибших прибыл сам командир дивизии генерал Агальцов.

- В лице старшего лейтенанта Гридинского, - сказал он на траурном митинге, - мы потеряли талантливого летчика чкаловской закалки, замечательного командира эскадрильи, не знающего страха в боях. Его меткие удары испытал враг на своей шкуре всюду, где проносился красноезвездный "ильюшин" Александра. Мы прощаемся сегодня и с его другом, отличным специалистом, в прошлом донецким шахтером, Евгением Греховым...

Проводить летчиков в последний путь пришли и местные жители.

Особенно мне запомнился сухощавый старик-инвалид с двумя Георгиевскими крестами на груди, с деревяшкой вместо ноги, он все похороны простоял по команде "смирно"...

Геройским летчиком был Саша Гридинский. И Родина увековечила память о своем славном сыне. Через двадцать лет после войны вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Александру Ивановичу Гридинскому звания Героя Советского Союза.

...После внезапного и успешного удара нашей авиации с аэродрома Штефэнешти по взлетно-посадочным площадкам Хуши и Роман свыше двухсот вражеских бомбардировщиков, прикрываемых Ме-109, совершили массированный налет на позиции советских наземных войск севернее Ясс. Обострившаяся обстановка говорила о том, что гитлеровцы, тщательно подготовив контрнаступление, вот-вот ринутся вперед. Первыми подверглись таранным ударам передовые соединения 52-й и 27-й армий, в небе, не прекращаясь, велись воздушные бои, на малых высотах "фокке-вульфы" гонялись за штурмовиками, не давая им прицельно отбомбиться по немецким танкам и пехоте.

Гитлеровцы на этот раз применили хотя и не новую но все-таки иную по сравнению с предшествовавшими боями тактику воздушного нападения. Действуя двумя мощными эшелонами - верхним и нижним, они решали одновременно две задачи: бомбили наши наземные войска и старались любой ценой блокировать штурмовики. И те несли потери.

Нелегко было и истребителям сопровождения. Группы "мессершмиттов" увлекали их на большие высоты, навязывали там неравные воздушные бои,

Об одной из таких схваток вспоминает в своем письме бывший летчик-истребитель 156-го полка Борис Илларионович Малахов, который свое боевое крещение получил в небе

Молдавии.

"Это произошло 31 мая 1944 года в районе высоты 197,0, которая находилась недалеко от Ясс. Этот участок надежно прикрывался с воздуха истребителями, имел мощное зенитное заграждение.

В тот вылет мы сопровождали семнадцать штурмовиков. Нашей группой истребителей из десяти самолетов руководил подполковник Кутихин. Я был в первой четверке, которую вел Николай Руденок. Подлетая к линии фронта, мы встретили группу истребителей из шести Ме-109. В эфире слышались разноязыкие команды. Но среди всего этого хаоса выделялся знакомый громкий голос: "Маленькие"! Будьте осторожны! В воздухе большая группа истребителей противника". Это нас предупреждал об опасности командир корпуса генерал Рязанов.

Они обрушились на нас сразу же за линией фронта. Завязался воздушный бой, Несколько истребителей противника пытались атаковать штурмовиков. Первую атаку наша четверка "яков" отбила и перешла на левую сторону выше группы штурмовиков. В это время я заметил, что слева и сверху на нас идет четверка ФВ-190. Они открыли огонь. Одна трасса прошла рядом с плоскостью самолета Руденка. Я резко развернул свой самолет влево на трассу и одновременно открыл огонь, тем самым прикрыв самолет Николая Руденка. И тут же почувствовал, как мой "як" тряхнуло, что-то глухо стукнуло. Очень скоро я догадался, что у самолета повреждена система водяного охлаждения. Высота была около трех тысяч метров.

Передал по радио, что подбит и ухожу на свою территорию. Перетянул реку Прут. Потом мотор заклинило, Прыгать с парашютом было уже поздно: не позволяла высота...

Вижу - впереди овраг. Произвел посадку. Самолет в конце пробега дважды перевернулся; к счастью, оказался-таки кабиной кверху. Вылез я. Картина жуткая. У самолета оторваны плоскости, помят фюзеляж, побита приборная доска... Я чудом остался цел и невредим".

Командование 5-й воздушной армии, обсуждая предстоящие задачи авиации, решило в два-три раза увеличить состав групп истребителей. Одни из них должны были вести бой на высоте, другие - сопровождать "илы", но не как обычно, а появляться над полем боя на три-пять минут раньше, разгонять и уничтожать "фокке-вульфы", действовавшие на низких высотах. Это позволило бы штурмовикам без особых помех громить немецкие танки.

...В жаркий июльский полдень южнее Хуши, прикрывая работу штурмовиков, приняла неравный бой с десятью Ме-109 четверка истребителей капитана Луганского.

Позже пехотинцы подробно расскажут, как юркий "ястребок", будто сокол, настиг "мессер", и тот, потянув за собой черную борозду дыма, врезался в лес.

Тут же второй "мессершмитт" зашел в хвост отважному "яку" и атаковал его. Все, кто был внизу, ахнули: секунда - и гитлеровец свалит нашего летчика! Но тот произвел немыслимый маневр, увернулся от огня и ответными очередями прошил машину со свастикой.

Но со стороны слепящего солнца к месту схватки уже подходили 18 "юнкерсов". Тогда все тот же "ястребок" первым атаковал флагмана в лоб. Фашист опешил от такой дерзости - резко задрал нос машины вверх - и получил порцию свинца в "брюхо".

Когда генерала Рязанова спросили о смельчаке, который сбил сразу три самолета, он с гордостью ответил:

- Это наш Луганский. Выполняет наказ комсомольцев Алма-Аты, вручивших ему боевую машину.

В полосе наступления наземных войск, действия которых обеспечивал авиакорпус, с утра до вечера продолжались воздушные бои. На земле тоже было жарко; противник то и дело организовывал контратаки, подтягивал танковые части.

Командир эскадрильи 144-го штурмового авиаполка лейтенант М. Мочалов получил задание группой штурмовиков, в которую входили экипажи И. Лановенко, М. Смирнова, Г. Шомникова, С. Вильчинского, Г. Боровых, Д. Иванова, А. Карпенко, А. Беленького, С. Аристратова, А. Цапыгина, проштурмовать одну из танковых колонн (в количестве двадцати бронеединиц она приближалась к переднему краю под прикрытием "мессеров").

Михаил Мочалов спокойно передал по радио: "Идем на цель. Быть внимательными. В воздухе - "сто девятыне".

Когда группа приблизилась к колонне, ведомые вновь услышали голос командира: "Действуй, как я".

Лейтенант Мочалов перевел машину в пикирование, и от плоскостей "илов" потянулись трассы снарядов к танкам врага. Затем со свистом сорвались эрэсы. Когда на высоте метров двести самолеты начали выходить из пике, на танки посыпались ПТАБы. Удар оказался прицельным - пять бронированных громадин застыли на поле боя. Остальные, не сделав ни единого выстрела, повернули обратно.

Теперь следовало проучить "сто девятыне". "Ильюшины" по команде ведущего плотно сомкнули клинья звеньев и открыли огонь по истребителям, одновременно снижаясь. Когда до земли оставалось метров десять-двенадцать, штурмовики перешли в

горизонтальный полет и взяли курс домой. Потерь в группе на этот раз не было, но вот пробойн на плоскостях - хоть отбавляй...

Именно в эти дни в корпусе побывали корреспонденты армейской, фронтовой и центральных газет, в частности, в 8-ю авиадивизию приезжал Валентин Катаев. Вот как он описал в своих путевых заметках встречу с подполковником Владимиром Павловичем Шундриковым:

"Это прирожденный воздушный боец. Штурмовик до мозга костей. Человек железного мужества, стремительных решений, он беззаветно храбр, грозен в бою, беспощаден к врагам и доброжелателен, даже нежен к своим товарищам.

Выглядит очень молодо. В нем есть что-то мальчишеское, задорное, почти детское. Он худощав, строен, быстр в движениях. Его руки, привыкшие к штурвалу, постоянно работают. Если он рассказывает что-нибудь, особенно какой-нибудь боевой эпизод, его узкие, гибкие ладони ловко и быстро изображают все то, о чем он говорит...

...Немцы сильно бомбили с воздуха одну из наших, переправ на Днестре. Над Днестром стоял туман. Но для Шундрикова не существует нелетной погоды. Он сел на свой "ил" и с группой штурмовиков принялся громить гитлеровцев. Он обрушился на "юнкерсы", повисшие над переправой. Он разогнал их и барражировал до тех пор, пока наша пехота не переправилась на западный берег. Тем временем гитлеровцы вызвали свою истребительную авиацию, и только на одного Шундрикова ринулось четыре "мессера". Шундриков и его группа в этом бою показали высокий класс летного искусства. Шундриков обманул "мессеров". Он ушел от них на бреющем полете, по балкам, по лощинам, делая зигзаги, петляя, и в конце концов замел свои следы и скрылся..." {23} .

Тем временем семья Героев Советского Союза у нас в корпусе пополнилась. Две Золотые Звезды засияли на груди капитана С. Д. Луганского. Высокого звания были удостоены летчики В. И. Андрианов, И. А. Антипин, М. И. Степанов, Н. А. Евсюков, В. М. Лыков, А. П. Матиков, И. Х. Михайличенко, С. Д. Пошивальников, Н. Г. Столяров, И. А. Филатов...

Гитлеровское командование вынуждено было отказаться от боевых действий севернее Ясс и стало спешно перебрасывать свои войска и авиацию подо Львов и Сандомир. Началась подготовка к новой наступательной операции с целью разгрома противника в Прикарпатье и освобождения Западной Украины.

Пришел приказ на перебазирование и нашего корпуса, переданного решением Ставки в состав 2-й воздушной армии. Командующий 5-й воздушной армией сердечно поблагодарил

генерала В. Г. Рязанова за умелое руководство соединением. По подсчетам его штаба, экипажи "ильюшиных" на пути от Белгорода до румынской границы сожгли не менее полутора тысяч вражеских танков. {24}

- Большую помощь матушке-пехоте и артиллерии оказали рязановские "илы", - отметил тогда и начальник политотдела армии полковник Н. М. Проценко.

В свою очередь командир корпуса душевно поблагодарил командующего армией Сергея Кондратьевича Горюнова за особое внимание к штурмовикам. Василий Георгиевич высоко ценил авторитетного и опытного авиационного военачальника, умеющего дисциплинировать людей, создавать для подчиненных хорошую, деловую обстановку. Вместе с тем генерал Горюнов отличался Удивительной мягкостью и интеллигентностью...

И вот взлетели наши краснозвездные эскадрильи. Выше и выше... Глубоко внизу поплыли и разошлись широким веером зеленые поля, виноградники, балки, речки... Курс - в район Волочиска.

К началу наступления советских войск на львовско-сандомирском направлении линия фронта протянулась западнее Ковеля, Тернополя и Коломыи. Ее протяженность составляла 440 километров. Войска группы армий "Северная Украина" под командованием генерала Й. Грапе с воздуха поддерживала авиация 4-го воздушного флота. В состав 1-го Украинского фронта входило семь общевойсковых армий, три танковых, две конно-механизированные группы, а также 1-й Чехословацкий армейский корпус. С воздуха их поддерживала 2-я воздушная армия генерала С. А. Красовского...

В ходе операции авиация должна была прочно удерживать господство в воздухе, содействовать войскам в Прорыве вражеской обороны, обеспечивать ввод в прорыв подвижных войск и их действия в оперативной глубине, прикрывать ударные группировки, а также объекты тыла и коммуникации фронта, не допускать подходов резервов противника.

Накануне наступления в авиачастях корпуса прошли партийные собрания и митинги личного состава. В агитационно-пропагандистской работе большое место занимало разоблачение злодеяний фашистов на Украине, обращалось также внимание на повышение у воинов бдительности в связи с активизацией на территории западных областей подрывной деятельности пособников гитлеровцев буржуазных националистов.

В те дни армейская газета "Крылья победы" писала: "Воздушный воин! Ты помнишь Курскую дугу; пылающий Белгород, дымное небо над Прохоровкой... Теперь ты далеко от

тех героических мест. Теперь под твоим самолетом старинный Львов, Станислав, Рогатин. Теперь ты гораздо сильнее, чем год назад. Перед тобой враг, не раз уже отступивший под силой твоих ударов, с ужасом ждущий грядущего возмездия за совершенные им преступления. Пусть же не знает враг пощады. Он пришел сюда, чтобы грабить твою страну. Пусть же найдет он здесь свою смерть".{25}

...Атаке нашей пехоты и танков на львовском и рава-русском направлениях предшествовала мощная авиационная подготовка, проведенная по узлам сопротивления врага, переправам через Западный Буг, скоплениям техники противника.

Настало 14 июля. В воздух поднялись сотни самолетов. Удары наносились непосредственно у переднего края и по тактической глубине немецкой обороны. Целью первостепенной важности были станции выгрузки резервов, колонны вражеских войск на марше.

Гитлеровцы принимали все меры к тому, чтобы сорвать наступление наших войск, противник спешно подтягивал свои резервы в район Золочева, Плугова, Зборова. Крупные силы танков, мотопехоты двинулись в контратаку против наступавших советских частей. Положение усложнилось. И здесь серьезную помощь наземным войскам оказали летчики.

Полковыми колоннами бомбардировщики и штурмовики под прикрытием истребителей вылетели в район Плугова и других населенных пунктов. В течение двух часов велась непрерывная бомбардировка и штурмовка врага. В результате противник потерял почти половину своей боевой техники. Контрнаступление захлебнулось по всем направлениям.

Понесла потери, была резко ослаблена и 8-я танковая дивизия немцев, подвергнутая сокрушительному воздействию с воздуха.

Вспоминая об этом, бывший немецкий генерал Ф. Меллентин писал: "На марше 8-я танковая дивизия, двигавшаяся длинными колоннами, была атакована русской авиацией и понесла огромные потери. Много танков и грузовиков сгорело; все надежды на контратаку рухнули".{26}

С началом наступления на КП командующих наземных армий прибыли оперативные группы от действующих на данном направлении авиационных корпусов... Экипажам, находившимся в воздухе, уточнялись задачи указывались новые цели, что способствовало общему успеху наступательных боев.

Чуть раньше, в дни подготовки к наступлению, снова встретились два друга, два генерала. Невысокий, плотно сбитый, с наголо бритой головой генерал-танкист Рыбалко и стройный, с

гибкой фигурой, щеголеватый авиатор генерал Рязанов.

Обнялись.

- Ну, здравствуй, Василий Георгиевич! Давненько не виделись. Вы все в небесах, а мы тут от земли-матушки не отрываемся, утюжим ее день-деньской. Антеи мазутные...

Командующий 3-й гвардейской танковой армией Павел Семенович Рыбалко усадил раннего гостя и сразу же перешел к делу. Они склонились над полотном карты и просидели так до рассвета...

Новый КП в районе села Нуще понравился генералу Рязанову, и он не преминул поблагодарить капитана Б. Красия, возглавившего оперативную группу корпуса по наведению штурмовиков, за удачно выбранный командный пункт. С помощью основной радиации комкор намеревался управлять самолетами, через другую (запасную) - держать связь со своим штабом.

Блиндаж был надежно замаскирован мелким березняком. Сразу же от него начинался уклон, поросший внизу сосняком и тянувшийся вплоть до проселочной дороги.

Не первый раз Василий Георгиевич забирался под бок немцев со своей радиостанцией, случалось, его засекали вражеские корректировщики, но фронтовая судьба была милостива к генералу.

Нелегкая обстановка сложилась при прорыве вражеской обороны на львовском направлении. Первые атаки не принесли успеха. Крепка была оборона противника. Но на одном узком участке наши пехотинцы при поддержке артиллерии все же вклинились в позиции гитлеровцев. Углублению в оборону врага способствовало и то, что фашисты считали эти места непроходимыми для боевой техники и относительно слабо укрепили данный рубеж. Колтовские холмы, леса, овраги, топкие болота... Все это способствовало искусной маскировке огневых средств врага.

Несмотря на то что в обороне противника была пробита лишь шестикилометровая брешь, генерал П. С. Рыбалко решил ввести свою армию в этот прорыв. Вначале части первого эшелона следовали по четырем маршрутам, но по мере сужения участка прорыва количество маршрутов уменьшалось. Начиная с рубежа Колтов, Тростянец, они вынуждены были двигаться по так называемому колтовскому коридору, который местами сужался до двух-трех километров и простреливался сильным фланговым артиллерийским и даже пулеметным огнем. Танкисты то и дело вели бои с засадами, опорными пунктами, останавливая машины перед сваленными деревьями.

А здесь еще хлынул проливной дождь, превратив проселочную дорогу в сплошное месиво. Это была тяжелая дорога, проверяющая на прочность и людей, и технику.

Значительный урон нашим танкистам нанесла противотанковая артиллерия противника, с ней и вступили в противоборство штурмовики корпуса.

Переговорив с генералом Рыбалко, командир корпуса поднял в воздух звено лейтенанта Н. Столярова.

Один за другим штурмовики ушли за клубящийся дымом горизонт. Там наши танки острым клином вонзились в оборону противника. А он буквально под крылом - и слева и справа.

- Я "Грач"! Столяров, ты слышишь меня? - спросил ведущего Рязанов. После ответа приказал:

- Слева от головного танка, в кустах, - три батареи, Подавить немедленно! В атаку, соколы!

Флагман с ходу спикировал на артиллеристов. Самолет его шел, словно по ухабам: снаряды рвались спереди, сзади, слева... Временами казалось, что машину вот-вот разнесет на части. Все внимание Столярова было приковано к орудиям, бьющим по танкам. Прошла секунда, вторая...

На выходе из пикирования воздушный стрелок доложил, что два орудия подавлены.

Внизу, на земле, шел жаркий бой. Комэк видел, как загорелась и сошла с дороги тридцатьчетверка. По вспышкам засек, откуда ведется обстрел. Под масксетями - две пушки. Меткими очередями штурмовики подавили и эти установки, а бегущих немцев стали поливать пулеметным огнем.

Звено лейтенанта И. Столярова не уходило из района Оря до тех пор, пока не подошла смена, группа капитана С. Пошивальникова. Таков был приказ командира корпуса.

Быстро сориентировавшись в обстановке, ведущий дал команду бомбами, эрэсами, огнем из пушек и пулеметов добить противника. Передняя полусфера "илов" полыхала огнем. От уцелевших пушек в разные стороны разбегалась орудийная прислуга, штурмовики на предельно низкой высоте пронеслись вдоль траншей, выбивая из них гитлеровцев...

Капитана Пошивальникова сменила эскадрилья старшего лейтенанта Н. Евсюкова.

Преодолев сильный зенитный огонь, группа вышла в указанный район, где обнаружила танки и машины с грузами.

- Гвардейцы, в атаку! - подал команду Евсюков своим экипажам, и те стремительно ринулись в пике.

Из бомболюков посыпались ПТАБы. Дым заволок место удара,

но было видно - горели два танка.

В последующих заходах летчики выбирали цели самостоятельно. Одни, умело маневрируя между разрывами снарядов, били эрэсами автомобили, накрытые тентами. Другие "охотились" за танками.

Во время одного из заходов командир звена лейтенант Н. Полукаров увидел, как, пятась, в ложине скрылся "тигр", и, точно прицелившись в моторную часть, дал по ней пушечную очередь...

Следуя друг за другом на определенной дистанции, позволяющей прикрывать впереди идущую машину от возможного нападения вражеских истребителей, экипажи сделали шесть заходов, держа противника под непрерывным огнем. В результате группа уничтожила три танка, более двадцати машин, около полусотни гитлеровцев. ...Лейтенант В. Андрианов вел шестерку "илов" на штурмовку скопления вражеских танков неподалеку от Мариамполя. Вот и заданный район. Танки тщательно замаскированы; молчат, притаились и зенитки. Тем более, что штурмовики как будто проходят мимо. Но ведущий уже разглядел колонну крытых грузовиков да еще, похоже, и склад боеприпасов неподалеку.

Быстрая оценка обстановки. Команда ведомым на перестроение. Энергичная горка. И вот уже с крутого разворота поочередно "илы" входят в пике. Не выдержали, вздрогнули и поползли в разные стороны вражеские танки, роняя с брони не нужную больше солому. Поздно! Под градом бомб запылал, завертелся на месте один танк, густо задымил и замер второй. Торопливо, взхлеб ударили автоматические зенитки, но и по ним прошелся огненный вихрь.

Повторный заход. Но тут на высоте семьсот метров группу атаковала пара Ме-109. Атаковала по знакомой схеме: разогнав до предела скорость, попыталась "клюнуть" с ходу и удрать. Но у шестерки Андрианова тридцать пушечных и пулеметных стволов, двенадцать пар зорких глаз и твердых рук. "Илы" легли на обратный курс, когда внизу содрогнулся от взрывов бывший склад боеприпасов, запылали жарким огнем разбитые танки, автомашины и... два "мессера", завершившие свою последнюю атаку... теперь уже к земле.

Чуть подробнее остановлюсь на эффективных ударах по врагу авиаторов нашей дивизии. Настоящими асами, лучшими "воздушными охотниками", мастерами ударов по точечным и малоразмерным целям были В. Андрианов, Г. Чернецов, Б. Мельников, И. Михайличенко, М. Одинцов, Т. Бегельдинов, П. Блинов, В. Веревкин. По четыре-пять раз в день поднимали они группы по боевой тревоге и громили врага севернее и южнее

Колтова.

Четыре-пять вылетов в день! И каждый - адское напряжение воли, нервов, физических сил! Но генерал Рязанов продолжал наращивать мощь штурмовых ударов, и в воздух взмывали все новые и новые группы "летающих танков".

Вслед за 3-й гвардейской танковой армией в сражение была введена и 4-я танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко.

Ударами на львовском и рава-русском направлениях рассечена вражеская оборона. Крупная группировка противника оказалась как бы между двух клиньев юго-западнее города Броды. С целью ее окружения в образовавшийся прорыв была введена конно-механизированная группа генерала В. К. Баранова. Конники и танкисты, выйдя к Каменке-Бугской, охватили бродовскую группировку врага с северо-запада.

Во избежание напрасного кровопролития советское командование предложило окруженным войскам прекратить сопротивление и сдаться. В ночь на 19 июля летчиками корпуса в район окружения было сброшено около ста тысяч листовок.

Гитлеровцы отказались сложить оружие и попытались вырваться из "котла". Но наши воины преградили путь врагу.

Кольцо окружения под Бродами напоминало по конфигурации эллипс - мешок, туго завязанный на земле и с воздуха. Вскоре на южном конце этого эллипса появился уродливый отросток - это головной группе фашистов удалось выдвинуться километра на два вперед.

И вот уже идут на взлет наши разведчики. Один из экипажей ведет младший лейтенант Н. Хорохонов.

Погода неважная: облачность низкая, над землей плывут плотные дымы. Едва штурмовик пересек линию фронта, как оказался над морем огня. На земле кипел жестокий бой. Как хотелось младшему лейтенанту ввязаться в схватку! Всадить пару снарядов в закамуфлированные коробки с крестами на боках, полить позиции гитлеровцев пулеметным огнем. Но нельзя! Экипаж ведет разведку.

Самолет идет на бреющем: огромная скорость, малая высота. Внизу вес сливается - поля, изрытые воронками, почерневшие от пожаров леса, зеленые плешины болот...

В поле трудно спрятать танки, самоходки, автомобили. Кустарниками, что растут по болотам, не проедешь. Значит - лес.

Хорохонов направил машину к опушке. Внизу спокойно, будто все вымерло. Дорога, помеченная на карте, не просматривается. Одно обстоятельство настораживало - полоска у леса значительно темнее, чем рядом лежащая пашня. Штурвал от себя - и самолет пикирует к земле. Теперь ясно: именно здесь

прошли танки, к замыкающей машине были прицеплены бороны. Они-то и "замели" след, а танки свернули в лес и притаились.

Младший лейтенант развернул штурмовик, заметив среди деревьев дымок. Дал по нему пулеметную очередь - авось нервы у фашистов не выдержат, и они обнаружат себя. Еще очередь!

Лес мгновенно ошетинился огнем. Скрестились трассы "эрликонов". Вот теперь и танки видны. Всего с полсотни будет. "В квадрате... около пятидесяти танков, - доложил на КП полка младший лейтенант Н. Хорохонов, - и все "живые". Немедленно в район сосредоточения вражеской техники была поднята группа штурмовиков.

Посадив машину, Хорохонов увидел уже вернувшихся из разведки Мельникова и Ермолаева. На ходу поделились впечатлениями, младший лейтенант пошутил: "Смотрю, из мешка ноги торчат, решил поплотнее его завязать..."

Бои в районе Белого Камня приняли чрезвычайно острый характер.

В середине дня командир 144-го гвардейского (бывшего 800-го) полка подполковник П. Шишкин поставил младшему лейтенанту С. Чепелюку задачу: нанести удар по окруженцам в районе Белый Камень, Ушня.

Точное местонахождение и расположение противника не было установлено. Это требовало от ведущего и от всех экипажей большого внимания при отыскании целей, чтобы избежать удара по своим войскам.

Летчики хорошо знали район действий по предыдущим вылетам. Тем не менее перед вылетом еще раз тщательно изучили по карте характерные ориентиры.

На маршруте облачность семь - восемь баллов, горизонтальная видимость хорошая, но в районе предстоящих действий резко ухудшилась из-за дымов и пожара.

Штурмовой удар младший лейтенант Чепелюк решил нанести звеньями, сброс бомб - по его сигналу. Самолеты снаряжены осколочными и противотанковыми бомбами. Подавление зенитной артиллерии возлагалось на второе звено и истребителей прикрытия.

Все летчики настроили радиостанции на одну волну. Собравшись в боевой порядок - левый пеленг звеньев, группа под прикрытием четверки "яков" легла на курс. В первом звене летели лейтенанты Н. Арчашиников и Г. Поляков, второе вел лейтенант Т. Куприянов, за ним следовали лейтенант М. Бодня и младший лейтенант В. Матасов.

Над целью - редкие облака. Пройдя в разрывах между ними, группа молнией пронеслась над позициями фашистов. Теперь

необходимо отыскать районы наибольшего сосредоточения войск и огневых средств противника. Чепелюк делает холостой заход. Безотказная радиосвязь и хорошая слетанность экипажей дают возможность ведущему свободно маневрировать при поиске цели. С появлением грозных штурмовиков гитлеровцы притаились, замерли. Фашистские зенитчики молчат. Замысел врага прост: не обнаружить себя. Но старший группы Чепелюк по радио уже подал команду; "Приготовиться, прицеливаться точнее!"

В воздухе пока не видно вражеских истребителей, поэтому "яки" прикрытия получают задачу подавить средства противовоздушной обороны.

Сделав разворот, штурмовики идут в атаку. Первое звено наносит удар по орудиям и минометам, второе - по танкам и автомашинам. Штурмовики пикируют на цели с высоты триста метров. Видно, как заметались, забегали, открыли беспорядочную стрельбу солдаты противника. Экипажи повторяют заходы, действуют не спеша, методично, наверняка.

Полчаса гвардейцы находились над целью, сделали шесть заходов. Результат - пылающие автомашины, искореженные орудия, чадающие удушливым дымом танки, навсегда застывшие среди кустарников. Вместе с артиллерийской батареей взлетел на воздух и склад боеприпасов. Умолкли и вражеские зенитки.

Возвращаясь на свой аэродром, группа обнаружила скопление автомашин и пехоты противника на участке дороги Белый Камень - Ушня. Экипажи второго звена сумели пушечным огнем уничтожить еще несколько автомашин гитлеровцев.

Более ста фашистских автомашин с вражеской пехотой, десятков танков нашли свой бесславный конец на опушке леса у села Белый Камень от бомб штурмовиков старшего лейтенанта Алехновича.

Прямо перед ним бушевал шквал зенитного огня, осколки, как град, стучали по бронированному "брюху" "ила". Но Алехнович не слышал этого.

- В атаку! - передал он по радио экипажам и снизил свою машину до бреющего. Вниз рванулись реактивные снаряды, на дороге в бешеном танце заплясали языки пламени, будто нехотя потянулись к небу столбы черного дыма. А группа вновь пошла на боевой разворот. В послужном списке Героя Советского Союза старшего лейтенанта Евгения Антоновича Алехновича, командира эскадрильи 142-го гвардейского штурмового авиаполка, значатся двенадцать благодарностей от Верховного Главнокомандующего. Свой последний, сто шестьдесят пятый вылет он завершил в боевом строю, не выпуская из рук штурвала горячей машины, которую направил на зенитную батарею врага.

Геройски погиб в те дни и его однополчанин лейтенант М. Хохлачев. Михаил в свои девятнадцать лет был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1-й и 2-й степени, двумя медалями "За боевые заслуги".

Михаил Хохлачев вылетел старшим группы. Задача - провести разведку в направлении села Деревляны, обнаружив колонну вражеских войск, разведчики атаковали ее. На одном из заходов машина Михаила была подбита, а его самого ранило. Выход был один - сесть на территории, занятой противником. Но комсомолец Хохлачев направил свой самолет на вражескую колонну...

Потери боевых товарищей звали нас к справедливой мести, и мы несли ее врагу на краснозвездных крыльях наших машин.

Приведу признание пленного гитлеровца, майора, начальника одного из отделов штаба армейского корпуса. На допросе он показал: "Большой ущерб нам причинила русская авиация. Особенно жестоко нас бомбили 20 и 21 июля в районе Белый Камень, где скопилось много обозов, автомашин и людей... Бомбили нас непрерывно, не давая возможности поднять головы".

Гитлеровское командование прилагало большие усилия, чтобы вывести свои войска из котла. Окруженная группировка с рубежа Белый Камень, Сасов пыталась прорваться в южном направлении, ей навстречу пробивались немецкие соединения из района Золочева. Противник форсировал Западный Буг, вклинился в нашу оборону, захватил Почапы, Хильчицы и ряд других населенных пунктов. Оставалось преодолеть около десяти километров, чтобы соединиться со своими деблокирующими частями и выскользнуть из ловушки. Но вырваться из "котла" гитлеровцам не удалось. Восемь фашистских дивизий, в том числе пехотная дивизия СС "Галичина", прекратили свое существование.

Теперь уже гвардейцы генерала П. С. Рыбалко готовились к новому броску - на Львов. Готовились к нему и штурмовики корпуса. На аэродромах авиаспециалисты латали пробоины, заправляли самолеты горючим, маслом, заряжали "под завязку" пушки, пулеметы, подвешивали бомбы. Прямо на взлетных площадках проходили собрания личного состава, прием в партию.

Я заметил, что число заявлений с просьбой принять в партию возрастало перед наступательными операциями и в ходе затяжных боев. Так, в период Белгородско-Харьковской операции ряды коммунистов пополнили двести пятьдесят три человека, во время битвы за Днепр - двести восемнадцать, под Корсунем-

Шевченковским - сто тридцать два...

Думаю, что лучшие гвардейцы не могли не быть коммунистами. Ведь в жестоких сражениях на воина-коммуниста равнялись, за ним шли в смертельный бой.

...Мощными стальными таранами крушили танкисты генералов Рыбалко и Лелюшенко вражескую оборону. В те дни генерал Рязанов работал рука об руку с Рыбалко, комдивы-авиаторы со своими оперативными группами и радиосредствами перемещались вместе с командирами танкового и механизированного корпусов.

Примером эффективных совместных действий с подвижными соединениями может являться бомбоштурмовой удар 9-й авиадивизии корпуса по узлу сопротивления противника в районе Жолквы {27}. После атак "илов" наземные войска довольно быстро и без существенных потерь овладели этим важным опорным пунктом врага.

Отступая, гитлеровцы сконцентрировали свои силы в районе Львова. Они поспешно укрепляли восточные оборонительные рубежи, подтягивали резервы.

Быстро меняющаяся обстановка требовала частого проведения воздушных разведок. Всем этим в полной мере обладали летчики 143-го гвардейского авиаполка Б. Мельников и В. Ермолаев.

Обычно для их проведения выделялись самые опытные летчики-асы смельчаки, мастера высокой квалификации. Важно было не только выполнить задание, но и доставить разведданные своему командованию, а значит, суметь перехитрить вражеских истребителей, уцелеть, оторваться от преследователей.

...Взлетев с аэродрома, расположенного недалеко от города Збараж, штурмовики взяли курс на северо-запад от Львова. Обнаружив танковую колонну и сфотографировав ее, развернулись домой. Однако встречи с "мессерами" избежать не удалось.

- "Горбатые", уходите! Справа "мессеры"! - передал по рации ведущий пары истребителей старший лейтенант Г. Мерквиладзе.

Мельников ответил, что ситуацию понял и перевел свой "ил" на бреющий полет. И все же "мессеры" их быстро настигли. Выручила слаженная работа воздушных стрелков сержантов Тимченко и Косых. Они встретили гитлеровцев таким плотным огнем, что те моментально взмыли вверх. Отсюда истребители атаковать не пытались - боялись огня с задней полусферы, а потому зашли чуть сбоку, с "мертвой зоны".

Перестроившись, разведчики сами атаковали "сто девятых". Но те не отставали. Уже во Львове Мельников и Ермолаев стали

выражировать вокруг высокого шпиля костела. Видя бесполезность своих атак, "мессеры" отступили. Незамедлительно в район "находки" была подтянута группа "илов".

Обычно противник поступал предусмотрительно, тщательно маскируя большие колонны танков. На этот раз он спешил. "Тигры" двигались в длинном, плотном строю. Нужно было, не медля, накрыть вражеские машины, не дать им возможности рассредоточиться на местности, замаскироваться в ее складках, уйти.

Ведущий группы капитан М. Степанов блестяще организовал штурмовку колонны. Впереди идущие "тигры" загорелись, создалась пробка... Ни один танк не дошел до линии фронта.

При поддержке авиации части 3-й гвардейской танковой армии сумели оперативно осуществить маневр и вышли в тыл львовской группировки противника, в район Судовой Вишни. Не выдержав мощного натиска советских войск, противник был вынужден поспешно отступить. 27 июля 1944 года крупный промышленный и культурный центр, важный узел коммуникаций - Львов был освобожден от оккупантов.

На одной из площадей города советские воины увидели столб из литого чугуна со стрелками-указателями. На одном из них значилось: "Москва - 1395 километров". Итак, путь протяженностью почти в полторы тысячи километров был пройден, намного меньше осталось пройти до гитлеровского логова.

Корпус за образцовое выполнение заданий командования во время Львовско-Сандомирской операции был награжден орденом Красного Знамени, его командиру - Василию Георгиевичу Рязанову - вручен орден Богдана Хмельницкого 1-й степени. Три гвардейских авиаполка - 143, 144 штурмовые и 156-й истребительный удостоены почетного наименования "Львовский".

Назову поименно крылатых гвардейцев, которые внесли весомый вклад в разгром врага при проведении Львовско-Сандомирской операции. Это летчики М. Афанасьев, А. Кобзев, Ю. Балабин, И. Драченко, А. Рыбаков, Г. Мушников, П. Алексеев, А. Сатарев, Н. Стерликов, Г. Клецкин, М. Мочалов, А. Петров, Н. Пургин.

Рядом с пилотами всегда были их боевые помощники - воздушные стрелки, мастера снайперского огня С. Александров, К. Дорофеев, Г. Дроздов, А. Наумов, А. Тазанов, А. Мамонтов, Н. Мещеряков, И. Шапошник, В. Бурлак, Д. Шелопутин, И. Фридман, П. Гринев, А. Кирилец, И. Капустенко.

Надежно прикрывали с воздуха своих боевых товарищей истребители И. Андрианов, Н. Шутт, Н. Быкасов, В. Шевчук, А.

Шокуров, Н. Попов, А. Шаманский, Н. Сметана, И. Корниенко, А. Гришин, Г. Полянский, А. Безверхий, Л. Чудбин. В общем, все делали большую и опасную фронтовую работу, которая приближала разгром ненавистного врага в его же собственном логове.

От Вислы до Одера и Нейсе

Разгромив противника в районе Львова, а также очистив от гитлеровцев Перемышль, советские войска раскололи надвое группу армий "Северная Украина". Ставка ВГК приняла решение: основные усилия фронта сосредоточить на сандомирском направлении, стремительно выйти к Висле и форсировать ее.

Понимая свое критическое положение, немецко-фашистское командование усилило группу армий "Северная Украина", перебросив 5 дивизий от соседей группы армий "Южная Украина". Еще восемь пехотных дивизий прибыли из Германии и Венгрии. Противник укрепил свой фронт шестью бригадами штурмовых орудий и отдельными батальонами тяжелых танков. Высокую активность проявляли и вражеские авиасоединения. Появились, в частности, "мессершмитты", на бортах которых был нарисован лучник. Мы знали, что принадлежали они отряду немецкого аса Буша. Комплектовался отряд из отборных летчиков.

Было ясно, что борьба за сандомирский плацдарм предстоит упорная.

В связи с этим по решению командующего фронтом маршала И. С. Конева в сражение была введена 5-я гвардейская армия генерал-лейтенанта А. С. Жадова, произведена перегруппировка зенитно-артиллерийских частей и соединений, перебазирована истребительная авиация.

Противник всеми силами старался ликвидировать плацдарм. В районах Сандомира, Опатува, Ракува разгорелись напряженные бои на земле и в воздухе.

От зари до темна штурмовики корпуса вели разведку, уничтожали на поле боя танки, подавляли артиллерию врага.

Эскадрилья старшего лейтенанта Т. Бегельдинова, выделенная в этот период для разведки, постоянно барражировала над вражескими позициями.

...Смеркалось, когда ведущий заметил в своем квадрате на двух дорогах движение танков и мотопехоты. По самым скромным подсчетам, "тигров" двигалось штук сто пятьдесят, да еще около двух полков пехоты. Шли они к линии фронта.

Доложив обстановку, Бегельдинов услышал в наушниках голос генерала Рязанова:

- Проверь еще раз. Работай спокойно... Какое уж тут было спокойствие! Зенитки прямо взбесились. Маневрируя, комэкс

резко сменил скорость и высоту. Повторив донесение, попросил к прилету на аэродром подготовить группу.

К возвращению Бегельдинова штурмовики к заданию были готовы. Бомбы подвешены, пушки заряжены, летчики и стрелки ожидали в кабинах.

...Колонны, не меняя курса, двигались, окутанные густой пылью.

Пикирование, сброс бомб, огонь из пушек и пулеметов... и танки замедлили ход, остановились, пехота залегла по обочинам.

Группа сделала еще несколько заходов - пыль перемешалась с дымом. Тусклые языки пламени поползли по броне нескольких "тигров".

Боеприпасы были уже на исходе, но тут подошла новая эскадрилья...

Посадив машину, Бегельдинов заторопил оружейников, чтобы те, не мешкая, снаряжали новую группу. Авиаспециалистам помогали летчики и воздушные стрелки. И снова взлет. Из "илов" выжималось все, на что они были способны. Быстрее к цели...

Тогда, находясь на наблюдательном пункте 6-го гвардейского танкового корпуса, я увидел потрясающую картину истребления фашистских танков. Вокруг нас на поле пылали "тигры" и штурмовые орудия, чернели обгоревшие остовы уже подбитых машин. Это были последствия работы наших тяжелых танков, артиллерии и штурмовиков.

Уже после войны, на одной из традиционных встреч ветеранов корпуса, Талгат Якубекович Бегельдинов показал аэрофотоснимки местности. Даже несведущий человек мог бы определить, что к чему. Сколько тогда набили мы этого бронированного зверя!

...Помню, на стоянку зарулил лейтенант Коптев. Товарищи окружили его. После дружеских похлопываний по плечу посыпались вопросы: "Что видел? Как прошел полет?"

- С эшелонам столкнулся, - вытирая разгоряченное лицо, ответил Коптев. - Вижу, не разойдемся - дорога узкая. Поезд к станции подходил. Почти все вагоны крытые. Снизился до бреющего, поймал локомотив в прицел. Здорово рвануло! Похоже, боеприпасы. По моему мнению, ремонту не подлежит...

Ожесточенные бои развернулись в районе Стопницы, где противник крупными силами танковых частей атаковал боевые порядки 5-й гвардейской армии. Когда гитлеровцы вклинились в расположение наших войск, генерал С. А. Красовский срочно связался с Рязановым и приказал ему сорвать атаку противника.

В воздух поднялась дежурная группа штурмовиков во главе с командиром 141-го гвардейского полка капитаном А.

Компанийцем.

Отмечу, что полк этот использовался у нас именно в экстренных ситуациях, как пожарный. Когда обстановка требовала решить какую-либо сложную безотлагательную задачу, выбор падал именно на этот боевой коллектив. Сам Компанией, был по характеру весьма импульсивным, с мгновенной реакцией на изменение боевой обстановки, и эта черта командира как бы передавалась всему летному составу.

Признанные мастера штурмовых ударов М. Одинцов, Н. Столяров, А. Глебов, обнаружив танки, с ходу принялись обрабатывать цель. Повторными атаками штурмовики нанесли большие потери противнику и сожгли до 15-ти "тигров".

Командующий 6-й гвардейской армией всем летчикам и воздушным стрелкам объявил благодарность, капитан А. Компанией был награжден именными часами.

Утром командир корпуса приказал штурмовикам нанести удар по танкам, которые противник выдвинул в район Кобыляны, Сташув. Несколько девяток "илов" пересекли Вислу и устремились на северо-запад. Туда, где поле битвы окутал дым и с трудом просматривались пятна опаленной взрывами земли.

Группа "ильюшиных", ведомая командиром 143-го гвардейского авиаполка майором С. Е. Володиным, преодолевая зенитный заслон, попала в довольно трудное положение. Тактика вражеских зенитчиков была давно известной: сбить в первую очередь флагманскую машину. Потому-то немцы и сосредоточили на Володине шквальный огонь. Вздвогнув, штурмовик-флагман стал валиться вправо. По переднему бронестеклу потекло масло, и летчику пришлось ориентироваться через боковые форточки. Передав управление группой своему заместителю, Володин попытался уменьшить снижение, но самолет неудержимо тянуло к земле. Гитлеровцы прекратили стрельбу, считая, что штурмовику пришел конец. Все-таки командир полка дотянул до наших траншей и, не выпуская шасси, сел на "брюхо".

Соскочив с плоскости, летчик сразу же попал в объятия окруживших его артиллеристов.

Генерал Рязанов, узнав, что командир полка приземлился удачно, повеселел.

Его радость была нам понятна: в эти тяжелые дни корпус понес невосполнимые потери...

Боевая работа шла своим чередом. Шесть экипажей срочно были вызваны на полковой командный пункт. Начальник штаба 144-го гвардейского авиаполка подполковник Е. Иванов отдал приказ: "Произвести штурмовку колонны автомашин на дороге Подлесье - Опатув. Группу возглавляет капитан Пошивальников".

...«Ильюшины» набрали высоту и пошли плотным строем. Под крылом виднелись села, хутора, реки, овраги и перелески. Привычная для авиаторов картина. Никто из ребят не предполагал, что для их командира эскадрильи и его воздушного стрелка сержанта А. Тазанова этот вылет - последний.

Самолет ведущего плавно сменил курс и высоту, то же провели и остальные. Это был обычный противозенитный маневр. Значит, до линии фронта не более двух километров. А вот и цель - длинная вереница автомашин, в основном большегрузных, крытых тентами.

Один за другим «илы» с резким разворотом вошли в пикирование, и огненные трассы пуль и снарядов, перекрещиваясь, потянулись к земле. Удар был настолько неожиданным для противника, что он не успел даже рассредоточиться по обочинам.

- «Сокол»! Осмотри дорогу дальше на запад, - поступил приказ ведущему с КП полка.

Штурмовики набрали высоту. И вдруг над самолетом Пошивальникова образовались четыре шапки разрывов. Штурмовик сначала как-то неестественно задрал нос, затем резко вошел в отвесное пикирование. Лейтенант М. Коптев, чуть отставший от группы из-за перегрева мотора, увидел, как стремительно понесся к земле объятый пламенем штурмовик командира.

Весть о гибели Степана Демьяновича Пошивальникова потрясла всех в корпусе. Он был прирожденным асом, человеком большой души, отзывчивым и удивительно скромным, несмотря на то что грудь его украшали Звезда Героя Советского Союза, два ордена Красного Знамени, ордена Суворова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Отечественной войны 1-й и 2-й степени. Из рассказов товарищей я узнал, что в начале войны, в боях под Киевом, сержант Пошивальников был тяжело ранен, врачи вынесли ему суровый приговор: к летной работе не годен. Но Степан возвратился в боевой строй и со временем стал выполнять очень сложные и ответственные задания командования полка, дивизии и корпуса.

Отправляя похоронку в Керчь матери Героя - Матрене Николаевне Пошивальниковой, мы понимали, сколь тяжело ее горе. Три сына было у Матрены Николаевны: один пропал без вести, второй погиб в Чехословакии, Степан был третьим...

Вот что написал мне в послевоенные годы Н. Мещеряков, бывший воздушный стрелок 144-го гвардейского штурмового авиаполка.

«...В грозном боевом небе все равны. Чины и звания на

крыльях самолета не значатся, но был один человек, перед памятью которого я буду всегда склонять голову. Это мой командир эскадрильи Степан Демьянович Пошивальников - удивительно простой украинский парень, храбрый до безумия летчик, обретший крылья в знаменитой Качинской авиашколе. Поднимаясь в небо вместе с ним, я понял, что нет предела мужеству и героизму советского человека, когда он защищает от врагов святая святых - свою любимую Отчизну".

В подтверждение этой мысли приведу такой факт. ...В районе Кобыляны девятка "илов" во главе со старшим лейтенантом Н. Киртоком после уточнения задачи с КП корпуса сделала левый круг и изменила курс. Следовало найти район, где вражеские танки сосредоточивались на подходах к нашим позициям. Главное было сорвать их атаку, не допустить к окопавшейся пехоте и позициям артиллеристов.

Наблюдая воздушную сферу слева, ведущий обнаружил, что в боевом порядке идет... десятый "ил", кок {28} винта его был окрашен в красный цвет. По радиации старший лейтенант запросил незнакомца:

- "Горбатый" с красным носом, ты чей? Тот молчал. Старший лейтенант Кирток знал, что бывали случаи, когда летчики, оторвавшись от своих, примыкали к соседним группам для выполнения задания. Идет так идет...

Обнаружив танки и пехоту гитлеровцев, "ильюшины" сделали семь заходов и сожгли три "коробки".

Как смерч носился "красноносый" над полем боя. Смело, даже рискованно атаковал цели. В огненной круговерти никто не увидел, что послужило причиной решения экипажа послать штурмовик в скопление "тигров" и бронетранспортеров. Там, где упала машина, вырос огромный столб пламени...

Первым на аэродром сел старший лейтенант Кирток, за ним - Пушкин, Маркушин, Драченко, Полукаров, Гайдаш, Григоренко...

Доложив генералу Рязанову о результатах боя, ведущий рассказал о гибели незнакомца.

Как потом выяснилось, десятым в группе оказался командир 8-й гвардейской авиадивизии подполковник Алексей Степанович Фетисов, вылетевший для контроля действий штурмовиков. Геройски погиб и его воздушный стрелок старшина Л. Соленко.

На очередном сборе командиров дивизий и полков Василий Георгиевич вынужден был напомнить об оправданности и разумности риска. "Самим уточнять обстановку и контролировать инкогнито своих подчиненных, думаю, не стоит..." - сказал он.

18 августа 1944 года наши войска овладели Сандомиром - важным опорным пунктом на левом берегу Вислы. В

ознаменованное этим событием многие части и соединения - наземные и воздушные - стали именоваться "Сандомирскими".

Этого звания были удостоены 141-й и 142-й гвардейские штурмовые авиационные полки, а также гвардейские истребительные - 152-й и 153-й.

Гитлеровцы сделали еще одну отчаянную попытку ликвидировать плацдармы в районе Баранув, Магнушев, оттеснить наши войска, бросив в бой несколько танковых групп, в составе которых были хваленые "королевские тигры". Уверенные в их неуязвимости, фашисты считали, что эти машины помогут создать в войне перелом, окажут неотразимое психологическое воздействие на наших воинов.

Но, как показали события, "титированные" машины горели не хуже обычных. Позже один из "королевских тигров" "украсил" Выставку трофейного оружия в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького.

Исходя из сложившейся обстановки, командир корпуса ввел в действие против гитлеровцев 108 "ильюшиных". Штурмовая группа действовала под прикрытием 24 истребителей. Объединенными силами руководил командир 155-го гвардейского авиаполка подполковник Г. Чернецов.

Достигнув цели, первая группа "илов" сбросила дымовые бомбы, и экипажи произвели атаку.

20 танков, 6 бронетранспортеров и более 30 машин с пехотой - такова была плата гитлеровцев за еще одну попытку проверить наши войска на прочность на одном из участков плацдарма.

Эффективно действовали и штурмовики из 140-го гвардейского авиаполка. Девять экипажей под командованием капитана А. Девятьярова при подходе к населенному пункту Лисув получили уточненную задачу. По радио генерал Рязанов передал ведущему, что южная и восточная окраина Лисува занята нашими частями, а северная и западная - в руках у противника.

Помню напутствие комкора.

- Заходи курсом триста двадцать градусов и атакуй противника. Смотри внимательно, действуй там аккуратно...

Летчики группы бомбили и расстреливали неприятеля буквально в нескольких метрах от позиций нашей пехоты, проходили прямо над ее головой.

...Наступило длительное ненастье. В небе клубились дождевые тучи, землю то и дело окутывали туманы.

Несмотря на сложные погодные условия, корпус вел разведку, прикрывал войска от нападения с воздуха и наносил удары по живой силе противника, его технике и транспортным средствам,

препятствуя подтягиванию резервов к фронту, затрудняя перегруппировку войск.

Боевой вылет, о котором пойдет речь, во всей деятельности корпуса считаю одним из самых уникальных. Дело в том, что противник на станции близ Кельце скопил огромное количество эшелонов с боевой техникой, боеприпасами, горючим. Любой ценой нужно было вывести из строя станцию, уничтожить все, что сюда подтянул противник.

...День был на исходе, когда посыльный срочно вызвал в штаб капитана М. Одинцова, штурмана 155-го гвардейского авиаполка. Доложив о прибытии, он подошел к столу, за которым над картой склонился подполковник Г. Чернецов.

Прочертив карандашом на крупномасштабной карте прямую линию, Чернецов остановил его острие над обведенным кружком.

- Это узел снабжения гитлеровцев, которые противостоят нашим частям на северном и северо-западном участках сандомирского плацдарма. Днем сюда уже ходили и полбинцы, и штурмовики из восьмой дивизии, но напоролись на сильнейший огонь зениток. Станцию постоянно прикрывают "мессеры", и она, проклятая, работает. Как доложила разведка, там скопилось огромное количество эшелонов. Приказ такой; немедленно ударить. Ты понимаешь, немедленно! Звонил генерал Рязанов, сказал, что отбой будет только тогда, когда станция взлетит на воздух.

Штурмовики ночью, как известно, летали очень редко.

- Пойдешь с эскадрилей, - продолжал подполковник. - Долбануть эту станцию стоит через десять-пятнадцать минут после захода солнца... В группу набирай Добровольцев. Экипажей восемь. Постарайся взять в основном летчиков из своей эскадрильи. Не хватит - возьми из другой...

Пилоты были в сборе, в затылок им стояли воздушные стрелки.

Коротко объяснив обстановку, майор Одинцов взглянул на часы и повернулся к инженеру:

- На машины подвесить по три фугасных бомбы и по три зажигательных. Взрыватели мгновенные. Тщательно проверить ночное оборудование. По согласованию с командиром вылет через сорок пять минут... А теперь добровольцы - два шага вперед!..

Капитан Одинцов вел уже штурмовики к Висле, когда исчезла светлая полоска заката, и ночь быстро окутывала все вокруг густым, непроглядным мраком. Управление эскадрилей визуальным способом осложнилось,

Через плацдарм идти было рискованно. Обойдя его

восточнее, майор развернул эскадрилью на запад. Вскоре группа пересекла линию фронта. Было тихо, спокойно...

- Включить верхние навигационные огни, - приказал ведущий экипажам. - В кабинах убавить свет. Под нами чужая территория.

До цели - полсотни километров. Из темной кабины земля просматривалась лучше. Сейчас самое главное было - не проморгать шоссе и железную дороги, идущие параллельно с севера на юг. Они-то и выведут группу на узловую станцию.

Наконец Одинцов заметил ориентиры и повернул на цель. После разворота группа шла со снижением, обороты мотора не меняла. Ведущий постепенно подтягивал экипажи, зная, что через пять километров - а это минута полета станция. Теперь "илы" летели курсом со стороны немецкого тыла к фронту. Если все рассчитано правильно, гитлеровцы не успеют открыть стрельбу, приняв их за своих. А потом уже будет поздно!

Одинцов вел "ильюшин" так, чтобы станция оставалась сбоку. При этом можно было раньше увидеть цель и точнее определить время доворота до нее, а также перевести группу в пикирование.

Вот только прожекторы не испортили бы все дело... При пикировании они опаснее пушек и пулеметов - бьют лучами прямо в кабину.

Станция была видна в отдалении, когда на северной и южной ее окраинах вспыхнули прожекторы, а впереди по курсу штурмовиков засверкали вспышки разрывов зенитных снарядов. Машины сделали доворот и свалились в пике. Различив в отсвете прожекторов расходящиеся нити рельсов, Одинцов понял, что перед ним входные стрелки и решил разбить их.

- Приготовить снаряды! Бьем! - раздалась команда ведущего в радионаушниках ведомых. Но тут самолет Одинцова охватило пламя.

Неожиданный залп, по-видимому, повредил прожекторные установки. Свет погас, и огонь зениток прекратился. Воспользовавшись растерянностью гитлеровцев, Одинцов вывел группу из пикирования в горизонтальный полет и повернул ее вдоль путей, буквально забитых эшелонами. Экипажи сбросили бомбы. На станции возникла паника.

Помнится нервная обстановка на КП корпуса в ту ночь. По аэродрому метался генерал Агальцов, то и дело спрашивал Чернецова, есть ли связь с группой.

Пошел дождь, от света пускаемых ракет темнота казалась еще гуще. На летном поле вспыхнули костры. Уже давно вышло время, но экипажей не было... Капитан Одинцов с эскадрилей подходил к Висле, фонари на всех машинах открыты - шел сильный дождь и видимость была нулевая. Попытки установить связь с

командиром полка оказались тщетными. Тогда ведущий решил идти на север. Если через пятнадцать-двадцать минут аэродром не будет найден, придется садиться вдоль восточного берега реки на воду. Так диктовала безвыходность положения.

Когда ведущий в последнюю минуту увидел впереди блеск ракеты, решил привиделось. Но через несколько секунд небо озарилось вновь. Сомнения рассеялись - аэродром. Стреляют свои.

Садился Одинцов первым, затем уже со своей машины по рации помогал приземляться другим экипажам.

Когда все штурмовики собрались на стоянке, Михаил сердечно поблагодарил сержанта-финишера, который выручил их из беды.

Оказалось, что группа села на одном из аэродромов... 1-го Белорусского фронта.

О дерзком ночном штурме вражеской станции, проведенном под командованием Героя Советского Союза М. Одинцова, немедленно доложили командующему Фронтом маршалу И. С. Коневу. Вскоре мы в дивизии уже готовили новое представление на Михаила - ко второй медали "Золотая Звезда".

Весь месяц наземные войска, а с ними и летчики корпуса, сдерживали ожесточенные контрудары фашистов. Позднее Маршал Советского Союза И. С. Конев отметит, что сандомирский плацдарм отстояла авиация.

29 августа Львовско-Сандомирская операция завершилась. Войска 1-го Украинского фронта освободили от гитлеровских захватчиков западные области Украины и юго-восточные районы Польши, захватили важный плацдарм на Висле, нацелились на берлинское стратегическое направление, одновременно ведя бои левым крылом в предгорьях Карпат.

Обстановка сложилась так, что потребовалось принять срочные меры по оказанию братской помощи национальному вооруженному восстанию словацкого народа.

Новая, непредвиденная операция готовилась в короткие сроки. В то же время войска нуждались в отдыхе и пополнении - позади были полтора месяца напряженных, кровопролитных боев.

Своеобразие подготовки было в том, что войскам - как наземным, так и авиации - предстояло действовать в горах. Опыта войны в горной местности не имели ни командиры, ни штабы.

Что представляют собой Восточные Карпаты? Это горная цепь, во многих местах покрытая густыми лесами, протянувшаяся с северо-запада на юго-восток. Противник здесь оборудовал первую и частично вторую позиции на выгодных в тактическом отношении высотах и в укрепленных крупных населенных

пунктах. Оборона готовилась на большую оперативную глубину. Гитлеровцы стремились закрыть нашим войскам все подступы к горным перевалам и надежно перекрыть основные дороги: Ясло - местечко Дукля - Тылява. Особенно сильно был укреплен Дуклинский перевал, вблизи которого имелось много дотов и дзотов. Широко использовались неприятелем и минно-взрывные заграждения - "сюрпризы" из мин и фаустпатронов.

Вся тяжесть подготовки операции выпала на долю 38-й армии генерала К. С. Москаленко, для поддержки которой выделялись истребительный и штурмовой корпуса.

Приведу распоряжения командующего войсками 1-го Украинского фронта генерала И. С. Конева.

- Наступление в Карпатах надо поддержать основными силами авиации.

Как известно, 38-ю армию генерала К. С. Москаленко поддерживала часть сил 2-й воздушной армии, 1-ю гвардейскую генерала А. А. Гречко - часть сил 8-й воздушной.

Карпатско-Дуклинская операция началась в первых числах сентября. После артподготовки и ударов авиации главные силы 38-й армии прорвали оборону и в течение дня продвинулись вперед в направлении Дуклинского перевала на 12 километров. Гитлеровцы перебросили в этот район три дивизии, и последующие бои приобрели затяжной характер. Ввод в сражение трех корпусов, в том числе 1-го Чехословацкого, не изменил положение. Тогда командующий фронтом сосредоточил в полосе наступления 38-й армии 4-й гвардейский и 31-й танковые корпуса, что обеспечило перелом в борьбе на главном направлении.

Противник ставил своей целью не допустить советские войска и Чехословацкий корпус к шоссе Ясло - Змигруд - Новы-Дукля, так как это была единственная рокадная дорога в Восточных Бескидах, связывающая вражескую группировку перед левым крылом нашего фронта с группой войск "Северная Украина".

При поддержке штурмовиков корпуса 1-я кавалерийская дивизия (1-го гвардейского кавалерийского корпуса), действуя совместно с 20-й моторизованной бригадой, нанесла врагу тяжелые потери (в районе Дроганова) и вышла к шоссе Змигруд - Новы-Дукля.

А в ночь на 11 сентября части 1-го Чехословацкого корпуса генерала Л. Свободы заняли высоту 534,0, господствующую над всей долиной, по которой проходило оперативно важное шоссе.

Противник несколько раз контратаковал, пытаясь отбросить наши части от дороги.

Примерно в полночь на КП 141-го штурмового авиаполка

раздался звонок. Его командиру майору А. Компанийцу было приказано срочно прибыть к командующему Фронтом. Вскоре знакомый У-2 приземлился на опушке леса, в заданном квадрате. Линия фронта проходила рядом, в каких-то полутора километрах вниз по ложине, и при свете ракет и трассирующих пуль просматривалась хорошо.

Алексей Петрович, естественно, волновался - не каждый командир полка мог попасть к маршалу Коневу.

Здесь Василий Георгиевич Рязанов представил майора командующему, и тот сразу же поставил задачу: в районе высоты 534,0 нужно было помочь чехословацким частям отбить контратаки немцев и дать им возможность выйти к своей границе. Маршал показал на карте, где располагаются наши войска и части противника, какие из его огневых средств нужно подавить, в каких квадратах больше всего сосредоточено танков и артиллерии.

Тщательно изучив местность, привязав цели к видимым с воздуха ориентирам, майор Компаниец убыл на свой аэродром.

По распоряжению генерала Рязанова к его возвращению экипажи и машины были подготовлены для вылета. Выслушав доклад командиров эскадрилий и поставив задачу летчикам и воздушным стрелкам, майор Компаниец повел группу на задание.

До цели летели в строю правым пеленгом. Над "илами" барражировала четверка истребителей прикрытия старшего лейтенанта И. Ключко.

Позиции одной из вражеских батарей находились в глубине оборонительной полосы немцев. Густой низкий кустарник скрывал их от наблюдения с воздуха.

Появившись над целью, штурмовики сделали холостой заход: это позволило, во-первых, хорошо рассмотреть расположение полевых орудий и, во-вторых, выявить зенитные батареи противника.

Во время холостого захода по штурмовикам ударили зенитные орудия, расположенные на значительном удалении друг от друга.

Майор Компаниец приказал ведомым расширить круг, чтобы при втором заходе одновременно держать под воздействием и полевые орудия, и зенитки.

Вслед за ведущим вражеские позиции атаковали и остальные экипажи. Удар наносился с тыла. В каждом заходе летчики сбрасывали по одной бомбе, а на пикировании использовали огонь пушек и пулеметов.

Дополнительно просматривая местность после каждой атаки, штурмовики обнаружили на северной опушке леса танк,

минометную батарею и до взвода пехоты. Обработали и эти цели.

Всего группа произвела семь заходов, полностью уничтожила батарею и взорвала замаскированный штабель боеприпасов. Кроме того, в районе оружейных позиций штурмовики сожгли две машины с грузами и подавили огонь зениток.

Через несколько минут вторую вражескую батарею полевых орудий "утюжили" уже штурмовики старшего лейтенанта О. Чечелашвили...

Исключительно трудный воздушный бой в этот день провели штурмовики корпуса и истребители прикрытия с группой "мессершмиттов" и "фоккеров".

Вот как писала об этой схватке армейская газета "Крылья победы":

"Шестерка "ильюшиных", ведомая Героем Советского Союза гвардии лейтенантом Андриановым, под прикрытием истребителей гвардии капитана Харчистова вылетела на штурмовку танков и артиллерийских позиций противника.

Штурмовики над целью. В тот момент Харчистов передал Андрианову:

- Меня атаковали четыре "мессершмитта".

Искусный маневр Харчистова опрокинул замысел неприятеля. Ведущий одной пары немцев оказался впереди самолета Харчистова. Меткая очередь советского летчика - и "мессершмитт" загорелся.

Одновременно на Андрианова напала еще одна четверка Me-109. Совместными ударами воздушные стрелки и пара наших истребителей отбили от немцев.

Штурмовики стали над целью в круг и принялись обрабатывать ее бомбами, пушечно-пулеметным огнем. Немецкие истребители, действуя в одиночку, попытались подловить штурмовики при выходе из атаки.

Но и эта тактика немцев не дала положительных результатов. Атаки их отбивались успешно. На самолет летчика Куракина набросилась пара "мессершмиттов". Первой же очередью воздушный стрелок Мамонтов сбил ведущего. В это время его ведомого взял на прицел вышедший из атаки гвардии младший лейтенант Гусев. В результате точного попадания третий вражеский самолет рухнул вниз.

К полю боя подошли четыре ФВ-190. Четверке наших истребителей пришлось теперь вести бой на высоте 2000 метров с четырьмя ФВ-190 и двумя Me-109. Однако инициативу боя наши летчики не выпускали из рук. Гвардии старший лейтенант Куценко сбил четвертый вражеский самолет, вслед за ним пятого фашиста свалил гвардии младший лейтенант Макаров...". {29}

Пожарный полк, как мы его называли, успешно выполнил приказ командующего фронтом, помог чехословацким частям отбить более пяти атак гитлеровцев.

...Когда по докладам разведчиков стало известно, что в районе местечка Дукля расположился штаб танковой части гитлеровцев, уничтожить его вызвался штурман 140-го гвардейского авиаполка майор Н. Горобинский.

Посоветовавшись, авиаторы решили прибегнуть к хитрости.

Группа подошла к объекту, и небо вокруг него сразу покрылось густыми шапками зенитных разрывов. Штурмовики пронеслись мимо, оставив только одну машину - лейтенанта И. Драченко. Переваливаясь с крыла на крыло, он тянул за собой длинную черную ленту - это летчик привел в действие дымшашку, имитировал попадание в самолет зенитного снаряда. Убедившись, что этот штурмовик уже отлетелся, зенитчики перенесли свой огонь на другие машины.

Отвлекающий маневр удался. Драченко набрал высоту, перевел самолет в стремительное пикирование и ударил по штабному зданию эрсами. Другие экипажи, сделав заход, сбросили на цель бомбы. Штаб был разбит, от прямых попаданий бомб сгорели и несколько штабных машин с антеннами, мотоциклы охранников.

В эти дни полностью раскрылся талант воздушного снайпера и разведчика из 144-го гвардейского полка лейтенанта А. Расницова.

...Его машина упрямо шла сквозь зенитный огонь в сторону чехословацкой границы. Там в одном из районов было замечено движение танков противника. Следовало точно установить их сосредоточение. Ведомый Расницова лейтенант Захаров летел за командиром, будто привязанный невидимой нитью.

Лейтенант Расницов прижался к земле и несколько раз прошел над рощами, но враг молчал, словно его и не было. По времени уже пора было возвращаться, но тут Анатолий все же обнаружил едва заметный след.

- Похоже, что кто-то тащил деревья, заметал следы ветвями, - объяснил Расницов напарнику свою догадку. - А ну-ка, развернемся, проверим наши подозрения.

Набрав высоту, "илы" стремительно ринулись на штурмовку и сбросили бомбы на рощу. В ту же секунду небо покрыли серовато-бурые облачка разрывов, во все стороны брызнули снарядные осколки.

Сообщив разведданные на командный пункт, ведущий вызвал подмогу, а сам провел новый заход.

Но что это?.. За хвостом машины ведомого тянулся шлейф

дыма, густел на глазах.

- Прямое попадание, - сообщил ведомый.

- Попробуй набрать высоту, тяни к своим! - приказал по рации Расницов.

Кое-как пересекли линию фронта. Машина Захарова кренилась, ее неудержимо тянуло к земле.

- Прыгай! Немедленно... Приказываю! - распорядился Расницов, но ведомый почему-то медлил, по-видимому, его ранило.

Последнее, что увидел Анатолий, была попытка Захарова открыть фонарь. Сделать это летчик не смог. Самолет резко клюнул носом, пошел вниз и врезался в землю...

Вот так, случалось, горели наши гордые краснозвездные машины, а в них гибли мои дорогие товарищи, что еще вчера, сегодня, час или два назад шутили, смеялись, пели песни, писали письма родным, любимым, жили мечтой о скорой встрече с ними, о победе...

Мне не раз приходилось докладывать командиру корпуса о потерях в личном составе, и он весьма остро переживал каждую скорбную весть.

Выслушав мой доклад о гибели замполита 155-го гвардейского штурмового авиаполка подполковника С. Мельникова, Рязанов отвернулся, чтобы скрыть повлажневшие глаза. Я понимал, зная железную волю и выдержку командира, как тяжело у него на душе.

Это случилось 13 сентября. Кавалер ордена Александра Невского подполковник Мельников повел группу штурмовиков в район Змигруд-Новы. Огонь зенитных батарей был настолько плотным, что, казалось, не было клочка в тебе, которое не прошивали бы снаряды. И все же экипажи выполнили свою боевую задачу. Но экипаж Мельникова не вернулся домой. Его "ил" был сбит прямым попаданием снаряда и врезался в землю...

Фронтовые политработники... Они всегда были четью, совестью, душой сражающихся частей и подразделений. Их беззаветное мужество, стальная выдержка, неиссякаемая вера в победу являлись ярким примером как для коммунистов, так и для беспартийных.

В известной книге Олесь-Гончара "Знаменосцы" есть замечательные слова о политработнике: "Он... будто мать в семье. Естественно, что мать должна всех утешать, выслушивать, лечить, наказывать и пестовать, сама никогда не сваливаясь с ног. Она до того привычная и родная, что ее не всегда и замечаешь, и только когда ее не станет, сразу поймешь, что она значила..."

Гибель Мельникова - война исключительной храбрости и

человека замечательного сердца - потрясла всех нас.

Прошли годы. Но память о боевом побратиме сохранилась в сердцах соратников. Ветеран войны Михаил Петрович Одинцов, будучи уже генерал-полковником авиации, дважды Героем Советского Союза, заслуженным военным летчиком СССР, вспоминал в одной из своих публикаций: "Никакими формами, никакими предписаниями и правилами невозможно искусственно заменить влияние личности. Довелось, друзья, и мне за время службы в авиации встречать людей, оказавших огромное влияние на мое становление. Одним из них был заместитель командира нашего полка по политчасти гвардии подполковник Сергей Фролович Мельников. Умудренный летчик, он учил нас словом и делом. Был немногословен и, когда случалось оказываться в тяжелых условиях, говорил: "Знаю и вижу, что трудно. Но - надо! Будешь делать, как я. Полетим вместе...". {30}

...Над степью кружила метель. Лишь изредка сквозь ее густую сетку проглядывала земля. Внизу поблескивало изувеченное взрывами железнодорожное полотно, чернели развалины станции, а дальше - белела голая равнина, кое-где покрытая редким кустарником. Штурмовик шел вдоль шоссе на бреющем, экипаж цепко просматривал каждый метр местности. А вот и танковая колонна. Не заметить ее было нельзя.

Майор Я. Зак, оценив обстановку, решил штурмовать танки с бреющего. Вниз полетели бомбы, колонна застопорила ход. "Ил" ведущего круто набирал высоту, когда вслед ему понеслись с земли огненные шары. Несколько снарядов догнали "ильюшин", и он загорелся. Пламя лизало остекление фонаря, мотор отдавал последние силы. Еще несколько километров, а там передовая, свои...

Машина какое-то время держалась в горизонтальном полете, потом резко пошла на снижение. "Ильюшин" скользящим ударом зацепился за землю, пополз по кустарнику и остановился.

О том, как развивались события дальше, впоследствии рассказал нам воздушный стрелок, которому помогли отбиться от врага пехотинцы.

Фашисты окружили самолет. При прорыве сквозь огненное кольцо майор был ранен в живот, но отстреливался до последнего вздоха.

Когда стрелковый батальон, перейдя в атаку, выбил немцев из поселка, вблизи которого сел израненный штурмовик, пехотинцы нашли тело погибшего замполита майора Зака Яна Исаевича.

Фашистские мародеры сняли с него реглан, забрали боевые награды...

Дорогую цену платили мы за каждую пядь сандомирского плацдарма.

14 сентября, выполняя задание в районе Теодорувки, не вернулся с боевого вылета замполит 140-го гвардейского штурмового полка майор В. Константинов со своим воздушным стрелком сержантом Д. Шелопутиным...

Как правило, рабочее место Василия Андреевича Константинова в штабе всегда пустовало - он приходил, когда подпирали бумажные дела, почти все время летал, бывал на самых опасных участках. В полку глубоко переживали гибель своего замполита - Человека с большой буквы, мужественного коммуниста, исключительно душевного и обаятельного боевого друга.

Не могу не рассказать о героической судьбе комиссара 1-й эскадрильи этого же полка П. Битюцкого. В одном из боев его звено прикрывало группу бомбардировщиков. На маршруте и при подходе к цели экипажам пришлось преодолеть невиданный шквал заградительного огня и отбиваться от фашистских истребителей. Звено выполнило задание, но машина комиссара не вернулась. Летчики видели, как политрук, отсекая "мессеры" от бомбардировщиков, ринулся в лобовую атаку на стервятника и победой завершил свой последний бой. Неотвратимый таранный удар настиг фашиста, когда тот попытался уйти на запад.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Петру Семеновичу Битюцкому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Любовь к Родине, преданность Коммунистической партии и жгучая ненависть к фашизму - в этом сплаве была сила и величие наших полковых замполитов П. Полякова, М. Ушакова, Н. Сопельняка, В. Макурина, В. Меркушева, Г. Петренко, И. Кузьмичева, М. Лебеда, Т. Оничка, В. Елифанова... Проводя в частях партийно-политическую работу, они наравне со всеми ходили на штурмовки, сражались с врагом в воздухе. Из всех человеческих прав эти люди высокой партийнойковки превыше всего ставили право быть впереди, иными словами право быть там, где всего опаснее и труднее, где не обойтись без пламенного комиссарского сердца.

...С целью оказания помощи словацким повстанцам, командующий фронтом ввел в прорыв 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В. К. Баранова. Конники вошли в брешь шириной в два километра между деревнями Лыса-Гура и Глойсце.

К сожалению, корпус двигался довольно медленно. Узость участка прорыва, наличие хорошо оборудованных и

замаскированных огневых точек противника привели к тому, что кавалерийские соединения не смогли провести за собой танки, артиллерию, самоходные установки. Туго обстояло дело и с боеприпасами.

Отдельные части кавкорпуса пересекли польско-чехословацкую границу, вступили на территорию Словакии, и тут положение их осложнилось. Гитлеровцам удалось закрыть прорыв, и кавалеристы оказались отрезанными от главных сил 38-й армии. Противник с тыла нажимал на корпус и перекрывал пути его движения. Оперативная радиосвязь временами нарушалась, и район боевых действий корпуса не был известен командованию фронта.

Исправить положение могла только авиация. Штурмовикам приходилось вылетать на разведку, искать затерявшиеся части генерала Баранова, доставлять им по воздуху боеприпасы и продовольствие. Одновременно летчики вели борьбу с гитлеровцами, которые засели в дотах и дзотах. Их "тигры" и "пантеры" рассредоточились на всех танкоопасных направлениях в ущельях, зенитные установки располагались на высотах.

Летчикам по несколько раз приходилось вылетать в один и тот же район, чтобы уничтожить минометную батарею, гаубицы или пулеметы, преграждавшие путь пехоте, артиллерии, танкам. Очень часто туманы снижали возможность поражения цели с воздуха, и авиаторы работали с предельным напряжением.

...Квадрат за квадратом обследовали лес в семидесяти километрах от Кросно экипажи Н. Кукушкина и В. Ермолаева. При пересечении линии фронта они были встречены зенитным огнем, и только здесь, над лесными массивами, под прикрытием истребителей Г. Мерквиладзе, почувствовали себя в безопасности и могли спокойно вести наблюдение. Земля сверху сквозь кроны деревьев почти не просматривалась, сплошная зелень с желтизной утомляла зрение. Но разведчики продолжали поиск...

Вскоре Ермолаев засек дымок, сделал вираж над самыми верхушками деревьев и увидел группу людей с лошадьми. Сомнений не было - обнаружены кавалеристы генерала Баранова.

Заметив место их нахождения, летчики поспешили на аэродром. По радиации ничего не докладывали - таков был приказ командира полка.

На аэродроме в Кросно штурмовикам подвесили под плоскости десантные мешки на бомбодержатели, и машины вырулили на грунтовку. Взлет оказался довольно сложным: груз создавал дополнительное сопротивление, увеличивал разбег самолета. Поднялись благополучно - и прямо в квадрат. А через четверть часа парашюты уже висели на деревьях, мешки

подбирали конники.

Убедившись, что все в порядке, "илы" сделали над точкой выброса вираж и ушли домой. При возвращении экипаж Ермолаева в районе Крынице увидел в долине скопление немецкой пехоты. Летчик открыл по ней пушечно-пулеметный огонь с передней полусферы, а стрелок сержант Тимченко, как говорят, поддавал жару при выходе из атаки.

"Воздушный мост" заработал. Штурмовики за короткий срок сбросили кавалеристам десятки мешков с боеприпасами, продовольствием, фуражом, питанием для раций, медикаментами.

Кавалерийский корпус генерала В. К. Баранова вскоре пробился из окружения и соединился с частями 38-й армии, которая все больше втягивалась в напряженные бои с противником.

Особенно усложнились задачи танкистов - сказывалось преимущество обороны противника в горной местности. Не имея пространства для маневра, танки попадали в засады, подрывались на минах, их били прямой наводкой хорошо замаскированные орудия. Прошедшие специальную подготовку, немецкие егеря действовали коварно и хитро.

Естественно, танкисты жаловались и на авиаторов, теряя свои боевые машины.

Как-то в полдень, когда исчезают тени от горного рельефа, я поднял шестерку штурмовиков с целью проконтролировать действия одного из ведущих групп, его умение находить цель и подавлять ее.

Старший группы привел экипажи в заданный район, построил в замкнутый круг и пикированием обозначил цель. Кто как, но я ее не заметил. Два самолета сбросили бомбы, но цель себя ничем не обнаружила. Тогда я приказал прекратить атаки и на втором холостом заходе увидел малозаметный выжженный сектор растительности. Похоже было, что именно здесь и стояло спрятанное орудие. После повторной атаки этого места картина прояснилась. Горели две автомашины и одна... пушка,

На разборе задания ведущий мне объяснил, что бил по наитию, по "наиболее вероятному месту", где могло бы стоять противотанковое орудие врага - ведь перед ним был участок дороги до одного километра, выгодный только для ведения огня прямой наводкой. Вообще-то доводы командира группы были обоснованны, хоть и не совсем. Бить все же нужно было наверняка.

В тот же день в штабе дивизии мы приняли строгое решение: самым тщательным образом вести разведку обороны противника

с воздушным фотографированием важных участков дорог. Что касается наших танков, то впереди их нужно пускать хоть небольшие группы штурмовиков, которые будут давить противотанковые пушки и выковыривать их из каменных укрытий.

Осуществляя боевые действия в экстремальных условиях, мы встретились с еще одним "сюрпризом": впервые за войну нас, парящих в воздухе, обстреливали не снизу, а сверху, так как вражеская артиллерия, в том числе и зенитная, расположилась на вершинах гор.

...Несколько минут лейтенант М. Коптев прощупывал взглядом перевалы и отроги гор, лощины, выющиеся нити дорог. Кругом царило какое-то первозданное спокойствие. Но вот одна из лощинок показалась летчику подозрительной. Позже он объяснил нам почему. Как-то неестественно выглядели кусты, к тому же из них торчали какие-то жерди. Очевидно, стволы танков...

И тут же в эфир полетело донесение с точным указанием ориентиров места скопления вражеской техники.

- Идем домой. Отсюда они никуда не денутся, - передал Коптев по радио своему ведомому М. Махотину. Разведчики развернулись курсом на свой аэродром.

И точно - уже на полпути они встретили девятку штурмовиков, возглавляемую старшим лейтенантом Ю. Балабиным...

Кто-то, а Юрий умел "выколупывать" этих бронированных скорпионов.

Через несколько минут лощину заволокло дымом, над серозелеными коробками забились рыжие огненные ленты...

Наступающие наземные части вплотную приблизились к деревне Гамры, расположенной вблизи высоты 718,0. Но преодолеть сопротивление противника не удалось. На склонах укрепились вражеская артиллерия.

И тогда по приказу командира корпуса к Гамрам вылетела штурмовая группа старшего лейтенанта Ю. Балабина.

Она прошла вдоль линии фронта и на небольшой высоте нырнула в ущелье, но была обстреляна зенитками, расположенными на вершинах скал.

Штурмовики провели противозенитный маневр и, свернув к седловине, оказались в соседнем ущелье. Круговой маршрут повторили еще раз, так как при первом заходе противник не был обнаружен. В Гамрах заметили несколько бронетранспортеров.

Во время второго захода обстановка прояснилась: в самом узком месте реки Вислоки, в ущелье, недалеко от моста, были зарыты два танка. Одни башни торчали. Южнее, чуть ближе к Гамрам, тщательно замаскировалась артбатарея.

Ведущий разделил экипажи на две группы. Одна атаковала батарею, другая танки. Штурмовку группа провела удачно. И орудия и танки были уничтожены.

Убедившись, что путь свободен, наступающие бросились вперед. Первыми двинулись пять тридцатьчетверок. Они беспрепятственно проскочили мост, за ними потянулись остальные.

Напоследок по приказу командира корпуса Балабин сделал еще по два захода на укрытия гитлеровцев.

Уже собрав группу, ведущий увидел в форточку, как наши танки приближались к Гамрам...

Жестокие бои велись за каждую высотку, за каждый населенный пункт. У Доброслава гитлеровцы предприняли контратаку и приостановили наступление наших подразделений.

На этот раз в район боевых действий вылетела девятка "ильюшиных" во главе со старшим лейтенантом Н. Столяровым.

Противник старался использовать лес и гористую местность, чтобы скрыть от наблюдателей свои силы. Но летчики сумели разыскать и танки и бронетранспортеры и атаковать цели. Бомбы, снаряды прожигали вражеские машины, рвали их броню. Итог вылета - уничтожены четыре танка, артиллерийская батарея.

Воодушевленные действиями штурмовиков, пехотинцы поднялись в атаку и минут через двадцать очистили Доброслав от фашистов.

...Вскоре с командного пункта в небо взвилась очередная зеленая ракета, и штурмовики один за другим оторвались от земли. Курс - на запад, к горной реке Вислоке.

Прошли годы, и я не помню сейчас, кто был в тот вылет старшим группы, но само событие врезалось в память навсегда.

Несмотря на густую дымку, экипажи точно вышли на цель и сбросили противотанковые бомбы, затем обстреляли эрсами движущиеся в строю бронетранспортеры. Вокруг "илов" густо вспыхивали разрывы зенитных снарядов, переплетались малиновые трассы очередей крупнокалиберных пулеметов. Потом вдруг все затихло. Летчики сразу поняли, что это значило: в воздухе появились немецкие истребители. Не дав штурмовикам перестроиться в круг, "мессеры" надели на них с ходу.

Лейтенант Н. Хорохов, не отрываясь от ведущего группы, изловчился и всадил в преследовавшего его "худого" пушечную очередь. "Мессершмитт" разнесло на части. Однако остальные истребители зажали в "клещи" нашего ведущего. Хорохов бросился на выручку, подбил еще одного "сто девятого".

Пара вражеских истребителей продолжала атаковать машину командира группы. Было видно, как темные пробоины прошили во всю длину фюзеляж и плоскости его "ила", клочками свисала и обшивка.

- Уходи домой! - прокричал ведущему Николай Хорохов и

бросил свою машину под пушечный удар "мессершмитта".

Снаряд попал в мотор штурмовика, "ильюшин" вспыхнул и, переваливаясь с крыла на крыло, стал падать. Воздушный стрелок сержант Ф. Дилов выбросился с парашютом, за ним оставил неуправляемый самолет и Хорохонов. Оба они погибли в перестрелке на земле...

Именно в эти дни и случился казус, о котором еще долго вспоминал при встрече со мной генерал Красовский.

Как-то генерал Рязанов вызвал меня на КП и сказал, что у него в штабе скопилось много неотложных дел, потому мне придется остаться на командном пункте и держать под рукой три-четыре группы штурмовиков, но использовать их следует разумно - с горючим в корпусе туговато.

Рязанов отбыл. Через несколько минут на одном из участков фронта 38-й армии, где как раз находились маршал И. С. Конев и генерал С. А. Красовский, противник предпринял контратаку с танками и артиллерией. Я немедленно поднял в воздух одну штурмовую группу, затем вторую. Последним взлетел со своими экипажами старший лейтенант И. Михайличенко. Он так артистически отштурмовал вражеские огневые позиции, что артиллеристы побросали даже уцелевшие пушки и кинулись в тыл.

Маршал Конев остался доволен действиями летчиков, поинтересовался, кто ведущий группы, и объявил Михайличенко благодарность, добавив: "Пусть бы штурмовики еще поддали немцам жару". И тут я бухнул маршалу: горючего в корпусе мало, и мне приказано вызывать не более трех-четырех групп в день.

Что тут было! Конев с негодованием обрушился на нашего командарма: "Почему не выполняете мое указание, чтобы Рязанова не ограничивать в горючем?!"

Понимая ситуацию, я как можно быстрее выслал группу "илов" "поддать немцам еще жару". После досталось мне от генерала С. А. Красовского за такой доклад. Отругал он меня хорошенько. А когда на следующее Утро я подробно доложил Василию Георгиевичу о происшедшем, тот успокоил меня. "Главное, горючее теперь у нас будет в достаточном количестве", - сказал он.

Но как бы ни складывались порой взаимоотношения, а надо было работать и воевать. И летать, и инструктировать, и проверять готовность эскадрилий и полков, и постоянно искать пути увеличения эффективности действий групп и уменьшения потерь личного состава в различных видах боя.

Созданная на левом фланге 38-й армии группировка в составе двух танковых и стрелкового корпуса получила задачу

прорваться через горный проход южнее пункта Сенява, наступать во фланг и в тыл дуклинской группировке врага. В первый же день наступления на новом направлении оборона противника была протаранена не без активной помощи штурмовиков корпуса.

Оценивая их боевую работу, Маршал Советского Союза И. С. Конев писал: "Я с удовольствием наблюдал действия штурмовиков Рязанова в период Дуклинской операции, когда 38-я армия генерала Москаленко прорывалась через Карпаты, а Рязанов поддерживал наступление пехоты и танков с воздуха. Его штурмовики чуть не ползли по горам, непрерывно висели над полем боя, брали на себя значительную часть трудностей этой горной войны" {31} .

Никогда не забыть мне, как бойцы, офицеры и сам Людвик Свобода - люди, истосковавшиеся по родине, - обнимали и целовали со словами благодарности Красной Армии увитые еловыми ветвями пограничный столб и арку на шоссе...

В эти дни звездная семья нашего корпуса вновь увеличилась. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1944 года звания Героя Советского Союза удостоились Т. Я. Бегельдинов, В. Т. Веревкин, С. Е. Володин, И. Г. Драченко, И. А. Куличев, М. И. Мочалов, А. И. Петров, Н. И. Пургин, С. Г. Чепелюк, П. Н. Кузнецов.

Тогда же генерал Ф. А. Агальцов был назначен командиром 1-го Польского смешанного авиационного корпуса, а я принял от него 9-ю гвардейскую штурмовую авиадивизию и прошел с ней до конца войны.

...Войска 1-го Украинского фронта должны были нанести мощный удар с сандомирского плацдарма в общем направлении на Бреслау, через Радомско и Ченстохову, частью сил - на Краков. Командование вермахта, разумеется, понимало значение этого плацдарма - называло его "пистолетом, направленным в затылок Германии",

Начало наступления было ускорено в связи с просьбой союзников, попавших в тяжелое положение в результате наступления гитлеровских войск в Арденнах и Вогезах.

Перед операцией, которая получила название Висло-Одерской, наша авиация систематически вела воздушную разведку, фотографирование, прикрывала свои войска от нападения с воздуха и наносила удары по живой силе противника, его технике и транспортным средствам, препятствуя подтягиванию резервов к фронту, затрудняла перегруппировку войск.

Начало нового, 1945 года выдалось для корпуса весьма напряженным. Полеты на штурмовку наземных целей

проводились не часто, а вот разведкой занимались ежедневно, несмотря на скверную погоду.

Круглые сутки шел мокрый снег, днем и ночью облака плотно закрывали небо. Колеса "илов" до самых ступиц глубоко вдавливались в раскисшую землю, покрытую тонкой коркой льда. Аэродромщики, насквозь промокшие и промерзшие, готовили взлетно-посадочные полосы.

Как и прежде, на высоте был наш инженерно-технический состав. Все трудились с какой-то одержимостью, преодолевая невзгоды фронтового бытия. На особо трудных участках первыми были коммунисты и комсомольцы А. Бачило, В. Сиваш, В. Дражевский, Г. Илларионов, Ф. Овчаров, Е. Митрохин, К. Мусаев, М. Радченко, А. Коновалов, В. Ахмяков, В. Назаров... Да разве всех перечислишь?!

Короткая передышка давала возможность расслабиться, но не такой была натура у нашего командира корпуса. За эти дни он побывал в общевойсковых армиях и дивизиях, с которыми предстояло взаимодействовать. Детально обсудил с командным составом вопросы предстоящего наступления. Только поздно ночью Василий Георгиевич возвращался к себе в штаб, снимал мокрую одежду, сырые, забрызганные грязью сапоги и прислонялся к жарко натопленной печке, Делился увиденным за день.

- Люди жалуются - погода режет. Без дела сидят, наставления уже, как стихи, выучили. Но чувствуется - нашему застою скоро конец. Бои начнутся, тогда работы хватит всем. И даже с лихвой...

Утром 12 января с сандомирского плацдарма войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление. Ему предшествовала мощная артиллерийская подготовка.

Недавняя тишина мгновенно сменилась оглушительным громом и гулом. На десятки километров вдоль линии фронта и в глубине обороны противника рвались снаряды и мины, вздымая вверх фонтаны огня и грязи, смешанной со снегом. Земля непрерывно содрогалась, поле боя почернело и окуталось дымом. Сотни ракет прочертили небо...

Из-за ограниченной видимости авиацию использовать не удалось, хотя отдельные экипажи работали и в ненастном небе, доставляли ценные разведданные.

К вечеру ветер растащил полосы тумана, и чуть прояснилось. На задание вылетел экипаж старшего лейтенанта Т. Бегельдинова. Возвратился он с наступлением сумерек. Сведения Талгат доставил весьма ценные - в районе станции Тарновице скопились немецкие танки.

Едва рассвело, как на НП командарма 5-й гвардейской

прибыл генерал Рязанов. Немедленно вызвал восьмерку Ил-2 и нацелил ее на вражеские танки у Тарновиц.

...При подходе к станции штурмовики встретили такой плотный зенитный огонь, что пробраться сквозь него не то что самолет не смог бы, но и птица не пролетела бы.

Ведущий группы старший лейтенант Н. Столяров решил в первую очередь убрать "помеху" - зенитную батарею, которая надежно прикрывала танки. Точно положенные бомбы буквально перепахали то место, где находились зенитки. Затем, сманеврировав, штурмовики атаковали "коробки" с крестами, добили их реактивными снарядами.

Помнится, командарм генерал А. С. Жадов, отойдя от стереотрубы, уважительно посмотрел на Рязанова.

- Научились твои ребята громить танки! Ничего не скажешь - растрепали немцев основательно. Теперь за фланг наш я спокоен...

- Если считать, Алексей Семенович, год за три, да передовую - партой, так уже фронтовую академию заканчиваем... - пошутил Рязанов с грустью.

..."Илы" в плотном боевом порядке приближались к цели. Недалеко от Хмельника гитлеровское командование предприняло контрудар силами 24-го танкового корпуса. Разведчики здесь опять обнаружили несколько десятков "тигров", бронетранспортеры, автомашины с пехотой.

Ведущий четверки "ильюшиных" заместитель командира эскадрильи 143-го гвардейского полка старший лейтенант Н. Кирток умелым маневром обошел вражеские зенитки, которые пытались сбить "илы" с боевого курса, и экипажи начали действовать над полем боя, выбирая цели на свое усмотрение.

Эффективность удара с бреющего полета была исключительной: от прямых попаданий эрзсов сгорели два танка, два бронетранспортера, от четырех автомашин, уничтоженных пушечным огнем, остались только дымящие скелеты. Внушительные потери гитлеровцы понесли и в живой силе.

У Новы-Корчин при возвращении на свой аэродром штурмовиков попытались перехватить "мессершмитты", но попали под огонь воздушных стрелков. Один "сто девятый" воткнулся в землю, второй пушечной очередью был сражен ведущим - старшим лейтенантом Киртоком. Но и самолет Киртока был серьезно поврежден - в мотор попало много осколков, вышла из строя система выпуска шасси, не работал и кронштейн его аварийного выпуска. Вместе с тремя другими экипажами на своей искалеченной машине пришел Кирток домой и произвел посадку на одно колесо...

Особенно эффективными при высоких темпах наступления оказались в нашем корпусе вылеты на "свободную охоту". Небольшие группы или отдельные экипажи обнаруживали танки, самоходные установки, автомашины, мосты, поезда на перегонах и поражали их бомбами и пулеметно-пушечным огнем. К "свободной охоте" допускались, как правило, те летчики, которые хорошо разбирались в тактике противника, умело ориентировались в наземной обстановке, принимали мгновенные решения.

Таким был командир 142-го гвардейского авиаполка подполковник А. П. Матиков. Обычно он ходил на "свободную охоту" с двумя-тремя экипажами.

...Десятибалльная облачность, высота сто - двести метров при густой дымке.

Немцы ожесточенно сопротивлялись на важнейших дорогах, ведущих к пунктам Хмельник и Буско-Здруй. В Хмельнике переплелись восемь дорог, две из которых открывали путь к крупному польскому городу Кельце.

Через несколько минут на одной из дорог показались три танка, выбеленные под цвет снега. Ведущий со своим воздушным стрелком-инструктором старшиной В. Синюком зашел сзади и ударил "тигров" по кормовым отсекам. Зачадили. Затем обнаружили и артиллеристы. Их орудийные дворники были хорошо видны на снежном фоне. Бомбы точно легли на темные круги, А вот с зенитчиками пришлось туго - открыли шквальный огонь.

На фюзеляже и плоскостях "ила" подполковника Матикова - десятки пробоин. Боеприпасы и горючее на исходе. Нужно возвращаться. Несмотря на то что облачность прижала штурмовики к земле, все перетянули на свою территорию и благополучно посадили машины...

Вылеты следовали непрерывной чередой.

...Два штурмовика взлетели и, набирая высоту, быстро скрылись за лесом. К линии фронта пошли подполковник С. Володин и майор М. Афанасьев. Весь полет им предстояло провести на бреющем.

Еще перед вылетом, прокладывая маршрут, эти мастера "охоты" учли, что ориентироваться будет трудно - облака плыли низко, у самой земли. Решено было придерживаться более-менее заметных дорог. Одна из них и приведет к линии фронта.

Противник, как обычно, открыл огонь, но "илы" успели скрыться в туманной дымке. По шоссе, направлением в глубокий тыл, Володин и Афанасьев увидели движение одиночных автомашин и повозок, Чем дальше "охотники" углублялись в

территорию, занятую врагом, тем чаще встречался транспорт неприятеля.

- Атакуем! - передал по радиации Володин напарнику.

Горка... С планирования расстреляли, разбили несколько военных обозов, одну автомашину.

Снова по сторонам замелькали небольшие деревеньки. Повернули на юг. На узком шоссе - редкое движение.

Подполковник Володин решил искать цель на железной дороге и в прилегающих лесах.

Под крылом опять проскакивают черепичные крыши, поляны, мелколесье. Дальше - просторное поле, на котором гитлеровцы... спокойно занимаются тактической подготовкой. Они не ждали, что их занятия так внезапно прервутся.

Ведущий передал майору Афанасьеву, что атаковать следует одновременно,

Штурмовики развернулись и с "горки" ударили всей мощью своего огня. На втором заходе хорошо были видны темные фигуры вражеских солдат, распластавшиеся на белом снегу. Снова заход, третий по счету...

На четвертом штурмовики прошли у самой земли. Воздушные стрелки сержанты Яковлев и Абрамов били из турельных пулеметов по живой силе противника.

Линию фронта проскочили удачно, но видимость была плохая. Малая высота затрудняет ориентировку. Летчики включили радиополукомпасы и по ним вышли точно на свой аэродром...

Расскажу еще об одном эпизоде. Он произошел, когда наши войска приблизились к расположенному в деревне Бжеги штабу немецкой полевой армии.

Изгнав население, фашисты обнесли этот пункт тремя рядами колючей проволоки, кругом натыкали зениток. Как правило, над штабом патрулировали истребители. Личное указание командира корпуса любой ценой уничтожить штаб и дезорганизовать его управление получил командир химической эскадрильи, как ее называли в 140-м гвардейском авиаполку, старший лейтенант А. Овчинников.

На самолеты были подвешены по два выливных авиаприбора, заряженных гранулами фосфора и керосина. Известно, что при соединении смеси с кислородом происходит самовоспламенение.

Задание было исключительно сложным - попадет в выливной прибор пуля или осколок - самолет сразу же превратится в факел.

Старший лейтенант А. Овчинников вел экипажи скрытно, на бреющем полете, без сопровождения истребителей.

Не обнаружив ничего подозрительного на фоне темного

лесного массива, патрулирующие "мессеры" ушли в сторону Енджеюва.

Штурмовики устремились к объекту, открыли огонь по зенитным установкам и попарно облили место расположения штаба горючей смесью. Пламя охватило постройки, запылали машины, мотоциклы... Гитлеровцы в панике выскакивали из помещений.

При возвращении группы на аэродром всех участников налета - А. Овчинникова, В. Жигунова, А. Смирнова и Н. Бойченко - ожидала приятная новость: личная благодарность маршала И. С. Конева за смелый и опасный рейд в тыл врага, успешное выполнение задания.

Летчики этого полка, как и прежде, парами и четверками прорывались в район боевых действий и наносили ощутимые удары по отступающим гитлеровцам, срывали подвоз техники и боеприпасов.

* * *

На станцию Хенцины, куда подошло несколько эшелонов, вылетели четыре Ил-2 во главе со старшим лейтенантом А. Фаткулиным. У линии фронта высота облаков не превышала сотни метров. Тяжело груженные машины перешли на бреющий. Внизу замелькали столбы вздыбленной снарядами разрывами земли и огненные кляксы пожаров. С высоты десять - пятнадцать метров было хорошо видно, как наши бойцы шли цепью, тесня гитлеровцев.

Еще несколько минут полета - и летчики обнаружили колонну отступающих немцев. Машины и лошади тащили орудия, за повозками спешили солдаты.

- Предлагаю ускорить им отступление, - сказал по радио старший лейтенант Фаткулин и нажал кнопку бомбосбрасывателя.

Гитлеровцев словно сдуло с дороги - на ней остались лишь изуродованная техника да те, кто не успел скатиться в придорожные канавы.

Вот и станция. Сброс бомб, круг - и огненные копыя эрэсов настигли локомотив, платформы, крытые вагоны...

Приятен вкус победы, но и невыносимо горек он, когда узнаешь, что твой верный друг уже не придет с задания. Дорогой ценой платили мы за победу.

Так, в 140-м гвардейском штурмовом авиаполку при разведке войск противника в районе Пшедбуж героически погибли лейтенанты А. Кобзев, П. Баранов, воздушные стрелки сержанты Н. Блохин и Г. Маслов. Указом Президиума Верховного Совета СССР Анатолию Михайловичу Кобзеву посмертно присвоено

звание Героя Советского Союза. Чуть раньше погиб при посадке на израненном штурмовике младший лейтенант Ю. Маркушин.

Большую утрату понес личный состав 153-го гвардейского истребительного полка на сандомирском плацдарме. Не стало его командира-героя майора П. А. Матиенко.

Когда весной, после освобождения Винницкой области, жители села Большие Хутора узнали о подвигах своего земляка, они решили собрать средства на строительство двух истребителей. Вскоре два Як-3 прибыли в полк. Подарок очень взволновал Петра Андреевича, но ему так и не довелось опробовать истребители в бою. Героя Советского Союза майора Петра Андреевича Матиенко похоронили на окраине польского города Мелец.

В те дни не возвратились с заданий летчики А. Борзенко, С. Егоров, Ф. Лапицкий, А. Найден, Н. И. Супрехин, А. Худяков, В. Бушуев, А. Зайцев...

Говоря о неимоверно тяжелых условиях, в которых приходилось действовать нашим авиаторам, нельзя не отметить титаническую работу авиационного тыла, в частности инженерно-аэродромных батальонов. Вслед за наземными войсками они выдвигались к линии фронта и немедленно приступали к строительству и восстановлению аэродромов на освобожденной территории.

Как только части 3-й гвардейской танковой армии заняли Енджеувский аэроузел, все аэродромы вскоре были готовы к приему самолетов корпуса.

15 января полностью был освобожден крупный административно-хозяйственный центр Польши - Кельце, затем танкисты Рыбалко вступили в город Ченстохова. На следующий же день, 18 января, на аэродром в его окрестностях приземлились штурмовики и истребители нашего соединения.

Темп наступления был настолько высоким, что порой создавались непредвиденные ситуации. Особенно когда вперед, на запад, ушли наши наступающие войска, а тыл заполнили большие "блуждающие" группы недобитых гитлеровцев. Получился своеобразный слоеный пирог.

Расскажу об одном случае, происшедшем в те дни.

Толстый слой снега покрыл аэродром. Все было белым - и домики, и ангары, расчищена лишь взлетная полоса. Самолетов нет, ушли на задание. Остались только "технари" - мотористы, оружейники - сидели, разговаривали, коротая время ожидания.

И вдруг кто-то крикнул:

- Немцы!

Они появились из леса, ползли по снегу к аэродрому.

Позже мы узнали, что численность этой группы составляла почти пять тысяч фашистов. Попад в окружение, они пробивались к своим. Группа раскололась на отряды, один из которых и вышел на наш аэродром. Противник испытывал острую нужду в горячем и решил заполнить его... у наших летчиков.

По тревоге были подняты все бойцы батальона аэродромного обеспечения; они открыли винтовочный огонь, и гитлеровцы отступили в лес, оставив на снегу несколько трупов.

Ситуация изменилась, когда на выручку подоспели истребители майора Н. Буряка, к которым присоединилась шестерка штурмовиков.

Незванные гости были отброшены в глубь леса, где им предъявили счет наши пехотинцы,

За умелую организацию отражения наземного нападения противника начальник штаба 156-го гвардейского истребительного полка майор Корнилов был награжден орденом Красной Звезды, механик Красильников - медалью "За отвагу".

Вместе с младшими авиаспециалистами в бою участвовал и заместитель командира 140-го гвардейского авиаполка по политчасти полковник Е. И. Лапин.

- Хотя я находился в обороне, - рассказывал Ефим Иванович, - но все же захватил в плен двух гитлеровцев. Странный был у них вид: головы и физиономии измазаны кашей. Оказалось, растеряв на бегу свои котелки, они приспособили вместо них для варки пищи каски. Один из пленных, мальчишка лет семнадцати, все бормотал "мутти", "швестер", другой - здоровенный, обросший щетиной, всю дорогу, пока его конвоировали, орал: "Гитлер капут!" Вот какие вояки!..

Но не обошлось без потерь и с нашей стороны: в братской могиле недалеко от аэродрома однополчане похоронили старшин Семко, Дергачева, старшего сержанта Сосновского, сержанта Жукова...

Постоянно поддерживая связь с командиром корпуса генералом Рязановым, командующий фронтом напоминал: "По железнодорожным станциям надо бить, Василий Георгиевич. Пускай враг задыхается без техники, боеприпасов, продовольствия. Так он будет быстрее бежать к своему фатерлянду..."

Станцию Сосновец штурмовали двенадцать "илов". Сопровождали штурмовиков истребители старшего лейтенанта А. Безверхого. Крыло к крылу взлетели летчики А. Сергеев, Н. Руденок, В. Науменко, Н. Ижин, Б. Малахов.

Обычно гитлеровцы прикрывали передовые позиции, колонны на маршах, на стоянках, штабы, железнодорожные

станции в основном 23-миллиметровыми "эрликонами" и 37-миллиметровыми зенитными пушками, но теперь свою противовоздушную оборону они усилили стационарными орудиями среднего и крупного калибра. Когда такие снаряды разрывались даже в стороне, осколки их наносили нашим самолетам значительные повреждения.

Впереди показалась станция. "Илы" с большим углом, пикирования пошли вдоль эшелона, сбросили бомбы. Как привязанные к штурмовикам, атаковали цели истребители. Очевидцы рассказывали, что зрелище было впечатляющее. Словно вулканическая лава захлестнула станцию: огонь пожирал бензоцистерны, далеко вокруг раскатывалось эхо рвущихся боеприпасов...

Аналогичный снайперский удар по эшелонам станции Тарновске-Гуры нанесла эскадрилья старшего лейтенанта В. Андрианова. Подойдя со стороны солнца, она разделилась на две группы: одна подавила зенитную батарею, другая атаковала эшелоны с танками на платформах.

По подсчетам воздушного стрелка старшины И. Шапошника, эскадрилья сожгла более полусотни вагонов.

Как-то ранним утром мне позвонил Василий Георгиевич Рязанов.

- Тут мне, Семен Алексеевич, доложили о танковой немецкой колонне, - и командир корпуса ориентировочно назвал ее местонахождение.

Я знал метеообстановку и сказал генералу:

- Погода - черт ногу сломит. Кого же послать?

- Майора Степанова...

Я вызвал командира 144-го гвардейского штурмового полка, и минут через тридцать он уже вел шестерку "ильюшиных" по маршруту Бейтен - Сосновец.

Видимость на бреющем полете - менее километра. Экипажи обшаривали каждую ложину, вдоль и поперек обследовали лесные массивы, прошли параллельно дорогам.

Ведя машину с креном, Степанов внимательно осматривал заснеженные поляны, искал танки. Но те словно сквозь землю провалились. Никаких признаков...

Степанов доложил мне по радиации о безуспешном поиске, и я дал ему команду возвращаться домой.

По всем расчетам группа должна была уже приземлиться, но штурмовики не появлялись. Что же произошло?

На обратном курсе ведущий увидел чуть в стороне железнодорожную станцию. Прижавшись к земле, шестерка "илов" стремительно пронеслась над станционными постройками от

семафора к семафору. Майор Степанов заметил, что пути забиты составами без паровозов. Шла разгрузка. Зенитки молчали. Плохая погода явно усыпила бдительность гитлеровцев.

- С ходу атакуем цель! - передал по радиации команду старший группы, и штурмовики ринулись на эшелоны. Второй атаки не потребовалось.

Станция выглядела так, словно ее накрыли огненным ковром.

Тем временем погода ухудшилась - тучи сгущались, предвещая снегопад. Ведущий запутался в ориентирах и выйти на свой аэродром в районе Ченстоховой не смог. Он взял курс на Вислу, а дальше - на старый аэродром, с которого летали в начале операции на сандомирском плацдарме.

Помню, мне пришлось здорово поволноваться. От сердца отлегло, лишь когда увидел, как на летное поле приземлились "илы" со знакомыми номерами. Один, два, три... Все шесть!

К сожалению, случаи потери ориентации в сложных метеоусловиях были не единичны. Пришлось сразу же, по горячим следам, провести занятия и тренировочные полеты с ведущими групп для выхода на свой аэродром по радиополукомпасу на приводную станцию.

И это, безусловно, дало положительный результат. И все же на войне как на войне... Нередко ситуация изменялась так быстро, что корректировать задачу приходилось ведущему группы. Расскажу об одном таком эпизоде.

Группе майора А. Девятьярова предстоял полет за двести километров и штурм железнодорожной станции южнее города Зебров. Заместителем у ведущего был лейтенант В. Кудрявцев.

Просматривая цель, летчики определили, что важных грузов на станции нет, зато чуть в стороне, в населенном пункте Зебров, скопилась масса войск и техники противника - танки, самоходки, бронетранспортеры, бензозаправщики, автомобили. Даже кухни дымили.

Посоветовавшись с Кудрявцевым, майор А. А. Девятьяров отменил прежнее решение и принял новое: группа пикирует на это скопище вражеской техники и войск. Экипажи сначала сбрасывают "фугаски", высыплют из кассет ПТАБы, затем атакуют эрэсами.

Значительный урон врагу в этой штурмовке нанес комсорг полка лейтенант Ю. Мосеев. Он часто вылетал на боевые задания в качестве воздушного стрелка, в совершенстве овладел турельным пулеметом. Свое умение Мосеев передавал молодым стрелкам, тренировал их.

Результат штурмовки заснял на пленку старший лейтенант Н. Пушкин, имевший фотокамеру. Это было внушительное зрелище.

Возвратившись на аэродром, Девятьяров доложил обо всем, как было. Спустя некоторое время его вызвали к телефону.

- Товарищ Девятьяров! - послышался в трубке строгий голос полковника Караванова, начштаба дивизии. - На каком основании вы штурмовали населенный пункт, а не железнодорожную станцию? Считайте, что вы не выполнили приказ!

Но проявленная пленка подтвердила правоту решения Александра Андреевича.

Вскоре, в канун празднования Дня Красной Армии и Военно-Морского Флота, полковник Николай Федорович Караванов собственноручно вручил награды отличившимся штурмовикам, среди прочих был и майор А. А. Девятьяров.

Поздравляя его с орденом Красной Звезды, Николай Федорович только и сказал:

- Ну, Девятьяров, и заварил ты тогда немцам свинцовую кашу...

После полудня 17 января 1944 года командование корпуса приказало лучшим экипажам полков провести разведку населенных пунктов, лежавших на карте за пунктиром.

- Значит, на Германию? - спросил обрадованно майора М. Степанова лейтенант М. Коптев.

- Да, в логово зверя. Желаю успеха! - ответил командир полка.

Под прикрытием пары истребителей штурмовик Коптева ушел на запад.

- Меншутин, Лебедев! Пересекаем границу Германии! - связался по радио с истребителями сопровождения Коптев. Представляю, как забилося в эти волнующие минуты сердце каждого.

Под крылом - ухоженные дворики, домики под красной черепицей, колючками торчат кирпичи, по широким автомагистралям катят автомашины, мирно дымит станция. Впечатление, что война гремит где-то за тысячу верст от всего этого...

В тот день дважды лейтенант Коптев вылетал на разведку. Сжег на маршруте несколько грузовых автомашин, доставил ценные разведданные.

Уже в сумерках вернулись домой и другие разведчики. На стоянках летчиков и стрелков окружили друзья. Тут же состоялся полковой митинг, который открыл командир Герой Советского Союза майор М. Степанов. С рассказом о виденном выступил коммунист лейтенант М. Коптев. Он сказал:

- Я только что возвратился из разведывательного полета. Видел, как немецкие войска, преследуемые нашими танками и

пехотой, не могут удержаться на подготовленных ими рубежах и бегут в глубь своей территории. По железным и грунтовым дорогам тянутся колонны, которые громит наша артиллерия, танки. Мы уже вступили в пределы Германии, и нам предстоят жестокие сражения. Но мы выиграем их, если на маршрутах к Берлину продемонстрируем новые образцы умения и героизма,

18 января войска ударной группировки фронта возобновили стремительное преследование противника. Веское слово здесь сказали и авиаторы. Маршал И. С. Конев потребовал от нас помешать врагу закрепиться на польско-германской границе и форсировать реку Одер северо-западнее Бреслау {32}. К исходу 19 января 3-я гвардейская танковая, 5-я гвардейская и 52-я армии передовыми частями пересекли границу и вступили на территорию фашистской Германии.

Понимая всю сложность ситуации, командование вермахта перегруппировало сюда часть свежих сил. Гитлеровцы прежде всего стремились во что бы то ни стало удержать металлургические заводы и крупнейшие угольные шахты Силезии второй после Рура военно-промышленной базы рейха.

Решительные действия авиации позволили нашим частям стремительным и глубоким маневром с севера и юга обойти силезскую группировку врага и занять город Катовице.

Отмечу, что в эти дни авиация противника, базируясь на стационарных аэродромах в районе Берлина, усилила свою активность. Мы же из-за плохих погодных условий и большого удаления взлетно-посадочных площадок сократили количество самолето-вылетов. По-прежнему особое внимание уделялось борьбе с тапками, вражеской авиацией. Расскажу лишь об одном исключительном по напряженности бое, который провел заместитель командира 140-го гвардейского авиаполка майор А. Яковицкий в районе железнодорожной станции Вассовка.

Под прикрытием звена истребителей старшего лейтенанта А. Шаманского девятка Ил-2 подошла к станции и накрыла ее бомбами. Летчики подожгли несколько эшелонов, разбили десятки вагонов и разрушили пути.

Но на втором заходе штурмовики и истребители были перехвачены двадцатью "юнкерсами". Группа двигалась в сопровождении шестнадцати "мессеров" и "фокке-вульфов", Появление такой крупной группы гитлеровцев было неожиданным для наших летчиков. Она шла со стороны солнца, очевидно, возвращалась с задания. И здесь Ю-87 (редкий случай!), спикировав, ринулись на ближнюю группу "илов". В то же мгновение шестерка "фоккеров" атаковала ее спереди и сверху, остальные стервятники вступили в бой с истребителями

сопровождения.

Наши экипажи сомкнулись вокруг командира и с передней и задней полусфер повели огонь. Вот итог той схватки: майор А. Яковицкий первым поджег "юнкерс". Старший лейтенант Н. Пушкин в лобовой атаке сразил второй бомбардировщик. Воздушный стрелок Н. Нестеров пулеметной очередью свалил еще одного. Второй воздушный стрелок А. Наумов заметил пристраивающегося сзади "фоккера", ударил по нему длинной очередью из пулеметной установки, и тот потянул за собой дымный шлейф.

Младший лейтенант П. Иванников сблизился с вражеским бомбардировщиком, нажал на гашетки, по боеприпасы кончились... И тогда летчик крикнул своему воздушному стрелку рядовому А. Сороколетову: "Идем па таран!" - и ударил "юнкерса" всей массой своего бронированного штурмовика. Столкновение было настолько сильным, что обе машины буквально рассыпались в воздухе. Младший лейтенант П. Иванников и рядовой А. Сороколетов пали смертью храбрых...

Истребители старшего лейтенанта А. Шаманского уничтожили два бомбардировщика и два истребителя.

15 февраля 1944 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении корпуса орденом Суворова 2-й степени.

На штурм Берлина

Нижнесилезская наступательная операция, проведенная 8-24 февраля, по существу, была продолжением Висло-Одерской. Ее цель - выход на рубеж реки Нейсе, чтобы занять выгодные исходные позиции для последующих ударов на берлинском, дрезденском и пражском направлениях.

В конце января и в первых числах февраля наступило резкое потепление: снег растаял, грунтовые аэродромы раскисли, полевые дороги развезло.

Летчикам особо мешала слякоть при взлете: грязь забивала "соты" маслорадиаторов, и охлаждение моторов резко ухудшалось, температура соответственно возрастала, что приводило порой к срыву заданий.

Из-за плохих погодных условий авиация не могла подняться в воздух. А как она была нужна нашим танкистам и пехотинцам!

И выход был найден. Техники, механики и мотористы, обшарив склады, нашли там большие листы фанеры. Из них сделали щитки, которые на взлете прикрывали маслорадиаторы. Как только самолет взлетал, они сбрасывались на землю...

Боевая работа штурмовиков и истребителей продолжалась. По-прежнему корпус работал мелкими группами по две-три

машины, прибегал к одиночной "охоте". Основные объекты - как правило, крупные железнодорожные станции.

...Четверка "ильюшиных", возглавляемая штурманом 144-го гвардейского авиаполка старшим лейтенантом Ю. Балабиным, при подходе к объекту натолкнулась на "мессеры". Дружным огнем воздушных стрелков и летчиков атаки "худых" были отражены.

Зенитки почему-то молчали. Внизу, на путях, суетились гитлеровцы. Спешили вытолкнуть со станции четыре стоящих под парами состава.

Два из них готовились к отправке, два других уже медленно ползли к выходным стрелкам. Старший лейтенант Ю. Балабин первым сбросил бомбы...

Группа еще вела штурмовку, а на смену ей уже летели экипажи лейтенантов А. Расницова и Т. Куприянова.

Будто опомнившись, открыли огонь по штурмовикам вражеские зенитки. Разрывы ложились кучно, вблизи самолетов.

У лейтенанта Куприянова был особый счет к фашистским извергам: они сожгли его дом, сестру Надю за связь с партизанами замучили в концлагере, мать угнали на каторжные работы в Польшу...

Неистов был Трофим в бою. Паровозы, составы, станционные постройки, пакгаузы - все превратилось в один пылающий костер. На последующем заходе штурмовики прочесали весь участок огнем пушек и пулеметов.

В момент выхода группы из атаки из-за облаков выскочили две пары "мессеров" и "фоккеров". Но воздушные стрелки не были застигнуты врасплох. Первыми открыли огонь и преградили путь стервятникам сержанты М. Юнас и В. Зайцев.

Один вражеский истребитель все же рискнул приблизиться к ведущему, но Юнас успел предупредить летчика. Развернув "ил", он дал возможность прицельным огнем встретить врага. ФВ-190 задымил и, войдя в штопор, врезался в лесную чащу...

С момента вступления наших войск на землю Германии всех нас одолевало единодушное стремление: скорее к фашистскому логову - к Берлину! Мы знали, что маршруты к нему - это путь к победе, к избавлению человечества от коричневой чумы. И мы торопились.

Фашисты были еще достаточно сильны. Дрались с отчаянной решимостью. Каждый вылет для нас был серьезным испытанием.

...Лейтенант М. Коптев со своим ведомым младшим лейтенантом В. Кочергиным при разведке подверглись на маршруте нападению двух "мессершмитов". В штабе армии ждали данных о разведке. Нельзя было сорвать выполнение

задания. И воздушные стрелки сержанты Д. Черепанов и А. Федулов встретили гитлеровцев таким Дружным огнем, что "мессеры" шарахнулись от штурмовиков в стороны. Долго пара "илов" кружила над вражеской территорией, пока не собрала нужных сведений.

За разведкой обычно следовала штурмовка объектов. Так было и на этот раз, когда воздушные разведчики 144-го гвардейского авиаполка сообщили, что на прифронтовой станции стоят несколько подготовленных к отправке эшелонов.

Первой туда вылетела группа под командованием майора М. Степанова. Вслед за нею отправилась девятка "илов", которую вел капитан А. Левин. Двадцать километров экипажи летели сквозь зенитный заслон, маневрируя между сотнями разрывов зенитных снарядов. И не напрасно. Объект - крупный железнодорожный узел - стоил того! Атака - и вскоре все внизу запылало. На станции и подходах к ней зачернели десятки трупов гитлеровских войск.

А погода между тем ничего хорошего не сулила. Невесело чувствовали себя авиационные командиры, когда маршал И. С. Конев распекал всех за бездеятельность. Корпус имел только один аэродром Бриг с бетонной взлетно-посадочной полосой. На ней иногда собиралось несколько полков бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей. Но ведь от Брига до линии фронта около двухсот километров! Что можно было предпринять? Противник использовал стационарные аэродромы - Любен, Котбус, Луккау, Фалькенберг - и усилил свою активность, бомбил не только наши войска, но и переправы, мосты, дороги.

И все же выход был найден - осуществлять полеты с автострады Берлин Бреслау. Тогда первыми их начали осваивать истребители полковника А. И. Покрышкина. За ними опыт переняли и штурмовики.

Наконец 9-я авиадивизия перебазировалась на аэродром Лигниц, правда, 8-я полковника В. П. Шундрикова продолжала еще сидеть на старых взлетно-посадочных площадках в непролазном болоте.

8 февраля 1945 года короткая артиллерийская подготовка возвестила о новом наступлении. Короткая - из-за нехватки боеприпасов. Оборона противника была прорвана ударной группировкой, но в дальнейшем темп наступления начал снижаться, хотя порыв войск был достаточно высок.

Именно в эти дни генерала Рязанова вызвали в штаб 3-й гвардейской танковой армии.

Под крылом самолета еще горели дома с черепичными крышами, тлели автомашины на дорогах, валялись остоны

разбитых бронетранспортеров, чернели закопченные коробки "тигров", "пантер", штурмовых орудий. Это был результат работы гвардейцев Рыбалко, и самолет летел над осью их движения, на северо-запад от Одера, Генерал Рыбалко рад был видеть Василия Георгиевича. Как всегда, подчеркнул, что штурмовики - это его глаза и уши.

- Вызвал я вас вот зачем, - сказал Павел Степанович, - мы вам подарок приготовили - аэродром и... семнадцать "мессершмиттов". Совсем новенькие. Мои танкисты захватили их прямо на платформах. Вот здесь... - и командарм показал на карте сначала железнодорожную станцию, затем аэродром.

Лучшего подарка и не придумаешь! Как нужны нам были новые аэродромы, чтобы вести слаженную боевую работу с танкистами. А натиск их был стремителен, от Одера через леса к реке Бобер. Войдя в прорыв немецкой обороны, танкисты Рыбалко яростным натиском сломила сопротивление неприятеля, и он тысячами трупов заплатил за попытку удержать города Лигниц и Гейнау, а также десятки крупных и мелких населенных пунктов, расположенных в непосредственной близости от автострады Бреслау - Берлин.

- Мне нужно, Василий Георгиевич, срочно осмотреть левый берег Квейса. Отдайте, пожалуйста, распоряжение, - склонился над испещренной множеством пометок картой генерал Рыбалко.

- Уже дано, - сообщил командир корпуса. - Туда вылетел лейтенант Расницов...

В народе говорят: "Легок на помине". Именно в эту минуту открылась дверь, и вошел дежурный офицер. Доложил результаты наблюдений лейтенанта Расницова.

Генерал Рыбалко тотчас нанес разведданные на карту, сразу же принял решение. На восточной опушке леса Мошендорф были танки. Ими займутся самоходчики. Вдоль реки тянулись траншеи, еще не занятые пехотой противника. Надо было принять меры, чтобы он их и не занял.

Из Гейнау на Гольдберг по трем дорогам двигались до восьми десятков автомашин, более трехсот повозок. Гитлеровцы отступали.

- А это для вас работенка, - Рыбалко посмотрел в сторону командира штурмового корпуса.

- Добро. Поднимаю в воздух девятку. К тому же Расницов докладывал, что видел три эшелона под парами. Пусть сам из них пар и выпускает, - принял решение Рязанов.

Через считанные минуты над командным пунктом с грохотом на бреющем пронесли краснозвездные "силы".

Я слышал, как генерал Рязанов, разговаривая по рации с

командиром 144-го гвардейского авиаполка майором М. Степановым, давал ему указания.

- После Расницова выпустишь Бегельдинова. Потом Чепелюка...

Наземные войска наступали в сложной, быстро меняющейся обстановке. С ходу форсировали реки, окружали и уничтожали большие и малые группировки врага, блокировав крупные гарнизоны в городах-крепостях Бреслау и Глогау. {33}

12 февраля 1945 года войсками 1-го Украинского фронта был освобожден город Бунцлау (Болеславец), где скончался выдающийся русский полководец фельдмаршал М. И. Кутузов. Здесь же ему воздвигнут памятник. И вот теперь, более 130 лет спустя, по той же исторической дороге шли наследники и продолжатели ратной славы своих предков, которые беспощадно громили нацистскую орду.

Эти победы давались нам большой кровью. Много наших товарищей остались лежать под Бунцлау. Среди них на мемориальном кладбище в Бунцлау - и могила коммуниста командира эскадрильи 140-го гвардейского авиаполка Героя Советского Союза гвардии капитана Николая Андреевича Евсюкова.

Расскажу коротко о судьбе старшего лейтенанта И. Кузнецова, сбитого под Бунцлау.

Уже два раза он побывал в лапах фашистов, и вот опять - плен, концлагерь. На охваченном пламенем самолете Кузнецов приземлился на вражеской территории, чудом остался жив. Воздушный стрелок сержант В. Мужинский погиб. Израненного, обгоревшего, с переломом ног, гитлеровцы бросили Кузнецова за колючую проволоку.

Потом пришло долгожданное освобождение. Летчика сразу же поместили в госпиталь.

Возвратившись в корпус, Ваня рассказал, как его сосед по палате Никифор Подгайко, бывший партизан и его товарищ по концлагерю, где-то нашел годовой давности журнал, в котором был напечатан очерк о воинах его полка; опубликованы и фотографии героев. Окружающим трудно было поверить, что круглолицый, широко улыбающийся бравый летчик, снятый на фоне самолета - и есть вот этот перебинтованный, "закованный" в гипс человек. На гимнастерке летчика виднелись награды: два ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды.

- Вот, оказывается, какой вы, - сказал изумленно Подгайко.

- Какой я? Самый обыкновенный!..

* * *

Боевая страда продолжалась, и линия фронта отодвигалась все дальше за Одер.

На одной из многочисленных прифронтовых железнодорожных станций, расположенной в 15 километрах от линии боевого соприкосновения войск, гитлеровцы спешно производили погрузку эшелонов, пытаясь, вывезти технику и военное имущество в тыл. Здесь сосредоточилось до восьми эшелонов: часть из них уже находилась под парами.

Я поднял в воздух девятку "илов". Ведущий - старший лейтенант Н. Пургин. Пару истребителей прикрытия возглавил капитан И. Андрианов. На подходе к цели группу атаковали "фоккеры".

Вскоре они поняли безуспешность своих атак и со снижением решили удалиться на свою территорию. Имея преимущество в высоте, капитан Андрианов, свалив свой самолет на крыло, спикировал и быстро догнал ведомого фашиста. Очередь... и гитлеровец сорвался в штопор. Штурмовики беспрепятственно подошли к станции и высыпали на нее свой бомбовый груз...

Жаркие бои велись, не ослабевая.

Острой и порой драматичной становилась борьба в районе Бреслау. Это был крупный промышленный центр, в котором сосредоточилось много военных объектов, в том числе и предприятий по переработке нефти и синтетического каучука.

Понятно, что Бреслау был важным железнодорожным узлом. Вот почему гитлеровское командование значительно усилило и без того огромный гарнизон города, направив сюда дополнительные маршевые батальоны, сформировав боевые группы и отряды фольксштурма.

Город и его окрестности прикрывал многослойный огонь зенитной артиллерии.

Именно в этот район штаб воздушной армии и нацелил штурмовиков генерала Рязанова. Противник здесь сражался с утроенным ожесточением.

Разведка и штурмовка сменяли друг друга. Прошло много лет, но я и сейчас вижу нахмуренное сосредоточенное лицо старшего лейтенанта Т. Бегельдинова. Надо было вылететь немедленно, чтобы застать танковую колонну на дороге к Бреслау, не допустить ее к городу. Ведущий шестерки Бегельдинов решил штурмовать гитлеровцев на марше не всей группой, а звеньями.

На маршрутедвигающихся танков - высотка, дальше - лес. Бегельдинов со своими ребятами успел упредить подход танков к лесу. Сделав разворот за высоткой, "ильюшины" внезапно появились над серыми коробками с белыми крестами, за

которыми змеился грязный, изорванный след. Звено ведущего ударило по хвосту колонны, штурмовики лейтенанта М. Махотина - по голове.

"Илы", как призраки, исчезли за высотой. Второй заход был не менее удачным: запылали сначала три вражеские машины, затем еще две.

Израсходовав боеприпасы, экипажи взяли курс домой.

На смену им в небо взмыла штурмовая группа капитана А. Левина. Объект штурмовки - железнодорожная станция Бреслау.

Это было ответственное и очень сложное задание. Далеко от станции штурмовиков попытались перехватить восемь "фокке-вульфов" и четыре "мессершмитта". На коках винтов Ме-109 были нарисованы белые кольца. Меченые "мессеры"-асы завязали смертельный бой с истребителями прикрытия, "фоккеры" тем временем устремились к штурмовикам. Но те сомкнулись в плотный строй, и сколько гитлеровские пилоты не пытались его нарушить, наталкивались на сосредоточенный огонь наших летчиков и воздушных стрелков.

Так с боем группа метр за метром пробивалась к станции.

И все же полет прошел весьма удачно: воздушный стрелок старшина П. Боданов, заметив, как один из "фоккеров" подкрадывается к соседнему "илу", прошил его меткой очередью. Второй ФВ-190 поджег старший лейтенант И. Солодилов (он летел на самолете капитана Левина в качестве воздушного стрелка). Продырявленный "фокке-вульф" камнем пошел вниз...

На окраине поселка Нидер огонь зенитчиков был так силен, что навел старшего лейтенанта Н. Столярова на мысль: неспроста они так яростно отстреливаются. Он обратил внимание на странное бревенчатое сооружение, замаскированное на склоне оврага и, спикировав, сбросил туда бомбу. Взметнулась земля - и столб огня поднялся в небо: склад с боеприпасами был уничтожен.

"Илы" достигли станции и сбросили бомбы, оставили так гитлеровцам свою "визитную карточку" - море бушующего огня...

В эти дни, как и всегда, четко и слаженно работали экипажи полка майора А. Компанийца. Этот полк считался самым легким на подъем, ему давались обычно самые "горячие" задания.

Вот и на этот раз в небе не успела рассыпаться искрами ракета, как дружно заработали моторы "илов". По стартовой полосе покатился сначала самолет ведущего группы - старшего лейтенанта В. Андрианова, за ним оторвались от земли и заняли место в строю тяжело нагруженные шестерки.

Младший лейтенант М. Середа привычно шел в первой шестерке, справа от лейтенанта Н. Петрова. Замыкал строй со

своими экипажами старший лейтенант В. Куракин.

По мере приближения к цели все отчетливее вырисовываются ее окраинные строения. Скоро покажется и железнодорожная станция. Самолетов противника в воздухе нет, лишь изредка вспыхивают бурые разрывы зенитных снарядов. Андрианов держит курс прямо на них. Это верный маневр: фашистские зенитчики, как правило, после первого залпа делают поправку. Последующие выстрелы ложатся левее, и ведущий опять маневрирует. Затем переводит машину в планирование. За самолетом старшего группы идет Петров, за ним следует Середа. В прицелах отчетливо видно станционное здание, и на него штурмовики обрушивают свой грозный груз - бомбы...

Чуть в стороне от станции, в небольшом парке, расположились артиллерийские и минометные позиции. Старший лейтенант Куракин подворачивает к ним, и вот уже в расположении батарей раскатисто гремят взрывы бомб, взлетает на воздух и склад с боеприпасами. В разные стороны летят камни, осколки черепицы, фигурки автоматчиков... Все исчезает в дымном и пыльном мареве.

Возвратившись из боя, товарищи рассказывали, что, когда экипажи Куракина вышли из атаки и набрали высоту, чтобы повторно отштурмовать, с платформ, находившихся в тупике, и с севера дамба повели огонь "эрликоны".

Воздушные стрелки старший сержант Е. Репа и сержант А. Мамонтов короткими прицельными очередями заставили умолкнуть одну за другой зенитные установки.

Через тридцать минут штурмовики старшего лейтенанта В. Андрианова держали курс на свой аэродром.

* * *

А несокрушимый вал наступления катился все дальше. Уже все правобережье Нейсе, от устья до города Пенциг, контролировалось войсками правого крыла нашего фронта. Только на левом фланге ударной группировки, где наступали соединения 3-й гвардейской танковой и 52-й армий, не удалось овладеть городом Гёрлитц. Противник стянул сюда крупные силы и остановил наступавших на рубеже Пенциг, Лаубан.

Стремясь не допустить прорыва войск фронта к Нейсе, гитлеровцы перебрасывали из района Штрелена в полосу северной группировки моторизованную и танковую дивизии. И одну за другой бросали в контратаки.

Мне было приказано остудить их пыл большой группой штурмовиков.

Двадцать четыре "ила" повел на задание капитан О. Чечелашвили. Цель они обнаружили довольно быстро. В

небольшой ложбине, покрытой густым кустарником, затаились танки. Неподалеку - артиллерия, у пушек, на артиллерийских позициях, находилась и obsлуга.

Без каких-то маневров Чечелашвили атаковал орудия, его действия повторили летчики А. Кротов, П. Блинов, Н. Бахмацкий. На месте артпозиций остались только черные воронки, перевернутые, покореженные пушки да присыпанные землей трупы вражеских артиллеристов.

Теперь настал черед танков. В тот момент, когда группа разворачивалась для повторного захода, на звено лейтенанта Е. Ярлыкова напал вражеский истребитель. Поспешно открыв огонь снизу, фашистский летчик сделал "горку". Но воздушный стрелок старший сержант Е. Репа воспользовался мгновением, когда гитлеровец завис. Одной короткой очереди для него оказалось достаточно. В этом же бою еще двух "мессеров" вогнали в землю воздушные стрелки сержанты А. Мамонтов и Г. Костин.

Штурмовиков Чечелашвили сменили группы старших лейтенантов Н. Столярова и И. Михайличенко. Обе штурмовали танковую колонну.

В этот же день на свой счет записали два "фокке-вульфа" и старший лейтенант В. Андрианов со своим ведомым младшим лейтенантом В. Пузаткиным.

К сожалению, радость выигранных поединков с коварным врагом омрачилась гибелью боевых товарищей.

В 142-м гвардейском штурмовом авиаполку не стало Героя Советского Союза капитана Геннадия Петровича Александрова, воспитанника Ворошиловградской авиационной школы пилотов. При постановке дымовой завесы был сбит штурман 140-го гвардейского полка майор Николай Миронович Горобинский. Геройски погиб, направив свою машину на скопление танков и бронетранспортеров противника, командир 143-го гвардейского полка майор К. В. Абухов, посмертно удостоенный высокого звания Героя Советского Союза.

В их лице корпус потерял самоотверженных и стойких воздушных бойцов-коммунистов, которые в любой ситуации проявляли командирскую распорядительность, хладнокровие и нескрушимую волю к победе.

В нашем корпусе было десять пилотов - мужественных и бесстрашных соколов, закончивших свой славный ратный путь подвигом. Назову их поименно: П. Битюцкий, И. Винокуров, Я. Фесенко, П. Крытов, С. Бородкин, М. Боков, М. Хохлачев, Б. Шубин, П. Иванников, К. Абухов. География их подвига Калининская область, Смоленщина, Белгородщина, Львовщина, Польша, Германия.

Прорываясь сквозь шквал зенитного огня, вступая в отчаянные поединки с неприятелем, они много раз выходили победителями. Но война есть война... Вспыхивали израненные стальные птицы, затихал голос моторов. Можно спастись, выпрыгнуть из пылающей машины, но ведь там, внизу, - враг. И тогда приходило решение: остается еще одно средство борьбы. Да, пилот безоружен, если иссяк запас снарядов и бомб. Беззащитен, если остановился мотор. Слаб, если ранен. Его оружие теперь - высокое мужество и высшая мера преданности долгу. А средство борьбы - таран!

Взорванные переправы, выведенные из строя аэродромы, разбитые танки и зенитки, исковерканные в воздушной схватке вражеские самолеты - вот что несли врагу гастелловцы и талалихинцы!..

Их не провожали в последний путь прощальным салютом. У них нет могил. Но они навсегда остались в памяти однополчан, близких и родных, своего народа, ибо даже самой своей смертью беспощадно разили врага.

Я назвал десять отважных соколов, ступивших в бессмертие. Об одиннадцатом хочу рассказать подробно.

...При штурмовке немецкой танковой колонны под Обоянью в самолет старшего лейтенанта М. Забненкова попал зенитный снаряд. У него было время воспользоваться парашютом, выброситься из горящей машины. Но Михаил резко дал ручку от себя, направив машину на скопление вражеской техники.

С того трагического июльского дня прошло немало времени. Но товарищи Михаила по 155-му гвардейскому штурмовому авиаполку мстили за смерть любимого командира и здесь, в небе Германии.

Трудно передать словами, описать лица и чувства боевых товарищей Михаила, когда в полку появился... сам Забненков.

Да, Михаил остался жив. За какое-то мгновение до того, как его самолет врезался в фашистскую колонну, взорвались бензобаки "ила", и летчика выбросило из кабины...

Сколько пролежал без сознания - не помнил. Очнувшись, закопал под яблоней свой партийный билет и ордена - Красного Знамени и. Отечественной войны 1-й степени.

Случилось то, чего страшился Забненков больше всего. Он снова впал в забытие. Его обнаружили, бросили, как куль соломы, в повозку и привезли в какое-то село. Ночь он провел в сарае под замком. Наутро в той же повозке раненого отправили в Томаровку, потом - в Борисовку. Швырнули в железнодорожный вагон и вскоре повезли.

Так начались скитания Михаила по концлагерям: Харьков,

Шепетовка, Слаута, Холм...

Во второй половине августа 1944 года из концлагеря Сувалки бежали двенадцать человек. В их числе был и Михаил Забненков. Вскоре он снова вернулся в родную полковую семью. И опять его красноезвездный "ильюшин" яростно громил ненавистного врага, уничтожал его технику, склады, железнодорожные составы. На груди мужественного летчика заалел еще один орден - Красного Знамени.

Наступившая перед Берлинской операцией пауза была заполнена напряженной учебой в корпусе: штабы проводили летно-тактические конференции, военные игры, летный состав изучал по фотоснимкам, схемам, макетам объекты штурмовок, отрабатывал вопросы взаимодействия с наземными войсками, в основном с танковыми и механизированными корпусами, для чего летчики встречались с танкистами и пехотинцами.

Берлинская операция предполагалась последним актом в Великой Отечественной войне против фашизма и гитлеровских сателлитов в Западной Европе. Чтобы овладеть Берлином, требовалось провести подготовку операции в кратчайшее время.

Военно-политическая обстановка тех дней была довольно сложной.

Ближе всех стоял к Берлину и имел оперативный плацдарм на реке Рейн 1-й Белорусский фронт. Войска 1-го Украинского и 2-го Белорусского были сильно растянуты по фронту в предыдущих операциях. Более того, 2-й Белорусский вел ожесточенные бои с окруженной группировкой гитлеровцев в Восточной Пруссии, а соединения и части нашего фронта глубоко в тылу сражались с противником в Бреслау. Как известно, его гарнизон сложил оружие только после падения Берлина и подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии. Так что этим двум фронтам предстояло провести крупную перегруппировку своих войск в довольно сжатые сроки.

Весьма трудные задачи стояли и перед Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым по преодолению сильно укрепленных Зеловских высот, которые гитлеровцы считали непреодолимыми.

Сложность начала наступления нашего фронта заключалась в том, что его войска на реке Нейсе не имели даже тактического плацдарма на ее западном берегу. Уже после войны на одной из встреч Маршал Советского Союза И. С. Конев, отвечая на вопросы, сказал: "Я решил, что поскольку река Нейсе не широка и местами позволяет переходить ее вброд, то не даст возможности противнику определить направление главного удара. А ведь ширина фронта в этой операции была свыше трехсот километров". Такое нестандартное решение командующего

фронтом ввело противника в заблуждение. И, как показали события, полностью себя оправдало.

На оборону Берлина вермахт стянул все свои воздушные силы: 6-й воздушный флот, а также воздушный флот "Рейх". В эти соединения вошли истребительная авиация, ПВО Берлина. Предполагалось, что гитлеровское командование снимет часть авиации с Западного фронта.

Словом, борьба предстояла серьезная.

Берлинская операция началась в ночь на 16 апреля 1945 года. Перед боевыми действиями в авиационных частях были зачитаны обращения военных советов фронтов. На аэродромы авиационных полков торжественно вынесены развернутые Боевые Знамена, перед которыми авиаторы поклялись выполнить до конца свой долг перед Отчизной - добить фашистского зверя в его собственном логове.

Поскольку, как уже было сказано, наступление предполагалось начать с форсирования реки при одновременном прорыве обороны противника на ее западном берегу, необходимо было скрыть и замаскировать переправы, помешать противнику вести прицельный огонь по войскам в момент форсирования Нейсе.

Для этого решено было по всей полосе фронта поставить дымовую завесу. Эта весьма трудная задача возлагалась на штурмовиков корпуса.

Как только из-за горизонта появился ярко-оранжевый диск солнца, неумолимо загрохотали тяжелые орудия и минометы, над головами пехоты завывали крупнокалиберные снаряды, засверкали стрелы легендарных "катюш", на вражеские позиции мощными волнами пошли эскадрилья за эскадрильей штурмовики и бомбардировщики.

- Впечатление, что на противника надвигается девятый вал, - шутливым тоном произнес генерал А. С. Жадов, наблюдавший за воздушной армадой, идущей по курсу на Мускау.

Генерал В. Г. Рязанов находился на наблюдательном пункте 5-й гвардейской армии и руководил группами "ильюшиных", давал целеуказания, уточнял вопросы взаимодействия, выполнял заявки наземных командиров.

- Внимание! - предупредил всех находившихся на НП генералов и офицеров Василий Георгиевич. - Сейчас будет поставлена дымовая завеса.

Группу "илов" с подвешенными дымовыми авиационными приборами повел с аэродрома Пичкау командир полка Герой Советского Союза майор М. Степанов, а также командир эскадрильи Герой Советского Союза старший лейтенант Н.

Яковлев.

Секунда в секунду "илы" достигли указанного ориентира, снизились до бреющего к водной глади Нейсе и пошли прямо на виду у противника без маневра.

Гитлеровцы открыли по ним стрельбу из всех видов оружия. Это был коридор сплошного огня. А в небо поднимались очередные группы.

И все же мощная, хорошей плотности дымовая завеса была поставлена точно по рубежу Нейсе. Равнялась она, ни много, ни мало, - 390 километрам. В сочетании с активной артиллерийской подготовкой завеса создала для противника большие затруднения в управлении войсками, расстроила их систему огня и ослабила устойчивость обороны.

На левом берегу Нейсе вырисовывалась картина молниеносно вспоротой обороны: дым, пыль, огонь клубились над первой полосой окопов. Отдельные гитлеровцы и мелкие подразделения, деморализованные таким ходом событий, панически уходили в тыл.

Еще многочисленные разрывы снарядов перепахивали землю, а штурмовая авиация эшелон за эшелонем сосредоточенными ударами крушила укрепления врага, громила их артиллерию, разрушала опорные пункты.

...Восемнадцать "илов" плотным строем проутюжили окопы фашистов. Зенитчики попытались внести разлад в слаженные действия гвардейцев, но старший лейтенант А. Фаткулин в паре со своим ведомым младшим лейтенантом А. Сатаревым искусно провел экипажи сквозь их заградительный огонь и нацелил на заранее обработанные артиллерией траншеи, блиндажи и доты, где притаилась живая сила врага. Десятки "фугасок" оторвались от машин, и взрывы их потрясли воздух.

Три захода произвела по цели группа старшего лейтенанта А. Фаткулина, потом ее сменили штурмовики лейтенанта И. Филатова. Перестроившись, "илы" ринулись в пике. Парторг полка старший лейтенант Н. Ольшанский, вылетевший с Филатовым в качестве воздушного стрелка, меткими очередями расстреливал из турельной установки уцелевших гитлеровцев.

Вторая и третья шестерки, ведомые младшим лейтенантом М. Петровым и лейтенантов" А. Смирновым, вновь и вновь обрушивали на головы гитлеровских вояк "фугаски", поливали их свинцом из пушек и пулеметов.

Выполнив задание, экипажи возвращались домой, заправлялись горючим, брали на борт бомбы, снаряжались снарядами и патронами и снова поднимались в воздух.

Во второй половине дня активизировала свои действия

истребительная авиация немцев. Так, восьмерка Ме-109 встретила группу старшего лейтенанта Н. Пушкина далеко на подходах к цели.

Но как ни пытались "мессершмитты" подойти к штурмовикам, ничего не получалось: экипажи ошестинились огнем, не давали им занять удобную позицию для атаки. В разгар боя воздушный стрелок сержант И. Кузин меткой очередью сразил одного стервятника. Остальные рассыпались и поспешили укрыться...

Используя высокую эффективность ударов артиллерии и авиации, войска главной группировки фронта форсировали Нейсе и начали успешное продвижение вперед.

В начале прорыва первой полосы обороты противника 3-я и 5-я гвардейские армии подверглись сильному артобстрелу и контратакам. Наши войска вынуждены были приостановить движение.

По приказу командующего фронтом генерал В. Г. Рязанов поднял в воздух сто штурмовиков; корпуса и под прикрытием истребителей нацелил их в район Кобельн, Емлитц, Мускау. Огонь вражеской артиллерии вскоре был подавлен, войска противника прижаты к земле, а контратаки сорваны. Теперь в сражение вступили передовые бригады танковых армий.

Помню, утром следующего дня войска фронта прорвали вторую оборонительную полосу, именуемую "Матильдой", и устремились к третьей - реке Шпрее. На каждом рубеже, развернулись кровопролитные сражения: гитлеровцы дрались отчаянно, понимая, что отступать уже, некуда..

А мы упрямо шли вперед, сменяя, аэродромы с непривычными названиями.

...Генерал Рязанов склонился над картой, вглядываясь в черные кружки населенные пунктов, зеленые пятна лесов, прожилки дорог. Получая, точные сведения от воздушных разведчиков" он знал район боевых, действия наизусть. Знал и то, что многие грунтовые аэродромы находятся в непригодном состоянии. Тылы отстают...

Оторвавшись от карты, сказал в раздумье:

- Вот какое дело, Семен Алексеевич! В плане взаимодействия с танкистами принято решение захватить в тылу немцев аэродром, посадить там полк и организовать боевую работу. Иного выхода нет. Имеющиеся в нашем распоряжении взлетно-посадочные площадки раскисли. Батальон аэродромного обслуживания с запасом горючего, боеприпасов и продуктов питания ушел с боевыми порядками танкистов с целью "принять" из их рук отбитый у немцев аэродром и встретить там наших штурмовиков. Возьмите лично полк Чернецова и вылетайте на

этот аэродром. - И назвал Цвитов, расположенный южнее Берлина.

Я взглянул на карту, и меня взяла оторопь: это же в сотне километров от переднего края, в глубоком тылу гитлеровцев! Но приказ есть приказ.

С оперативной группой штаба мы перелетели на аэродром. Разместили полк, заправили самолеты горючим и боекомплектами, стали готовить его с подполковником Чернецовым к боевым действиям.

После осмотра аэродрома, который нам уже сдали танкисты, решено было в направлении двух дорог, ведущих с востока и запада, а также у просек леса поставить секреты. Для их усиления из бойцов БАО мы организовали подвижную группу на автомашине. Установили дежурство воздушных стрелков на трех "илах", укрепив самолеты в горизонтальном положении. Пару штурмовиков "подвесили" над аэродромом - для ведения разведки и на случай отражения нападения противника с земли.

Связь с командиром корпуса держали постоянную. На повестке дня стояли как бы две задачи: первая - поддерживать наших танкистов, пробивающихся на север к Берлину, и вторая - не дать отступающему противнику возможность разгромить аэродром.

С рассветом началась боевая работа: штурмовики па рами обнаруживали блуждающие группы противника, рассеивали их, постоянно докладывали данные о наземной обстановке. Во второй половине дня ведущий одной патрулирующей пары доложил по радио, что в пяти-шести километрах движется к аэродрому танковая колонна численностью до тридцати единиц.

Ситуация складывалась довольно-таки критическая. Даю команду подготовить все самолеты к вылету, я решил провести доразведку с воздуха.

При полете к колонне, направляющейся к Цвитову, возникло сомнение: могут ли потрепанные в бою немцы двигаться так уверенно. Спустившись ниже, обнаружил наши тридцатьчетверки. Сделав над ними круг, увидел машущих танкистов. Покачав им в ответ крыльями, передал на аэродром: "Вылет отставить!"

Как оказалось, через Цвитов форсированным маршем спешили к Берлину танкисты генерала А. А. Лучинского.

Огненный вал уже захлестывал логово фашизма. Одновременно танковые соединения, взаимодействуя с общевойсковыми, осуществляли маневр по окружению и расчленению берлинской группировки.

Так, в кольце окружения оказались две изолированные между собой группировки: одна - непосредственно в Берлине, другая,

получившая название франкфуртско-губенской и состоявшая из 14 дивизий и ряда отдельных частей, в лесах юго-восточнее его. Эту группировку Гитлер намеревался использовать для деблокирования своей столицы.

Перед штурмовиками корпуса встала весьма ответственная задача: во-первых, помочь 4-й танковой армии надежно закрыть пути выхода противника на юго-запад, во-вторых, не допустить к Берлину 12-ю армию Венка и, в-третьих, не выпустить остатки 9-й армии противника, уже раздробленной нашими ударами и прорывавшейся в районе Луккенвальде на запад, в американскую зону.

Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов продолжали штурмовать Берлин и в то же время занимались планомерным уничтожением живой силы и техники армии Буссе,двигающейся к Берлину для соединения с армией Венка. Куда бы разрозненные блуждающие "котлы" не пытались прорваться, их повсюду встречали истребительно-противотанковые полки и бригады.

"Не было спасения врагу и от нашей авиации, - впоследствии писал член Военного совета 1-го Украинского фронта генерал К. В. Крайнюков, непрерывно преследовавшей и беспощадно уничтожавшей большие и малые "котлы". Гитлеровцам особенно крепко досталось в районе Барута, где образовалось настоящее кладбище разбитых и обгоревших немецких танков, бронетранспортеров и другой боевой техники. Мощные удары по врагу наносили эскадрильи и полки 1-го гвардейского штурмового авиакорпуса..." {34}

Оценивая обстановку, в частности связанную с деблокированием окруженной берлинской группировки, маршал И. С. Конев на совещании в штабе фронта сказал: "Думаю, что Лелюшенко при поддержке Рязанова сумеет охладить пыл Венка..."

Прибыв в штаб корпуса, Василий Георгиевич ознакомил меня, полковника Шундрикова и генерала Баранчука с приказом, в котором четко определялись задачи по отражению контрудара 12-й армии немцев. Затем генерал Рязанов отбыл в полки.

...Выслушав доклад майора М. Степанова, командир корпуса приказал вызвать Героя Советского Союза старшего лейтенанта Т. Бегельдинова. В ожидании летчика склонился над крупномасштабной картой.

Задача была сложной: подойти к Берлину со стороны Луккенвальде. Там западнее города был мост. Следовало осмотреть его. Затем - курс на Потсдам. Разведку провести аккуратно. Высота полета домой - пятьдесят-восемьдесят метров.

Уловив удивление Бегельдинова по поводу указанной высоты, генерал сказал:

- Полет очень сложный, и такая высота будет наиболее безопасной.

Через несколько минут штурмовик был в воздухе. Позади остался Луккенвальде, до Берлина - не более двадцати километров.

Неожиданно перед собой разведчик увидел поле аэродрома. На нем несколько истребителей. Форсируя газ, Бегельдинов поспешил подальше от опасного места,

А с земли настойчиво запрашивали: - Тринадцатый, почему молчишь? Почему молчишь?

И только когда вражеский аэродром остался далеко позади, Талгат сообщил его координаты, количество истребителей.

Под крылом - берлинские пригороды. В скверах, на площадях и на крышах домов - сотни зенитных установок. Вот и мост. По нему в несколько рядов идут танки, бронетранспортеры, автомашины с пехотой.

Бегельдинов не выдержал, заикнулся об атаке, но в наушниках раздался резкий голос командира корпуса: "Отставить!"

У Потсдама "визит" советского штурмовика не на шутку встревожил зенитчиков. Пришлось развернуться и зайти с другой стороны. Но и тут попетлял, пока "оторвался" от зенитчиков. И все же одну батарею заставил умолкнуть.

Возвращаясь с ценными сведениями о противнике, Бегельдинов обошел стороной упомянутый аэродром, пересекая линию фронта. Правда, теперь на его поле не красовались ровные ряды "мессершмиттов", а валялись лишь их дымящие обломки.

На КП полка старшего лейтенанта Бегельдинова встретил генерал Рязанов и крепко обнял засмущавшегося казахского паренька.

После Бегельдинова на разведку ушел лейтенант А. Расницов в паре с младшим лейтенантом Н. Любушкиным. Этим повезло меньше. Собрав данные о противнике, они наткнулись на "фоккеры". Понадеявшись на прикрытие четырех "яков" и ослабление активности немецких летчиков, сами утратили бдительность.

Уходить было поздно. Два "фоккера" ринулись в атаку на разведчиков, остальные потянулись к истребителям.

Любушкин в первые мгновения растерялся, но ведущий строга приказал;

- Держись поближе ко мне!

Воздушный стрелок сержант К. Саянин открыл прицельный

огонь из турельной установки, и "фоккер" поспешно вышел из атаки. Как более опытный летчик, Расницов старался привлечь к себе внимание вражеского аса, чтобы дать ведомому возможность опомниться. На третьем заходе Расницов отчетливо увидел сквозь плексиглас фонаря лицо гитлеровца. За секунду до этого тот зашел Анатолию в хвост, но, не выдержав меткого огня, открытого стрелком, прошмыгнул под фюзеляжем и оказался впереди.

Мгновенно развернув самолет, Расницов поймал ФВ-190 в прицел и нажал на гашетки. Немец свалился на крыло и стремительно понесся к земле.

В течение дня генерал Рязанов бывал на разных участках фронта, в каждом своем полку. В 140-м гвардейском дела шли хорошо. Его командир майор Д. Нестеренко доложил об успешном вылете группы штурмовиков в район Луккенвальде. Здесь старший лейтенант И. Филатов сжег несколько "тигров" на северной окраине города. Экипажи возвратились после штурмовки в целом благополучно. Только младшему лейтенанту П. Харченко не повезло. Зенитный снаряд попал в левую плоскость его "ила", тягу элеронов посекло осколками. Пришлось выйти из боя.

Майор Нестеренко также доложил командиру корпуса, что над аэродромом на высоте двухсот метров прошел реактивный самолет Ме-262. Наши зенитчики обстреляли его, но "мессершмитт" отвернул в сторону автострады.

Василий Георгиевич махнул рукой.

- Гитлер демонстрирует нам свое "чудо", о котором раструбил на весь мир, но оно его уже не спасет. Не сегодня завтра Берлин будет в наших руках.

Через несколько часов командир корпуса был в штабе генерала Д. Д. Лелюшенко. На "передке" обстановка всегда яснее. Это особенно важно было теперь, когда части и соединения Лелюшенко находились в непосредственном соприкосновении с противником, оказавшимся в кольце окружения, а также частями, рвущимися на выручку окруженным. В иных местах линию фронта трудно было и определить. Это обстоятельство особенно тревожило командира корпуса: немудрено угодить и по своим.

Эти же опасения высказал и Лелюшенко. Он дал указание начальнику штаба генералу К. И. Упману докладывать обо всех изменениях в расположении наземных войск, немедленно ставить о них в известность авиаторов, передовым подразделениям четче обозначать свое местонахождение.

- А то Рязанов так может ударить, - усмехнулся Дмитрий Данилович, - что костей не соберешь. Какая мощь в его руках!

Надо за каждого человека душой болеть. Сколько люди прошли, пережили - и вдруг...

Василий Георгиевич не удивлялся наставлениям танкового военачальника. Сколько раз он сам мысленно выстраивал перед собой своих людей, пристально смотрел в их глаза, проникаясь их чувствами. Как хотелось всех сберечь, чтобы каждый увидел конец войны, пережил радость долгожданной победы. Ведь это было для них высшим представлением о счастье!..

И штурмовики продолжали непрерывно атаковать окруженную группировку.

...В районе Потсдама разведка обнаружила на железнодорожной станции шесть эшелонов с войсками и боевой техникой. Генерал Рязанов поручил майору М. Степанову разгромить станцию, которую прикрывало плотное кольцо зенитных батарей. "Илов" сопровождали истребители капитана Н. Шутта. "Яки" летели впереди штурмовиков и чуть сверху, как бы прокладывая путь товарищам. Вот и истребители врага! Две пары Ме-109. Идут стороной, боятся ввязываться в драку. Но Шутт никогда не любил "конвой" врага, его страстью было чистое небо и абсолютная безопасность для тех, кого сопровождал.

- Атака!

Зазвенел от напряжения мотор "яка", и белый след выписал в воздухе гигантскую кривую. Всего лишь на мгновение Шутт увидел "мессера" в поле прицела, пушечная трасса догнала его и распоролa снизу живот. На секунду зависнув в воздухе, Шутт сделал переворот через крыло и ястребом кинулся на другой истребитель. Сбил его первой же очередью.

Даже выдавший виды майор М. Степанов, прирожденный воздушный боец, впоследствии рассказывал: "Всю войну я провел в небе, но таких красивых атак, такого совершенства в маневре и стрельбе не видел..."

В районе цели от каждой девятки "ильюшиных" отделились по два самолета и спикировали на зенитные батареи. Ударная группа Степанова подошла к станции и забросала ее бомбами. Взлетели в воздух вагоны, платформы, вспыхнули и запылали цистерны. Повторная атака буквально стерла объект с лица земли.

Одновременно с аэродрома Калау ушла на задание шестерка лейтенанта С. Чепелюка (воздушный стрелок сержант В. Екатериничев). Курс - на Берлин.

На горизонте уже показался задымленный город, но задача у Чепелюка была иной. За полкилометра до окраин штурмовики спикировали до самой водной глади Шпрее и сбросили бомбы на баржи.

Через несколько минут вспененная вода реки поглотила посудины с вражескими танками...

Последние боевые вылеты были, пожалуй, самими сложными. Предчувствуя неотвратимую гибель, враг дрался фанатично, не на жизнь, а на смерть.

...Эта встреча штурмовиков с истребителями противника произошла у самого Берлина. Ведущий майор Д. Яковицкий перестроил группу из "пеленга" в "змею". Ширина ее была около восьмисот метров. Так как немцев было вдвое больше, Яковицкий стал оттягивать "мессеров" и "фоккеров" на территорию, занятую нашими войсками. Первую атаку отбили. Слаженность и взаимопомощь экипажей позволили сорвать все попытки врага уничтожить группу. Опытный ведущий Яковицкий в ходе боя несколько раз менял маневры группы.

Потеряв четыре машины, гитлеровцы поспешили выйти из боя, а штурмовики продолжали выполнение задания.

Работать экипажам приходилось в очень сложных условиях: дым и пыль, поднятые непрерывными разрывами бомб и артиллерийских снарядов, крайне ухудшали видимость, затрудняли возможность определить с воздуха положение своих войск.

По несколько раз в день группа старшего лейтенанта И. Михайличенко вылетала на штурмовку танков, зенитных установок, домов-крепостей, где отбивались гитлеровцы, и с ювелирной точностью посылала на них бомбы и эрэсы, поливала огнем пушек и пулеметов.

...И снова эта эскадрилья в воздухе. Вот и район поиска. Вражеской техники не видно. Но рядом с городским парком видны несколько странных домиков - две большие постройки, похожие скорее на сараи. Старший лейтенант И. Михайличенко разворачивает самолет и дает короткую пушечную очередь по одному из сараев. Впечатление, будто задел осиное гнездо: тут же со всех сторон ударили зенитки, из построек поползли танки и, набирая скорость, метнулись в сторону парка.

Штурмовики, сделав заход, подавили сначала зенитки, затем с отвесного пикирования стали прочесывать парк...

Генерал Венк начал первые атаки на участке Белитц-Трейенбритцен, стремясь прорвать позиции 5-го гвардейского мехкорпуса генерала И. П. Ермакова силами пехотной дивизии "Теодор Кернер" и 243-й бригады штурмовых орудий. Срывая яростные атаки гитлеровцев, гвардейцы Ермакова стояли насмерть.

В разгар этих событий на КП генерала Ермакова приехали Лелюшенко и Рязанов. Отсюда, с крыши одного из домов на

украине Трейенбритцена, они нацеливали грозные машины на танковые группы 12-й армии. Штурмовики корпуса произвели в этот период четыреста самолето-вылетов, сожгли десятки танков, уничтожили огромное количество живой силы врага. Мастерски обрабатывали наземные цели, показали истинно рязановскую школу штурмовки летчики И. Бойко, Б. Бондарев, А. Исаев, Н. Петров, С. Перегудов, Н. Опришко, П. Шакурин, С. Щербаков, К. Алдыяров, В. Сухов, Н. Новиков, И. Голик, Б. Щенников, В. Тостановский, С. Земцев, В. Лобов, Г. Мушников, В. Зотов, П. Новожилов, А. Суворов, Н. Лапутин...

Рядом с ними действовали надежные стражи экипажей воздушные стрелки Н. Губасов, И. Гребенсков, Н. Сидоркин, М. Митраков, Н. Тихомиров, С. Кобзарев, В. Зайцев, К. Тюрин, В. Шорохов, В. Синельников, Г. Белоус, Е. Снегирев, А. Андреев, Д. Глазырин, Ф. Чибиряк, В. Ваньжа, А. Махлай, С. Кудляк, В. Уланов, Е. Артамонов, С. Грузнов...

Огромный вклад в исход последних сражений внесли и истребители прикрытия И. Гнездилов, Н. Лошак, В. Шевчук, А. Овчаренко, В. Артамонов, В. Поваров, В. Усов, И. Ганенко, Б. Михайлов, А. Максимов.

Потерпев неудачу, гитлеровцы перенесли свои усилия на новое направление - на Белитц.

Помню, генерал В. Г. Рязанов после двух бессонных суток прибыл на НП командира 12-й гвардейской мехбригады полковника Г. Я. Борисенко, оборудованный на вышке бывшего жандармского управления Луккенвальде.

Накануне, после полуночи 1 мая, наземная разведка обнаружила в лесу юго-западнее Луккенвальде большое скопление гитлеровцев. Едва забрезжил рассвет, противник открыл сначала плотный артиллерийский огонь, а вслед за обстрелом из леса повалили густые цепи пехоты.

Не преувеличу, если скажу, что накал боя достиг своей высшей точки: подразделения полковника Борисенко еле сдерживали натиск обезумевших немцев, рвущихся на запад.

Все было пущено в ход: бойцы и командиры отбивались гранатами и трофейными фаустпатронами, дело доходило до рукопашной. Для бригады создалась напряженная обстановка, на исходе были боеприпасы. Что делать? Вызывать авиацию? Но ведь немцы подошли вплотную к боевым порядкам бригады, обтекали ее оборону. При таком тесном соприкосновении войск штурмовка с воздуха не допускалась. И все же генерал Рязанов рискнул, принял это единственно спасительное решение - вызвал своих штурмовиков.

Когда "илы" оказались в указанном квадрате, речь уже шла не

о районе штурмовки - Василий Георгиевич отдал приказ на штурмовку контратакующего противника. У многих командиров экипажей, как они позже рассказывали, волосы встали дыбом: штурмовать квадрат, где работал сам генерал Рязанов! Даже переспросили, Но он спокойно повторил:

- Бейте!

Никогда еще летчики не испытывали такого напряжения. Каждый старался бить идеально точно. "Ильюшины" "клевали" и "клевали" фашистов, пока те не поползли в разные стороны...

"Штурмовики Рязанова, - писал в своих мемуарах "Записки командующего фронтом" Маршал Советского Союза И. С. Конев, - имевшие большой опыт борьбы с танками, и на этот раз превосходно показали себя. Парируя удар достаточно сильной и крупной группировки противника, они помогли не только 5-му гвардейскому мехкорпусу и армии Лелюшенко, но и всему нашему фронту".

Разгром гитлеровцев в Берлинской операции стал для 1-го гвардейского штурмового авиакорпуса вершиной его боевого мастерства. Тесно взаимодействуя с общевойсковыми соединениями, он наносил неотразимые удары по врагу, разрушал его оборонительные сооружения, подавлял огневые средства и живую силу, бомбардировал колонны гитлеровцев на дорогах, при выдвижении их из глубины обороны, на выходе из окружения, нарушал управление. В конечном счете боевое применение авиации в Берлинской операции наиболее полно выражало сущность той формы ведения боевых действий, которая в годы войны именовалась авиационным наступлением.

Родина высоко оценила боевые действия авиаторов.

В приказе Верховного Главнокомандующего № 359 от 2 мая 1945 года в связи с завершением разгрома берлинской группировки и овладением городом Берлин были отмечены многие, объединения, соединения и авиационные части, в том числе и гвардейский штурмовой авиакорпус генерала В. Г. Рязанова. Корпусу было присвоено почетное наименование "Берлинский".

8 мая представители поверженной фашистской Германии подписали акт о безоговорочной капитуляции. Но войне еще не пришел конец. В Чехословакии действовали войска группы армий "Центр" и "Австрия", которыми командовали фельдмаршал Ф. Шернер и генерал Л. Рендулич. Они отказались капитулировать и стремились вывести свои дивизии для сдачи в плен американской армии. Необходимость усилить удары по врагу, не допустить его прорыва на запад и завершить освобождение Чехословакии диктовала и внутренняя обстановка, сложившаяся к началу мая.

По этой причине командование 1-го Украинского фронта в небывало короткий срок произвело переброску войск из района Берлина на дрезденское направление.

Решительным натиском советские войска сломили сопротивление вражеских дивизий и устремились к Праге, в ночь на 9 мая передовые отряды с различных направлений вступили в город. Над Златой Прагой взвилось Красное Знамя.

Под занавес произошло следующее: наши танкисты наголову разбили гитлеровцев под Дрезденом, развили высокий темп наступления к Праге. И здесь в штаб фронта принесли радиограмму: "Нахожусь в Праге. Еременко".

Маршал И. С. Конев расстроился: ведь его командармы Рыбалко и Лелюшенко должны там быть первыми, почему же в Праге оказался командующий войсками 4-го Украинского фронта генерал А. И. Еременко?

Иван Степанович приказал вызвать по радио Рыбалко или Лелюшенко, выяснить обстановку, но те молчали. Тогда он связался со штабом 2-й воздушной армии, спросил генерала С. А. Красовского:

- Вы знаете, что наши войска вступили уже в столицу Чехословакии?

- Да, об этом донесли воздушные разведчики.

- Какие же части там находятся? Мне доложили, что в Праге сейчас Еременко.

- Трудно сказать...

- Пошлите своих летчиков и уточните, кто же вошел в город.

Генерал Красовский позвонил в корпус и приказал с рассветом отправить в Прагу самолет. Для страховки через пару часов с тем же заданием вылетел и второй штурмовик.

Командующий фронтом с нетерпением ждал донесения, часто запрашивал аэродромы, но самолеты не возвращались.

И снова группа машин пошла через Рудные горы.

Результат тот же: как в воду канули "ильюшины".

Пришлось об этом доложить маршалу Коневу. Тот недовольно оборвал разговор:

- Мне все известно. Рыбалко и Лелюшенко уже в Праге.

А произошло вот что. Командующий 4-м Украинским фронтом генерал А. И. Еременко и начальник оперативного отдела штаба 3-й танковой армии оказались однофамильцами. Что же касается наших летчиков, то едва они сели на пражский аэродром, как попали в такой "плен" к местным жителям, что пробраться к центру города и выяснить, чьи же войска в него вошли, оказалось невозможным. Их обнимали, осыпали цветами. Оживленно заводи́ли беседы.

- Наздар! Победа! Нех жие Руда Армада! - слышалось со всех сторон.

9 мая штурмовики нашего корпуса завершили активные боевые действия. Последний удар по врагу провели экипажи Т. Бегельдинова, Н. Столярова, И. Драченко, Н. Киртока, С. Чепелюка, М. Коптева, А. Левина, И. Медведева, И. Козлова, М. Журы, А. Смирнова, Е. Захарьева.

Штурмовку выполняли по личному указанию командующего войсками фронта Маршала Советского Союза И. С. Конева. Дело в том, что большая группа гитлеровцев и их приспешников-власовцев пыталась уйти на запад.

Командиром полка подполковником А. Матиковым оперативно были подобраны экипажи, ведущим назначен Герой Советского Союза старший лейтенант А. Рогожин. Спустя десять минут с аэродрома Зенфтенберг группа пошла на взлет, о чем было доложено по инстанции. Задание штурмовики выполнили отлично вражескую колонну разнесли в пух и прах. От маршала И. С. Конева последовал звонок: "Всему личному составу 143-го гвардейского штурмового авиаполка объявляю благодарность".

Я тогда очень удивился, почему командующий лично поставил боевую задачу полку. За всю войну не было таких случаев. Потом понял. Очевидно, решающее значение имел фактор времени.

Через несколько дней в работе штаба выдалась свободная минута, и мы с группой офицеров решили поехать в поверженный Берлин.

Утро стояло чудесное, светило ласковое солнце. Казалось, сама природа ликовала, празднуя гибель коричневой чумы.

У въезда в город нас остановил патруль, проверив документы, подсказал, как добраться к центру.

Перед рейхстагом мы задержались. Мрачное закопченное здание было иссечено, испещрено тысячами снарядных осколков и пуль. Его стены снаружи и изнутри, снизу доверху пестрели надписями, сделанными углем, мелом, а то и просто процарапанные штыками и ножами: "Здесь был..." По, надписям прочитывалась вся география победителей.

На обратном пути, ближе к полудню, увидели на площадях дымящие кухни. К ним спешили дети, старики, женщины. Пугливо озираясь по сторонам, они получал" пищу и торопливо удалялись восвояси.

На куче дров возле кухни одиноко сидел седой изможденный немец в пенсне и плакал. Мы подошли к нему. Через переводчика узнали, что старик этот бывший школьный, учитель. Он говорил: "Как же нас обманывали, все время твердили, что придут русские

и всех жителей уничтожат. А они кормят нас, умирающих от голода".

Было над чем задуматься! У скольких наших солдат, таких, как этот серьезный повар, раздающий пищу, убили мать, отца, замучили жену, угнали в неволю сестру, а они делились с немцами своим куском хлеба... Да, беспрдельно добрая душа у нашего народа!..

* * *

Всем нам, ветеранам 1-го гвардейского штурмового полка, на всю жизнь врезался в память июньский день 1945-го.

Аэродром Финстервальде. Вдоль огромных ангаров застыли краснoзвездные "илы". Перед ними части корпуса. Жарким пламенем горит и вьется на ветру гвардейское Боевое Знамя с орденом Красного Знамени и муаровой лентой. На этом Боевом Знамени запекалась кровь многих летчиков, воздушных стрелков, авиаспециалистов, которые не дошли до победы. В числе погибших Герои Советского Союза К. В. Абухов, Г. П. Александров, Е. А. Алехнович, И. Ф. Базаров, П. С. Битюцкий, В. Т. Вереvкин, И. Г. Газизуллин, А. И. Гридинский, К. Е. Гришко, И. Т. Гулькин, И. К. Джинчарадзе, Н. А. Евсюков, А. М. Кобзев, В. В. Кудрявцев, Б. В. Лопатин, М. С. Малов, П. А. Матиенко, В. С. Олейников, С. Д. Пошивальников, М. А. Федосеев, Н. Д. Хорohoнов, Б. Д. Щапов.

Боевой путь корпуса составил 4500 километров, начиная от Москвы и до Праги. При этом ни один полк корпуса не выводился за все время боевых действий на отдых и переформирование.

Около 6 тысяч авиаторов соединения отмечены орденами и медалями, 94 присвоено звание Героя Советского Союза, дважды этого звания удостоены В. И. Андрианов, Т. Я. Бегельдинов, С. Д. Луганский, И. Х. Михайличенко, М. П. Одинцов, В. Г. Рязанов и Н. Г. Столяров. Герой Советского Союза И. Г. Драченко стал также полным кавалером ордена Славы. Он единственный летчик в Военно-Воздушных Силах, который удостоен таких высоких государственных наград.

...Митинг по случаю награждения корпуса орденом Суворова 2-й степени открыл генерал-лейтенант авиации В. Г. Рязанов.

Выступившие Маршал Советского Союза И. С. Конев и генерал-полковник; авиации С. А. Красовский отметили, что за два года совместной боевой работы не было ни одного случая невыполнения, срыва боевой задачи, ни одной жалобы со стороны наземных войск. Мы понимали - большая заслуга в этом нашего командира генерал-лейтенанта Рязанова, первого авиатора, осуществившего управление боевыми группами с переднего края наземных войск.

Перед тем как прикрепить к алому полотнищу орден Суворова, И. С. Конев напомнил, как он, вручая корпусу первую награду - орден Красного Знамени, еще тогда высказал уверенность - крылатые гвардейцы первыми будут штурмовать Берлин. Так оно и случилось! Затем Иван Степанович вручил генералу В. Г. Рязанову вторую медаль "Золотая Звезда", начальнику штаба соединения генерал-майору авиации А. А. Парвову - орден Ленина, а мне - орден Суворова 2-й степени.

Перед строем знаменосцы Герои Советского Союза Майоры А. Е. Максимов, М. К. Токаренко и лейтенант И. Г. Драченко пронесли святыню соединения, которую в недалеком будущем украсил еще один боевой орден - Кутузова 2-й степени.

Мы искренне радовались такой высокой оценке труда нашего любимого командира, который провел корпус по многотрудным дорогам войны со дня его формирования и не покидал его ни на один день.

Пройдет время, и Маршал Советского Союза И. С. Конев так напишет о Василии Георгиевиче Рязанове: "Человек своеобразной военной судьбы, он был одним из лучших авиационных начальников, с которыми мне приходилось работать в бытность мою командующим фронтом...

Лично для меня коммунист Рязанов был эталоном во всех отношениях, истинным новатором, первопроходцем, как по складу своего характера, так и по своим делам. Ему было присуще довольно редкое сочетание беззаветного мужества, почти безоглядной храбрости с железной самодисциплиной, требованием строжайшего порядка от подчиненных и преданность делу, которому он посвятил всю свою жизнь.

После войны генерал В. Г. Рязанов командовал авиацией Киевского военного округа, был кандидатом в члены ЦК Компартии Украины, избирался депутатом Верховного Совета УССР.

Василий Георгиевич умер сравнительно молодым, на пятьдесят первом году жизни. Сказалось все - и те тяжелые дни, которые довелось пережить по навету недоброжелателей, и, конечно, война, оставившая не один рубец на его сердце.

На родине дважды Героя Советского Союза В. Г. Рязанова в поселке Большое Козино Горьковской области установлен бронзовый бюст, создан музей. Имя генерала Рязанова носит школа и пионерский отряд города Киева.

* * *

Тяжелым, но победным был путь нашего 1-го гвардейского штурмового Кировоградско-Берлинского Краснознаменного, орденов Суворова и Кутузова авиационного корпуса. Славу его

ковали все - командиры, летчики, воздушные стрелки, работники штабов, инженерно-технический состав, связисты, специалисты-"тыловики" и политработники.

Политическая работа в частях и подразделениях велась непрерывно, с большой напряженностью и эффективностью. И заслуга в этом таких коммунистов, как И. С. Беляков, В. З. Гультияев, Е. И. Копылов, К. Г. Присяжнюк, И. М. Хотылев, В. С. Кутаров, В. Ф. Посохин, П. В. Поляков...

Огромная нагрузка по организации боевых действий штурмовиков ложилась и на наших штабников - П. И. Брайко, А. А. Парвова, Я. Х. Иоффе, К. А. Белододе, С. С. Гайдаренко, В. В. Приходько, Н. Ф. Караванова, В. Ф. Говорина, Д. М. Спащанского, Д. С. Уртаева, С. М. Зверева, Ф. С. Гудкова, И. П. Евдокименкова, Е. С. Иванова, К. Ф. Пусторнакова, Г. В. Виноградова, А. В. Устинова, В. Я. Онищенко, И. Е. Безбердого.

Работали не покладая рук, стойко переносили все трудности и лишения авиационные инженеры. Любой труд им был по плечу. Творчески, самоотверженно выполняли свои обязанности М. М. Павликов, С. И. Головкин, И. Д. Богатов, Е. С. Пуртов, В. И. Котелевский, Л. П. Бондарев, И. П. Литвиненко, В. Н. Фролов, Ф. И. Кушко, В. Н. Яценко, А. С. Сахаров, С. И. Бабин, И. Я. Назаров.

Не могу добрым словом не вспомнить офицеров-связистов, помогавших штурмовикам в самых сложных ситуациях, в любых метеорологических условиях. Это М. П. Минин, И. И. Глушко, З. Б. Рабинович, Н. В. Макеев, М. А. Муравьев, И. И. Клочко, Е. И. Горшков, И. А. Чепелев...

Женщина и война! Как несовместимы эти понятия! Но мы помним, как девчушки в военной форме не спали сутками, дежурили у радиостанций, отлаживали моторы и вооружение боевых машин, как волокли к самолетам перед нашим вылетом на штурмовку тяжелые бомбы, кормили и поили нас, перевязывали раны.

Плечом к плечу с мужчинами несли бремя войны Клава Петрова, Аня Свириденко, Лена Рогожникова, Тоня Сковородова, Тоня Яценко, Надя Ясенская, Аня Сорокина, Тося Глушенко, Нина Ладынина, Мила Макарова, Настя Курочкина, Шура Тимошина, Катя Кубышкина, Эмма Узилевская, Валя Медведева и многие другие.

Низкий поклон нашим боевым связисткам Ирине Рязановой, Кире Астафьевой, Тоне Зеленковой, Тоне Лебедевой, Маше Коршуновой, Зое Моштаковой, Люсе Смирновой, Маше Якунчиковой, Алле Тришиной, Гите Колтуновой, Наташе Сборщиковой, Ане Мельниковой, Асе Гришиной, Оле Шалей, Тоне Волощук...

Давно отгремели залпы жестоких сражений. Но чем дальше уходят те годы, тем больше бередят душу воспоминания о боевых побратимах, кого так безжалостно вырвала из жизни война.

В Керчи есть улица Пошивальникова. Имя Степана Пошивальникова дано одному из рыболовецких траулеров Черноморского пароходства. В городе Вязники Владимирской области есть улица Николая Хорохонова. Ярославцы одну из своих улиц называли именем Бориса Щапова. Именем Героя Советского Союза А. И. Гридинского названа улица в городе Шацк Рязанской области. В школе молдавского села Старые Пиструени установлен бюст героя.

В Зугрэсе Донецкой области вы, можете найти улицу Евгения Алехновича, а в Горловке - Николая Чуры. Имя его присвоено одному из пионерских отрядов школы в селе Малиновка Харьковской области. Пионерские отряды села Шенгури Полтавской области и села Бузовая Киевской области носят имена Петра Горбачева и Михаила Малова. В школе села Недогарки Кировоградской области учрежден переходящий выпел имени Героя Советского Союза Михаила Мочалова. Волжанин Герой Советского Союза капитан И. Ф. Базаров похоронен в центре села Лозоватка, недалеко от Кривого Рога. Село Грузке ныне переименовано в Базарово. Герою Советского Союза Кириллу Гришко в поселке Куйбышево Запорожской области установлен бюст, а при 1-м интернате в Харькове создан Музей Героя Советского Союза Бориса Лопатина.

В Горьковской области сооружен гранитный обелиск, на котором золотыми буквами выбито: "Герою Советского Союза Малову Михаилу Семеновичу (1914-1943) от комсомольцев и молодежи Воротынского района". Пионерская дружина школы в Гайском районе Оренбургской области носит имя Героя Советского Союза Н. А. Евсюкова. В Астрахани пионерский лагерь назван в честь их земляка Михаила Дроздова.

В одном из авиационных гарнизонов Забайкальского ордена Ленина военного округа высится обелиск. На табличке слова: "Герой Советского Союза гвардии полковник Дмитрий Акимович Нестеренко. 20 октября 1906 года - 23 мая 1953 года".

А время идет... Постепенно редеют наши ряды. Но каждый, кто остается в строю, продолжает активно трудиться на всех фронтах нашей мирной жизни. Сегодня мои боевые товарищи - видные военачальники, партийные и хозяйственные работники, ученые, инженеры, преподаватели, врачи, геологи, художники...

После войны мне довелось работать в Москве в Главном штабе Военно-Воздушных Сил Советского Союза. Окончив Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР

имени К. Е. Ворошилова, занимал ответственные командные должности. С конца 1959 года уволен в запас в звании генерал-майора.

Многие мои однополчане также уже на пенсии, но ведут большую военно-патриотическую работу среди молодежи, ибо знают: пока война возможна - наша готовность к любым неожиданностям должна быть стопроцентной.

В данной книге вспомнил далеко не всех, о ком хотелось бы сказать доброе слово. Уверен, товарищи не упрекнут меня за это. А кто-то из них, возможно, и сам дополнит рассказ о героических свершениях нашего прославленного корпуса, который по праву был флагманом штурмовой авиации в Военно-Воздушных Силах СССР.

Примечания

{1} Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 1968. С. 56.

{2} Красная звезда. 1943. 6 марта

{3} Великая Отечественная война Советского Союза, 1941 - :1945: Крат, история. М., 1985. С. 393.

{4} Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. С. 173.

{5} Речь идет о новом виде полетов. - Авт.

{6} Воен.-ист. журн. 1975. №1. С. 78.

{7} Красовский С. А. Жизнь в авиации. Минск, 1976. С. 167.

{8} Красовский С. А. Жизнь в авиации. С. 176.

{9} Жуков Юрий. Укрощение "тигров". М., 1961. С. 136.

{10} Центральный архив Министерства обороны СССР. Ф 327 Оп. 48734 Д. 1. Л. 110 (Далее: ЦАМО СССР).

{11} Правда. 1943. 26 авг.

{12} Гречко С. Н. Решения принимались на земле. М., 1984. С. 135.

{13} Правда. 1943. 26 авг.

{14} ЦАМО СССР. Ф. 1 гв. шак. Оп. 210122. Д. 3. Л. 82.

{15} Речь идет о командующем фронтом И. С. Коневе. - Авт.

{16} ЦАМО СССР. Ф. 132-а. Оп. 2642. Д. 34. Л. 313.

{17} ЦАМО СССР. Ф. 327. Оп. 142197. Д. 15. Л. 29-36.

{18} ЦАМО СССР. Ф. 327. Оп. 499. Д. 108. Л. 9.

{19} Гречко С. Н. Решения принимались, на земле. С. 171-173.

{20} Сборник материалов по изучению опыта войны. М. 1945. № 14. С. 32.

{21} Гречко С. Н. Решения принимались на земле. С. 174-175.

{22} Гречко С. Н. Решения принимались на земле. С. 180.

{23} Катаев Валентин. Эхо военных лет. М., 1979. С. 47-48

- {24} ЦАМО СССР. Ф. 1 гв. шак. Оп. 532229. Д. 1. Л. 7
- {25} Крылья победы. 1944. 16 июля
- {26} Меллентин Ф. Танковые сражения 1939-1945 гг. М., 1957. С.237
- {27} Ныне г. Нестеров Львовской обл. - Ред.
- {28} Кок - металлический обтекатель, закрывающий механическую часть винта. - Авт.
- {29} Крылья победы. 1944. 13 сент.
- {30} Красная звезда. 1985. 19 янв.
- {31} Конев И. С. Записки командующего фронтом. М., 1981. С. 472.
- {32} Ныне г. Вроцлав, ПНР. - Ред.
- {33} Ныне Глогув, ПНР. - Ред.
- {34} Крайнюков К. В. Оружие особого рода. М., 1977. С. 605.